

дерево / wood

ОАО ИРКУТСКИЙ ПРОМСТРОЙПРОЕКТ

ОАО «Иркутский Промстройпроект» имеет более чем 50-летний опыт проектирования промышленных, гражданских и жилых зданий, входит в единый реестр федерального Лицензионного центра Госстроя России «Лучшие предприятия инвестиционно-строительного комплекса России». По результатам ежегодной оценки его деятельности последние пять лет общество постоянно занимает места в первой сотне рейтинга ведущих проектных организаций России.

664025, г.Иркутск,
ул.Степана Разина, 6
Тел.: (395-2) 21-15-96, факс:
(395-2) 34-40-48
E-mail: ipsp@ipsp.ru,
archiv@ipsp.ru

Мы выполняем следующие виды работ:

- Осуществление функций генпроектировщика и комплексная разработка проектной документации на строительство объектов промышленного и жилищно-гражданского назначения.
- Разработка градостроительной документации и дизайн-проектов.
- Обследование технического состояния зданий, сооружений и отдельных конструкций.
- Экспертиза промышленной безопасности объектов цветной металлургии и коксохимических производств, объектов химии, нефтехимии и нефтепереработки, целлюлозно-бумажных и горных производств.
- Разработка специальных разделов проектной документации: охрана окружающей среды, инженерно-технические мероприятия гражданской обороны, мероприятия по предупреждению чрезвычайных ситуаций и других.
- Работы по обследованию состояния, консервации и ремонту, реставрации памятников истории и культуры федерального и местного значения.
- Проектный, технологический и строительный инжиниринг.
- Выполнение функций заказчика.

База МЧС в п.Никола

Школа №15 в г.Иркутске

Центральный банк в г.Иркутске

Локомотивное депо в г.Иркутске

3 дерево / wood

проект байкал/
project baikal
3952 42-37-27
www.rstroy.ru

Спонсор номера

3952 258-235
www.demetra.ru

события	
Иркутские архитекторы на фестивале и съезде	III
Итальянский мебельный дизайн в Сибири	XV
выставки	
Любимая тема художника Шипицына	V
портрет архитектора	
Арэг Саркисович Демирханов	VI
трибуна	
Улыбайтесь - на вас смотрят	XII
книга	
Неизвестная провинция становится известной	XIV
монитор	
Остановочные павильоны в городе Иркутске	XVIII

Издательская группа
выражает благодарность за
помощь и поддержку в
создании журнала главному
редактору журнала **проект
россия** Барту Голдхоорну и
издательству **А-Фонд**

адрес редакции
664033, г. Иркутск,
ул. Лермонтова, 128, оф. 339

тел.: 3952 42-37-26
3952 42-37-27
3952 42-37-28

web-site: <http://rstroy.ru>
e-mail: rosstroy@irk.ru

издатель
Татьяна Анненкова
главный редактор
Владимир Бух
координатор проекта
Елена Григорьева
редактор раздела
«События»
Хадича Дулатова
редактор раздела
«Портрет архитектора»
Светлана Середенкина
редактор раздела
«Монитор»
Ирина Теплякова

ПБ менеджер
Инна Дружинина
верстка
Евгения Трошина
корректор
Елена Селиванова
отдел рекламы
Ольга Павлова
Александра Рябченко
Надежда Недаболук
Выражаем благодарность за
участие в подготовке номера
Андрею Ляпину, Алексею
Чертилову, Светлане Сер-

денкиной; Антону Петухову
и Люциану Антипину за пре-
доставленные фотографии,
используемые при формиро-
вании номера и обложки.
печать
ОАО «Иркутская областная
типография №1» им. В.М.
Посохина
изготовление фотоформ
ООО «Агентство РИП»
Тираж 999 экз.
Подписано в печать 25.11.04
периодичность
4 раза в год

Использование текстовых и
фотоматериалов, опублико-
ванных в настоящем
издании, допускается только
с письменного разрешения
редакции. За содержание
рекламной информации ре-
дакция ответственности не
несет. Мнение редакции не
всегда совпадает с мнением
авторов.
на обложке реставрируемое
деревянное здание на улице
Грязнова в г. Иркутске
(см. с. 14-15)

подписка

агентство **РОСПЕЧАТЬ**

Вы можете оформить подписку в любом отделении связи

ПРОЕКТ РОССИЯ

в год **600* руб.** (индекс подписки **84672**)

на полугодие **300* руб.** (индекс подписки **84671**)

ПРОЕКТ РОССИЯ

в год **1200* руб.** (индекс подписки **80150**)

+ **ПРОЕКТ International**

на II полугодие **700* руб.** (индекс подписки **48646**)

*Цены указаны по каталогу агентства РОСПЕЧАТЬ в г. **Москве**

агентство **ПРОЕКТ МЕДИА**

Подписка производится на счет ООО «ПРОЕКТ МЕДИА» с предоставлением в редакцию данных о подписчике и копии платежного поручения. Подписаться можно также непосредственно в редакции.

ВИДЫ ПОДПИСКИ

ПРОЕКТ РОССИЯ

Вы получаете 4 номера ПРОЕКТ РОССИЯ

для частных лиц

в год **660 руб.**

для организаций

в год **980 руб.**

ПРОЕКТ РОССИЯ

Вы получаете 4 номера ПРОЕКТ РОССИЯ и

+ **ПРОЕКТ International**

3 номера ПРОЕКТ International

для частных лиц

в год **1320 руб.**

для организаций

в год **1880 руб.**

объединенная

Вы получаете 4 номера ПРОЕКТ РОССИЯ

3 номера ПРОЕКТ International

и 3 номера ПРОЕКТ КЛАССИКА

для частных лиц

в год **1660 руб.**

для организаций

в год **2380 руб.**

где приобрести журнал

Москва

Мосархинформ

ул. 2-я Брестская, 6

Другие города России

Екатеринбург ул. Ленина, 48, Дом архитекторов

Ищенко Галина Петровна

553023

Иркутск Черемховский пер., 1а, ИО СА России

Петрова Татьяна Петровна

503023

Красноярск ул. Баумана, 18, к.1

Зыков Евгений Аркадьевич

560721

Новосибирск ул. Ленина, 8, Галерея «Столица»

Ложкин Александр Юрьевич

100811

Новосибирск ул. Ленина, 30/2, кв. 16

Клевакин Александр

226085 542339(д)

Новосибирск ул. Сибирская, 13, кв. 5

Ильюшин Сергей

184458

Омск ул. Некрасова, 3

Чиркин Алексей Геннадьевич

238634

координаты и контактные телефоны:

тел /факс: **2323970, 2519577, 2518047**

почта: 125047 Москва

Триумфальная пл., д. 1, офис 904

e-mail: info@prorus.ru

prorus@online.ru

web-site: http://www.prorus.ru

ЦЕНТР КРОВЕЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ И ТЕХНОЛОГИЙ

E-MAIL: OFFICE@BAIS.BAIKAL.RU

(3952) 200-154

345-572

ИРКУТСК,
УЛ. СТЕПАНА РАЗИНА, 6
ОФИС 103

**СПЕЦИАЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ДЛЯ
АРХИТЕКТОРОВ**

КРОВЛЯ НА ВЕКА

Иркутские архитекторы на фестивале и съезде

4 – 14 октября – главная архитектурная декада 2004 года в России. В эти дни в Москве последовательно прошли XII Международный фестиваль «Зодчество-2004» и VI съезд Союза архитекторов России.

XII Международный фестиваль «Зодчество-2004»

Международный фестиваль «Зодчество» с каждым годом становится все более представительным, растет количество российских и зарубежных участников. В 2003 году регионы России выставили настолько мощно, что фестивальная экспозиция с трудом разместилась на огромных площадях Манежа – центрального выставочного зала Москвы. В этом году Манеж поставлен на реконструкцию после пожара, и фестиваль пришлось проводить в павильоне ВВЦ.

На фестивале «Зодчество-2004» побывали иркутские архитекторы Александр Колесников, Елена Григорьева, Андрей Макаров, Владимир Распутин («Иркутскгражданпроект»), Андрей Красильников («Иркутскжелдпроект»), Марк Меерович (ИрГТУ), Елена Жижченко («Промстройпроект»).

XII Международный фестиваль «Зодчество-2004» принес несколько высоких наград архитектору Иркутска. Как известно, самыми престижными разделами фестиваля являются «Постройки» и «Архитектурные мастерские и творческие коллективы». Именно в них присуждается национальная архитектурная премия «Хрустальный Дедал». В номинации «Общественные здания» раздела «Постройки» Серебряный диплом получил авторский коллектив архитекторов Алексея Буйнова, Елены Григорьевой, Сергея Муллаярова и конструктора Альберта Этингова за работу «Аудиторный блок Байкальского государ-

ственного университета экономики и права». Заказчик – БГУЭП (ректор М. А. Винокуров), подрядчик – АУС (ген. директор В. Л. Середкин), проектирование – ООО ПТАМ «Студия 7» и ОАО «Иркутскгражданпроект». Эта работа была представлена среди новостроек в первом номере журнала «Проект Байкал».

В разделе «Архитектурные мастерские и творческие коллективы» Бронзовый диплом получило сотрудничество ООО «Иркутскгражданпроект» с персональными творческими мастерскими «Литос», «АРКА», «АНЖ» и «Студия 7». В этом же разделе удачно выступил еще один коллектив из Восточной Сибири: мастерская архитектора Пилипенко «Первая линия» (г. Красноярск) получила Серебряный диплом.

Архитекторы Андрей Красильников и Владимир Горбенко получили Серебряный диплом Международного фестиваля «Зодчество-2004» в номинации «Деревянное зодчество» за гостиницу «Золотая Сова» на озере Байкал (материал об этой работе есть в главной теме номера). Дипломами также награждены студент архитектурного факультета ИрГТУ Евгений Золотухин в разделе «Студенческое творчество» и Юлия Лифантьева в разделе «Творчество молодежи».

После официальной пресс-конференции, на которой участники фестиваля рассказали об успешном выступлении иркутян на «Зодчество-2004», лауреат Государственной премии РФ, член-корр. РААСН, руководитель ПТАМ «Студия 7», председатель Иркутской организации Союза архитекторов Е.И. Григорьева дала эксклюзивное интервью для журнала.

– Елена Ивановна, что вы думаете о нынешнем «Зодчестве»?

– Мне кажется, что в этом году фестиваль был удачным. Выставка, размещенная в павильоне, спроектированном для ЭКСПО в Монреале, получилась хорошая, во всяком случае, не хуже, чем в прошлом году. Понравилась концепция расположе-

ния разделов экспозиции. Здесь она была более авангардной, чем в Манеже: не центральная аллея с площадью, а Красная линия, разворачивающаяся через площадь под прямым углом. И, что удивительно, несмотря на отдаленность ВВЦ, на выставке было достаточно много народа. Зал не пустовал, постоянно проводились различные акции и мероприятия.

Мне очень понравился павильон «Дом за городом». В центре композиции нечто, похожее на палатку или юрту, а внутри – два стула. Включают ролик, и ты оказываешься в виртуальном пространстве, которое охватывает со всех сторон, нет ощущения, что ты смотришь в экран.

Событием стала презентация фильма Ирины Коробыной «Кредо». После возвращения в Иркутск мы пригласили в Дом архитектора всех желающих и показали этот фильм. В ближайшее время планируем показать еще один фильм – «Московские игры», который мы привезли из столицы.

– Довольны ли вы результатами этого года?

– Пожалуй, да. Иркутские архитекторы опять хорошо выступили на фестивале «Зодчество», активно участвовали в работе Байкальского международного университета градостроительства. Но главным событием для нас был наш Межрегиональный фестиваль «Зодчество Восточной Сибири». Он прошел на высоком уровне, было много гостей, среди них президент Союза архитекторов Юрий Петрович Гнедовский и вице-президент Борис Сергеевич Нелюбин. Мастер-классы провели известные московские архитекторы Александр Андреевич Скокан и Алексей Львович Бавыкин. Начал выходить архитектурный журнал «Проект Байкал».

– Помните, в прошлом году вы сожалели, что Иркутская область не смогла принять участие в новом коллективном смотре-конкурсе. Был ли этот раздел на нынешнем фестивале «Зодчество» и как этот регион блеснул там?

– Смотр-конкурс «Архи-

тектура и градостроительство городов и субъектов Федерации» в этом году был очень интересным. В нем приняли участие порядка 30 республик, краев и областей. Удачно представили свои достижения коллеги из Хабаровского края. Заместитель краевого архитектора Александр Селеменов рассказал о том, как краевой архитектуре удалось аккумулировать силы и средства для участия в «Зодчестве». Получив приглашение президента Союза архитекторов России принять участие в этой выставке, губернатор края распорядился выделить 730 тысяч рублей (в прошлом году 450 т.р.) на подготовку материалов, оборудование и командировочные расходы архитекторов-организаторов, чтобы они смогли поработать на фестивальной экспозиции в Москве.

Краснодарский край блеснул, как и в прошлом году. Его обширная экспозиция включала в себя генпланы и концептуальные градостроительные документы по городам Геленджик, Сочи, Туапсе, Краснодар. Была мощно представлена концепция градостроительного развития Черноморского побережья. На День Краснодарского края приехал Кубанский казачий хор. Все было весело, празднично и доставило большое удовольствие многочисленным зрителям и участникам фестиваля.

Глядя на успех смотр-конкурса регионов, нашим архитекторам оставалось только сожалеть, что Иркутская область в очередной раз не смогла принять участие в нем, хотя тоже получила приглашение. Бездействие Областного управления архитектуры и градостроительства, по меньшей мере, непонятно. Впрочем, упущенное можно наверстать на будущий год, так как смотр-конкурс регионов проводится ежегодно. Мы полагаем, что администрация Иркутской области заинтересована в том, чтобы представить на солидном Международном фестивале региональные архитектурные достижения, а также сырьевые ресурсы и перспективы развития производства современ-

ных строительных и отделочных материалов. В «Зодчестве» принимают участие не только архитекторы, но и руководители строительных корпораций, финансовых компаний, которые ищут возможности инвестирования собственных средств. Выставку посещают руководители городов и регионов, федеральных министерств. Фестиваль может объединить усилия заинтересованных сторон, повлиять на формирование имиджа региона в заинтересованных кругах.

В 2003 году Госстрой России впервые учредил свои премии «Лучшему главному архитектору города», «Лучшему главному архитектору субъекта Федерации», «Лучшему мэру города». Это очень интересная и правильная идея, которая позволит так или иначе выявить и выделить главных архитекторов и мэров, реально работающих о развитии своих городов и регионов.

– Кто получил высшую награду фестиваля в этом году?

– Высшая награда фестиваля «Хрустальный Дедал», как и в прошлом году, была в двух экземплярах: один присуждался жюри лучшим творческим мастерским и коллективам, другой – лучшей работе в номинации «Постройки». В разделе «Постройки» «Хрустального Дедала» получил авторский коллектив под руководством Андрея Бокова за реализованный проект Крытого катка в Крылатском. Архитектор Боков руководит крупной институтом в Москве. Он автор проектов многих стадионов, которые побеждали на международных фестивалях. «Хрустального Дедала» он получил не в первый раз.

Второго Дедала увез в Санкт-Петербург руководитель архитектурной мастерской «Студия 44» Никита Явейн.

Что еще можно рассказать о фестивале... К сожалению, на российском уровне практически не было представлено детское архитектурное творчество нашего региона. Традиционные проблемы с финансированием.

Мое самое сильное впе-

Зарубежные гости съезда
Гаэтан Сью
Брайан Спенсер
Мария Кирнан

чатление от построек, представленных на «Зодчество» – это Дом Скуратова. Главные его достоинства – чистота жанра и лаконичность.

Один из самых приятных и полезных феноменов фестиваля заключается в полноценном общении архитекторов из разных регионов и стран.

Авторский коллектив в составе архитекторов Андрея Красильникова («Иркутскжелдорпроект») и Владимира Горбенко («Иркутскгражданпроект») стал лауреатом Серебряного диплома Международного фестиваля «Зодчество-2004» в номинации «Деревянное зодчество» за проект гостиницы «Золотая Сова» на озере Байкал. Владимир Горбенко дал короткое интервью нашему журналу.

На выставке «Рабочка Химмельблау»
Сергей Киселев
Михаил Хазанов
Александр Скокан

награды получать?

– Конечно, приятно. Как ни странно, но в Иркутске выставляется мало «деревяшечников», поэтому нет отдельной номинации «Деревянное зодчество», как на московском фестивале. На Межрегиональном фестивале «Зодчество Восточной Сибири-2004» мы взяли Поощрительный диплом, а в Москве – Серебряный.

– Поздравляю ваш авторский союз с высокой наградой.

VI съезд Союза архитекторов России

Съезд состоялся в Колонном зале Дома союзов 12-13 октября. В нем приняли участие 10 делегатов от Иркутской организации из 11, избранных общим собранием 15 мая 2004 г. Это М. Я. Ашихмина, С. Б. Демков, Е. И. Григорьева, И. В. Козак, В. В. Козлов, А. А. Колесников, М. Г. Меерович, Е. В. Протасова, В. В. Распутин, В. Б. Стегайло.

С отчетным докладом на съезде выступил президент Союза архитекторов Юрий Гнедовский

С приветственной речью выступили президент Международной академии архитектуры Георги Стоилов, первый вице-президент Международного союза архитекторов Гаэтан Сью, директор следующего конгресса МСА в Стамбуле С. Езкан, академик Брайан Спенсер.

Мэр Москвы Ю. М. Лужков в своей обширной речи коснулся острых проблем важнейшего направления государственной деятельности – градостроительства. Новая редакция Градостроительного кодекса, подготовленная Центром стратегического развития и Институтом экономики города, по мнению правительства Москвы, противоречит интересам общества. Прозвучала идея создания проекта Федерального закона «Об основах градостроительства». Главный архитектор Москвы А. В. Кузьмин передал Съезду обращение Совета главных архитекторов субъектов

Федерации и муниципальных образований по поводу новой редакции Градостроительного кодекса.

По сложившейся традиции, с докладом выступил президент Российской академии архитектуры и строительных наук Александр Кудрявцев. Особое внимание он уделил вопросам безопасности и непрерывному образованию.

Была принята новая редакция Кодекса профессиональной этики. Кодекс этики САР продолжает совершенствоваться и приближаться к Кодексу этики Международного союза архитекторов.

Безусловно, самым важным событием на съезде было решение о принятии Союзом архитекторов России статуса саморегулируемой организации. Государство таким образом делегирует Союзу аттестацию архитекторов, ведение Реестра, контрольные функции в профессиональной сфере.

Съезд избрал правление, ревизионную комиссию и коллегия профессиональной этики. В состав правления САР вошла председатель правления Иркутской организации СА РФ Елена Ивановна Григорьева. Заслуженный архитектор России Владимир Федорович Бух избран в состав коллегии по профессиональной этике.

Архитекторам Восточной Сибири, участвовавшим в работе съезда, было приятно, что президент САР Юрий Гнедовский в своем выступлении высоко оценил уровень фестиваля «Зодчество Восточной Сибири» и работу Иркутской организации по многим направлениям, в том числе – по международному.

25 октября в Иркутском Доме архитектора состоялось расширенное заседание правления ИО САР. Выполняя обещание, данное архитектурной общественности в Международный день архитектуры, члены правления поделились впечатлениями о фестивале и съезде, сопроводив рассказ фоторепортажем на большом экране. Интерес иркутских и ангарских архитекторов и студентов вызвала информация о выставке «Рабочка Химмельблау», открывшейся в Москве в руинах МуАра 7 октября. Фильм

Ирины Коробьиной «Кредо» познакомил аудиторию с авторской позицией четырех выдающихся архитекторов мира и трех звезд российской современной архитектуры, среди которых были гости межрегиональных фестивалей в Иркутске Александр Асатов и Александр Скокан. Завершился вечер чествованием лауреатов международного фестиваля «Зодчество-2004» и Губернаторской премии.

Российская академия архитектуры и строительных наук

12 октября состоялся прием в РААСН, на котором Брайану Спенсеру (США) был вручен аттестат почетного члена РААСН.

Президент РААСН А. П. Кудрявцев доложил членам Академии информацию о новых правилах выдвижения на соискание Государственных премий РФ в области литературы и искусства.

А. Анисимов поделился впечатлениями о биеннале в Венеции – самом старом фестивале искусств, восходящем к XIX веку.

Коллеги поздравляют начальника отдела генеральных планов «Иркутскгражданпроект» Екатерину Васильевну Протасову с присвоением ей звания Советника РААСН по отделению градостроительства и желают ей активной деятельности в составе Академии.

Хадича Дулатова

Любимая тема художника Шипицына

В Иркутском городском выставочном центре имени В.С. Роголя открылась выставка графики и живописи «Мой город» заслуженного художника России Александра Шипицына. На стенах и лестничных пролетах двух этажей уютного особняка расположились в основном графические работы: виды старинных улочек Иркутска и портреты строителей БАМа. Живописных полотен было немного, по сдержанной гамме они больше напоминали графику. Об Александре Шипицыне я была слышана от известных иркутских архитекторов как о замечательном педагоге и рисовальщике.

Беглый обзор, а затем тщательное изучение экспозиции произвели впечатление, что выставка сделана в большой спешке. Впрочем, художник сам был недоволен собой, датой открытия вернисажа и мерзкой погодой, которая пришлось на этот день. Александр Шипицын сожалел, что поддался на уговоры руководителей Центра и согласился сделать сырую, недостаточно подготовленную выставку. У художника явно не было времени, чтобы собрать свои лучшие работы, давно разошедшиеся по частным коллекциям и музеям. В итоге в экспозиции представлено много графических портретов людей, не имеющих никакого отношения к теме выставки, и минимальное количество рисунков старого Иркутска, которые прославили Шипицына как талантливого графика.

Иркутск сам по себе довольно странный город: большой, разбросанный, неухоженный, с кривыми улочками рабочих предместий, с покосившимися и

вросшими в землю деревянными домишками дореволюционной постройки, с вкраплениями относительно благоустроенных кварталов. Через город протекают реки Ангара, Иркут, Ушаковка, несколько мелких речек, общая длина берегов больше 200 км, но всего три (!) км этого богатства, этой роскоши закована, увы, не в гранит, а в убогий бетон в районе слегка цивилизованной набережной с гордым именем Юрия Гагарина. Как ни парадоксально, при всем этом безобразии большинство иркутян нежно любят свой город, а тонкие натуры находят поэтичными деревянные улочки центра, поросшие старыми тополями, раскидистыми кленами и вязами. Именно эти улочки с покосившимися заборами/заплотами, с буйными зарослями черемухи, резными наличниками мещанских домиков являются любимой темой художника Шипицына.

Александр Сергеевич – коренной иркутянин, с молоком матери впитавший любовь к родному, нелепому, но пронзительно дорогому сердцу городу. Окончив Иркутское художественное училище, он ненадолго покинул город только на время учебы на художественном отделении Московского полиграфического института.

Более 30 лет профессор Шипицын обучает молодежь азам изобразительного искусства. Именно с него в Иркутске началась система вузовского обучения художников и дизайнеров на кафедре рисунка, живописи и скульптуры, которую в 1976 году он организовал на архитектурном факультете Иркутского политехнического института. Его первые ученики давно уже стали известными архитекторами, дизайнерами, модельерами. Они с улыбкой вспоминают, каким строгим преподавателем был Александр Сергеевич, как он муштровал студентов первого набора архитектурного факультета ИПИ, обучал конструктивному и пространственному мышлению.

Три года назад профессор Шипицын был приглашен на работу в Иркутский государственный педагогический университет, где организовал кафедру изобразительного искусства. Теперь в Прибайкалье два вуза выпускают художников с дипломами высшей школы. Хорошо ли это? По мнению Александра Шипицына, это просто замечательно, потому что концентрация талантливых людей повышает художественный уровень и общую культуру города.

На вопрос, не скучно ли ему 30 лет обучать студентов, профессор сильно удивился. Оказалось, что Александр Сергеевич – выходец из семьи потомственных педагогов, его бабушка была учителем, отец преподавателем физики, мать преподавала химию. Шипицын не просто учит будущих художников и учителей азам рисования, он помогает им осмысленно подходить к языку художественного мышления, старается раскрыть их творческий потенциал. Одно огорчает профессора – несовершенная, с его точки зрения, система отбора абитуриентов на творческие специальности. Частенько получается так, что очень способные ребята и девочки великолепно сдают экзамены по специальности, но получают двойки по русскому языку и остаются за бортом вуза.

– В итоге нередко мы принимаем середнячков и оттапливаем талант, – сокрушается профессор.

А я сразу же вспомнила, что скульптор редкого дарования Даши Намдаков в свое время не был принят в Московское художественное училище из-за двойки по диктанту. Один мой знакомый профессор, доктор физико-математических наук, блестяще сдал вступительные экзамены по математике и физике, но получил двойку за сочинение. Ему повезло в том, что председатель предметной комиссии, умный педагог, настояла на его зачислении в университет на том основании, что талантливые математики на улице не валяются.

Помня слова бывших студентов архитектурного факультета, что профессор Шипицын довольно жесткий педагог, при личном знакомстве я была приятно удивлена его заботой о способных абитуриентах. А когда узнала, что у Александра Сергеевича трое детей, то поняла, что к своим студентам он относится по-отечески: строг, но справедлив. Старший сын профессора по образованию радиопизик, но занимается проектированием одежды, прекрасно шьет и носит только вещи собственного изготовления. Второй сын окончил художественное училище, учится в ИГПУ и работает дизайнером. Он уже вступил в Союз художников России. Дочка учится на дизайнера. Династия художников Шипицыных продолжается. Было бы замечательно, если бы в один прекрасный день в Иркутске состоялась выставка творческих работ всех членов этой семьи.

Хадича Дулатова

Арэг Саркисович Демирханов

VI

Почему мы так мало знаем о наших современных архитекторах? И ведь речь идет не о рядовых специалистах, а о людях, много построивших и внесших значительный вклад в историю архитектуры советского периода. Почему на лекциях мы столь подробно изучаем памятники архитектуры давних времен, но не олядываемся на свою историю 20-30-летней давности? Ведь изучаем мы зарубежную архитектуру 70-80 годов прошлого столетия, а что же свои, родные?.. Или как всегда: нет пророка в своем Отечестве, и спохватимся, когда человек уйдет из жизни? Думаю, что это было бы несправедливо по отношению к Арэгу Саркисовичу Демирханову, о котором я хочу рассказать читателям журнала. Хотя тут уместнее было бы сказать, что это Арэг Саркисович любезно рассказал мне о себе и своем любимом городе Красноярске, а я лишь записала

нашу беседу на диктофон и подготовила ее к печати. Для экономии места вопросы интервьюера опущены, поэтому большая часть материала выглядит как монолог моего героя.

— Я родился 21 июня 1932 года в городе Новосибирске, и породили меня две культуры: древнейшая — армянская, и молодая — славянская. Мой отец — тбилисский армянин, но жил я с мамой, в основном, в поездках, так как я — дитя военного времени. Родителей разлучила война. И я с матерью, героической женщиной, носился по державе. Ее направляли в самые жуткие, в самые трудные районы страны на восстановление разрушенного хозяйства. Вообразите себе город Орел 1943 года после страшных, кровопролитных сражений на Орловско-Курской дуге. Туда, со мной под мышкой, приезжает на работу моя мать. Затем освободили Молдавию, и ее

направили туда. Вот такое начало у моей биографии. Десятилетку я закончил, поучившись в 11 школах. А затем был Новосибирский инженерно-строительный институт им. В.В.Куйбышева, который я закончил в 1956 году, чем до сих пор жутко горжусь.

В институте была всего одна группа архитекторов-волосатиков, и «драли» нас нещадно, «изничтожали» сопроматом, статикой сооружений и прочим. Но потом мы были благодарны своим учителям за науку. Например, после института мой коллега Панов пошел работать в «Стальконструкцию» и преспокойно сам все рассчитывал. Нас очень сильно готовили в инженерном плане, и это, конечно, здорово помогло в работе. По художественной части нас обучали выпускники еще Питерской академии, старая гвардия. Так что мы прошли великолепную школу. Ко всему прочему, в Новосибирске была прекрасная актерская школа — оперный театр. Мы постоянно обмеряли его здание и, благодаря этому, хорошо ориентировались в классической музыке, имели возможность слушать великих исполнителей, ведь там пели Козловский, Михайлов, Матвеев.

Новосибирску я многим обязан, но строительный бум повлек меня после окончания НИСИ на Дальний Восток, в Комсомольск-на-Амуре, Хабаровск ... Одним из моих первых городов был Амурск, где мы работали вместе с Борей Нелюбиным и Сереей Тимофеевым. Я пригласил их туда, и с 1956 по 1958 год под моим руководством мы с нуля разрабатывали генплан таежного города. Это было счастливейшее время: изучение проблем, природы, затем был первый дом, первая улица, несколько общественных зданий.

В 1960 году меня «по несчастью» занесло в Красноярск, я приехал к Панову (Панов Э.М., ныне заслуженный архитектор РСФСР, по-

четный гражданин Красноярска. — автор) и увидел, что здесь начинают активно строить, и строить с большим размахом. В 1962 году я принял решение работать в Красноярске, хотя сначала мне пришлось закончить работу в Амурске. С 1964 года я живу в городе на Енисее, и он стал мне родным. Тут у меня родилась дочь, затем внук. Не кривя душой могу сказать, что Красноярск — город моей творческой биографии.

Мне довелось сделать крупный объект в Подмошкowie. На 42 километре Волоколамского шоссе я спроектировал и построил гигантский комплекс — мемориал воинам-сибирякам, зашицавшим Москву. Моим соавтором был скульптор Константин Зинич. Я очень горжусь этой работой и возложенной на меня честью. К слову сказать, во время войны я испытал самые сильные впечатления в своей жизни. Более тесной и великой дружбы, сплоченности, солидарности, братства и взаимовыручки, без оглядки на национальность, я не видел больше никогда. А сейчас дожились, доигрались, доделились... Мне очень больно и грустно из-за нашего размежевания на дальнее и ближнее зарубежье. Родственники мои теперь «за границей», и попасть туда порой сложнее, чем в Америку.

— Арэг Саркисович рассказывал о себе и своем любимом городе во время импровизированной экскурсии по Красноярску, которую он организовал для меня. Мастер гордился столицей огромного края, показывал все его старые и новые достопримечательности. Сначала это была обзорная поездка по новым жилым районам, по центру города мы ходили пешком. В свои 72 года архитектор Демирханов настолько активен, что мне было трудно не отстать от своего именитого экскурсовода.

— Основные этапы моей творческой биографии —

это два градостроительных комплекса: предместная левобережная площадь имени 350-летия Красноярска и площадь Мира на Стрелке. Эти объекты стали главными в моей жизни. Они ведь появились, как говорится, при жизни автора, а это великая радость для любого архитектора. Редкий случай, когда возведение целого градостроительного комплекса осуществляется столь быстро, что проектировщику удается увидеть завершение. Площадь 350-летия я называю «квестибюлем Красноярска», поскольку здесь находится въезд в город со стороны моста через Енисей. По проекту дорога тут должна была уйти под землю и выйти на поверхность только у речки Качи и Часовой горы, чтобы было свободное движение по трем проспектам в центре города. Проектировщики уже в те времена предвидели транспортные затруднения и пытались их разрешить, но в связи со строительством Октябрьского моста, денег на это не хватило. Да и само строительство площади требовало еще много сил и средств. Здание театра оперы и балета — работа архитектора Ильи Михалева из ЦНИИЭП, все остальные объекты сделал ваш покорный слуга со своим коллективом. Проектировали мы в полемике с «Ленгипрогор», затем защищали свои проекты в Госстрое в Москве.

Все, что вы видите, — это единый комплекс: вертикаль здания Енисейского пароходства, городской Совет и городская администрация, краевой совет профсоюзов. Завершающееся строительство здания банка организует площадь с севера. Тут же идет реконструкция здания бывшего автовокзала под новый торговый центр. А недавно на центральной площади построили торговый центр «Хамелеон». (Современное здание из стекла и бетона с очень стильными интерьерами, которые мне не разрешили сфотографировать.

1

Авторы проекта – А.С. Демирханов, А. Супоницкий, автор интерьеров – Л. Винапуу. – Автор). Так что площадь 350-летия Красноярска продолжает строиться и благоустраиваться. Фасады гостиницы «Красноярск», частично оперного театра и, возможно, здания мэрии подвергнутся реконструкции. Мэрия после появления на ней башни с часами стала просто символом города.

Замечательная особенность Красноярска в том, что наш мэр безумно любит

свой город-дом. И от этого нам всем большая радость и забота. Вот придумай за два дня самый красивый на свете фонтан, собери субрядчиков и ... Сегодня у меня как раз такая пора, когда я собираю технологов, специалистов по воде и свету, чтобы построить фонтан-каскад на моей любимой площади 350-летия Красноярска, где находятся театр, мэрия, гостиница, торговые центры. По вечерам бегущие огни будут напоминать каскады воды. Зимой мы накроем все это

красивыми пирамидами и превратим фонтан в декоративную световую скульптуру, чтобы он не выглядел ямой, занесенной снегом и забросанной окурками. Единственная проблема фонтана – это наши роллисты, которые, конечно же, будут кататься по этим каскадам. Я подбираю такую отделку, чтобы никто не поскользнулся и не травмировался. Скорее всего, это будет гранит, обработанный бучардой. Вот такие у меня сегодня дела.

(1967 год – градостроительная концепция застройки и благоустройства площади им.350-летия Красноярска, соавторы А.С. Брусянин, К.Ф. Неустроев;

1967-1978 – застройка и благоустройство площади им.350-летия Красноярска; Гостиница «Красноярск» на 530 мест, соавтор К.Ф. Неустроев;

Здание городской администрации Красноярска и крайсовпрофа, соавтор А.С. Брусянин, при участии П.Р. Ниринберга;

Здание Управления Енисейского речного пароход-

1. Вид на Стрелку
2. Концертный зал. Интерьер фойе
3. Церковь Св. Иннокентия Иркутского в с. Овсянка (родина писателя В.П. Астафьева)
4. Вид на Стрелку с о. Татышев
5. Культурно-исторический центр
6. Перспективная застройка Стрелки, проектное предложение
7. Площадь им. 350-летия Красноярска, макет

2

3

Фото из архива А.С. Демирханова

Фото 5 автора

4

ства, соавтор Л.Л.Францева. – Автор)

– Мы идем дальше, и по дороге Арзг Саркисович рассказывает об исторических постройках в городе.

– Сейчас мы вышли на прекраснейшее место Красноярска – Стрелку, ее второе название – площадь Мира. Все великолепие даров природы Красноярску – перед вами: остров Татышев – наш зеленый оазис длиной в восемь и шириной в один километр. На берегу

расположены различные символы и закладной камень, обозначающий место, где 375 лет назад высадились казаки во главе с Андреем Дубенским. Именно здесь, на месте слияния Качи и Енисея, был основан город Красноярск.

Многие спрашивают: «Зачем вам арка?» А это исторические ворота. Мы стоим прямо на месте острога. Здесь на трехметровой глубине археологи нашли Качинскую башню. Еще 10 лет назад я запроектировал му-

зей «Раскоп», который, думаю, все-таки будет построен. Музей воссоздаст картину первого поселения казаков на Стрелке. В подземном зале будут представлены этнографические диорамы трех периодов развития города: 1628 год, 18 век и конец 19 века. Когда экскурсанты побывают в музейных залах и поднимутся на поверхность, они по-ини будут смотреть на свою жизнь и смогут выстроить цепь поколений.

А вот здесь стоял Воск-

ресенский собор, уничтоженный в 30-е годы. Мы вымостили булыжником план его расположения и хотя бы так сохранили для истории память о соборе. Рядом располагался погост, где был захоронен действительный камергер двора Его Императорского Величества Николай Петрович Резанов, историческая личность, воспетая в рок-опере «Юнона» и «Авось». У нас проводился конкурс на памятник Резанову. Я предложил восстановить его мавзолей, разрушенный в тридцатые годы, над которым была бы ротонда. Но победил другой проект, он тоже пока не реализован. Как видите, у нас в Красноярске полная демократия в проектировании, нет давления авторитетами. Молодые архитекторы работают очень активно и успешно, так что растет достойная смена.

(Архитектор В. Ульянов разыскал старинные карты, сопоставил их с сохранившимися фотографиями Воскресенского собора и могилы Резанова и вычислил место его захоронения, а потом вместе с коллегами установил там большой камень с мемориальной табличкой. – Автор)

Про себя могу сказать, что я – счастливейший архитектор, потому что основные объекты, которые я проектировал, возведены.

Я не вправе роптать и не собираюсь делать это.

Концертный зал и музей, которые перед вами, я спроектировал сам, вплоть до гвоздя и дверной ручки. Пока шло их строительство, я буквально жил здесь. Перед вами результат героического труда наших строителей и отделочников. Игры с пространством в концертном зале вынужденные. У нас не было возможности увеличить объемы, сэкономили каждый кубометр, и чтобы просторно разместить 2200 зрителей, пространство пришлось растягивать. Поэтому я «ввожу» вас в низкий вестибюль, весь свет здесь спрятан, светятся только кессоны, создавая эффект более высокого пространства. Затем вы спускаетесь в низкое помещение гардероба и вот, уже красивые и нарядные, по парадной лестнице попадаете в огромное, роскошное, многосветное пространство фойе, отделкой напоминающее наши горы и знаменитые скалы-столбы. По дублирующей лестнице вы можете прогуливаться перед концертами или во время антрактов. Все в темноте, все закрыто, но вот мыворачиваем сюда и ... перед вами моя гордость – панорама Енисея, прекрасная и зимой и летом!

– Мы с архитектором Демирхановым заходим в

5

6

малый зал, и в глаза сразу бросается необычная композиция на потолке.

— Это индивидуальное световое «небо» — люстра Евгения Белоусова, — продолжает свой рассказ Артг Саркисович. Она сделана нашими замечательными мастерами из тонкой латунной сеточки и представляет собой шитые вручную цилиндры разных высот и диаметров. Световая композиция на потолке малого зала, общим размером 10x12 метров, может управляться с пульта и «сопровождать» музыкальное произведение, то медленно угасая, то вспыхивая с разной силой. Кроме того, «люстра-небо» имеет еще и акустическую функцию. Прежде всего, она играет роль дробителя звука — диффузора, а стены являются резонатором, отражающим звук. Стены полые, сделаны из гипса в 6–7 мм толщиной по армированной сетке-марле. Оцените минимализм отделки. Здесь использованы лишь гипсовые формы, ковер и немного дерева. Все сделано нашими мастерами. Единственное, что было заказано за границу, так это кресла. Их по нашим эскизам изготовили в Венгрии. Спасибо Павлу Стефановичу Федирко, который в те времена сумел выпросить для этого валюту.

(Федирко Павел Степа-

нович — первый секретарь Красноярского крайкома КПСС, 1972–1988 гг. — Автор)

Объем зала получился акустически оптимальным и универсальным для всех видов вокальных и инструментальных концертов: фортепиано, скрипки, соло, оркестра и хора. Судьба малого концертного зала такова, что в нем уже шли концерты, а большой зал еще строился. Иван Всеволодович Шпиллер со своим оркестром сыграли самый первый концерт в малом зале для строителей. Кресел еще не было, и слушатели сидели на ступенях.

Не будь Ивана Всеволодовича, не проектировал бы я этот концертный зал и не пришел бы к идее панорамы. Шпиллер ничего не понимал в чертежах, и когда я нарисовал зал, он сказал: «Хорошо, красиво». Потом «чуть-чуть» подумал и, когда уже началось строительство сцены, сообщил: «А у меня на сцене не поместятся хор и оркестр». И в уже строящемся зале мы стали выдвигать сцену. В результате родилась эта консоль с панорамным видом на Енисей. Вот так ошибки иногда приводят к появлению интересных решений. Еще Растрелли говорил, что самые удачные места у него появляются в результате исправления ошибок.

(Впрочем, у того же Франческо Бартоломео Растрелли есть еще одна известная фраза, которая висит над моим рабочим столом: «Как трудно быть в России архитектором!» — Автор)

В малом зале давали концерты Владимир Спиваков, Святослав Рихтер, Александр Свешников. Александр Васильевич после выступления заявил: «Своя лошадь, в твоём зале невозможно работать! Слышен каждый дефект!» Его слова

— наивысшая благодарность для меня. Малый концертный зал на 500 мест — это моя гордость.

Видите формочки на зрительских балконах? Это были светильники, но в процессе эксплуатации я понял, что они мешают зрителям, так как свет бьет им в глаза. Светильники убрали, а отверстия остались. Мы их задекорировали, а я пустил слух про спрятанные там записывающие устройства, чтобы во время спектакля народ не шумел и не болтал. На

балконе же в основном студенчество располагается. В Красноярске есть замечательная традиция специальных льготных концертов по абонементам для студентов, которые почти бесплатно слушают симфоническую музыку. Так что наш Концертный зал — это культурный центр в буквальном смысле слова.

Музей Ленина я задумал как систему зданий: большой объем — переход — малый объем («светелка»), а между ними проход к чет-

7

вертому экспонату, к кораблю «Святитель Николай», на котором Ленин отправился в ссылку в Шушенское. Поэтому он стоит здесь на вечной стоянке, в качестве элемента музейной композиции. Историки вначале со мной из-за этого ссорились, но потом ничего, полюбили. Они там сделали очень интересную экспозицию «Жертва и палач», т.е. Николай II и Ленин. Кто есть кто, догадайтесь сами. Здесь могут быть разные подходы и взгляды.

Все подземелье, по крыше которого мы идем, – это тоже музей. Но огромные площади там в настоящее время пустуют, потому что гигантские вентиляционные камеры, которые были проектированы по нормам советских времен, сейчас не нужны, современные кондиционеры размером с бытовой холодильник справятся с этой задачей. Вот я и убедил администрацию начать реконструкцию здания и техническое переоснащение еще при моей жизни. Директор музея Валентина Михайловна Ярошецкая полностью меня поддержала, и мы с ней работаем над этими вопросами.

(1975-1984 – концертный комплекс с Большим залом на 1700 мест и Малым залом на 500 мест, соавтор – Т.М. Изотова;

1980-1986 – филиал Центрального музея В.И. Ленина; соавторы – В.И. Коротков, В.Л. Ривин, А.С. Бакусов. – Автор)

Эта улица названа в честь одного из мэров Красноярска Дубровинского. Я живу здесь. А посему позвольте прочесть вам небольшую поэму, посвященную этим дивным яблоням.

На Дубровинской улице,
Там, где яблони в ряд
Белоснежно красуются
Столько весен подряд,
Где дома отражаются
В енисейской воде,
Жизнь моя продолжается
То в пирах, то в труде.
Все с друзьями, с любимыми,
Золотые года.
Енисей течет мимо,
Ледяная вода.
Скоро все образуется,
И меня на покой,
По Дубровинской улице,
По красивой такой...»

«Вот такой я оптимист», – смеется Арзг Саркисович и приглашает меня в гости. По российской традиции наш разговор продолжается на кухне, затем мы поднимаемся в его мастерскую, расположенную в этом же доме этажом выше. Мастерскую архитектор Демирханов получил в благодарность от руководства Красноярска к своему 50-летию и работает в ней больше 20 лет.

– Здесь находятся все мои создания и деяния, все, что построено, и все, что только нарисовано, но не было воплощено в натуре, – говорит мастер.

– **Арзг Саркисович, – прошу я, – расскажите о Вашем проекте «Красный Яр».**

– «Красный Яр»... Я думал, что все будет отвергнуто. Это выход города на самую красивую видовую точку, на часть Енисея. В Красноярске очень мало набережных, несмотря на десятки километров береговой линии, которые можно было бы использовать для этих целей и организовать красивые эспланады, но люди не отдают себе в этом отчет. Почти все берега захвачены промышленными предприятиями, складскими зонами, ветхой и малоценной застройкой. Впрочем, это печальная история и участь большинства сибирских городов, особенно таежных.

Так вот «Красный Яр» – это общественный центр с развитой инфраструктурой. Я хочу решить этот вопрос еще и в связи с тем, что в нашем городе жил и творил выдающийся художник Василий Иванович Суриков. Полагаю, что мы должны быть благодарны такому событию и обязаны построить выставочный зал. В городе его нет. Нет и картинной галереи, достойной современного искусства. Все, что сейчас имеет город, это приспособленные помещения, малые по объему, с переполненными запасниками. Кроме того, в Красноярске бурлит творческая деятельность живописцев, так как здесь работают все фазы подготовки художников, начиная с детских студий при Союзе архитекторов,

детской художественной школы, художественного училища и института искусств до аспирантуры при Академии художеств. Но при этом в городе нет картинной галереи! Отсюда моя мечта – заложить в умы горожан и в планировочную структуру центра Красноярска, делового Сити, картинную галерею.

– **А отцы города Вас поддерживают?**

Арзг Саркисович вздыхает:

– Они еще не знают. Но пока, тьфу-тьфу, и вы свидетель тому, все мои «безумные» идеи нашли свое воплощение, по крайней мере, в первоначальном эскизе. Это, без преувеличений, и счастье и драма зодчего.

Вот здание НИИКАТЭЖу... До сих пор стоит. А рядом кран, как укор сменившемуся государственному строю, ни больше, ни меньше. Потому что тот, кто затевал это строительство, тот и поддерживал его. Ведь это высотное здание стоит на месте бывшего острога как своеобразный знак возникновения Красноярска, т.е. «застолблен». Хотя была и другая композиция застройки на Стрелке. Она представляла собой длинную стену-ленту, разделяющую каменные откосы и Енисей. А я поставил эту стену «на попа» и отстоял эту идею в Госстрое благодаря поддержке Федирко. И что? Произошла «реконструкция» государства, и здание стало «ничьим». Правда, недавно у него появился хозяин – частное лицо. У государства не хватило денег выкупить свою же собственность! Парадокс! Абсурд! Но я во весь голос говорю: у нас до тех пор не будет большой архитектуры, пока не будет большого госзаказа. Архитектура – это, прежде всего, власть, это капитал. И только затем мы с вами, приглашенные и сумевшие в той или иной степени решить поставленную задачу.

Сегодня у нас нет мощного, охраняемого авторского права. Мы это прекрасно знаем. Знаем, что все решает один инструмент – деньги. Все можно купить, за все заплатить, от всего отку-

питься. Такой вот некрасивый капитализм, при котором все продается и все покупается. И хорошо, если купля-продажа идет на благо тому, что создаем мы и создает новый собственник. Дай бог ему культуры и понимания!

Участки под застройку отдаются частным инвесторам, и не всегда в соответствии с генпланом. Но, к чести города и мэра, основные направления все же сохраняются. Конечно, сейчас идет штучное, мозаичное заполнение городского пространства. Город рождается из кусочков, от частного к общему. Но этот подход, извините за мудрость, я тоже оправдываю, потому что жизнь – это хаос, особенно «расейская» жизнь. То, что происходит сейчас, в том числе уплотнение центра, – это реальность нашего времени. Ну что поделаешь? Несмотря на обилие земли, мы пока не можем позволить себе в сибирских городах жить просторно. Слишком дороги коммуникации, непросто большую часть года отапливать здания. А фасадная и объемно-планировочная разноголосица пусть будет. Посмотрите, как прекрасно разнолик сам Красноярск! Здесь вы найдете все, начиная от Египетского храма на берегу реки (вообрази себе, сейчас на градостроительный совет принесли копию какого-то храма с берегов Нила, а у нас уже есть!) до готики и совершенной копии Франции или Австрии. Одна только улица Воскресенская представляет собой приличную середину 19 и начало 20 веков. Для серьезного исследователя в Красноярске найдется полный букет: тут тебе и барокко, и модерн, и сталинский ампири. И добавляется новое, которое когда-то станет старым, и его, надеюсь, тоже будут изучать.

Вы спрашиваете, как мне удается сохранить жизненные силы? На мой взгляд, все в человеке определяется дальностью его перспектив, насколько он программирует себя. Я верю в судьбу, верю в предназначение. Может быть, это звучит парадоксально, но мне посчастливилось родиться во времена тяжелейших ис-

пытаний и чудовищных репрессий, которые легли на плечи всей державы, всего нашего народа и моей семьи. Мне пришлось, пусть ребенком, но пройти через все и не погибнуть. Это дало мне заряд на будущее. Несмотря ни на что, я вижу множество достоинств у прошедших времен и гордо называю себя советским архитектором. Я не могу предать свое прошлое, прошлое своей страны, в которой родился, воспитывался, получил образование, выстроил все. Поэтому я называю себя советским архитектором и не мыслю себя никаким другим. Все это дает мне силы. Ну и, конечно же, любовь. Я считаю, что человеку повезло, если он испытал это чувство.

Иду по гребню, либо, либо...
Пытаюсь гору одолеть,
Стараюсь всем сказать:
«Спасибо»,
Но понимаю – не успею.
Ползу, карабкаюсь,
цепляюсь,
Порой в слезах, порой в крови.
Одним лекарством
исцеляюсь –
Волшебной силою любви.
Любовь – не секс, не утоленье:
Поменьше дать, побольше
взять.
Любовь – служенье и терпенье,
Дай бог вам это испытать».

Вот такой он человек – Арзг Саркисович Демирханов, 72-летний архитектор из Красноярска. Человек, который много строит, любит, надеется, верит и читает стихи.

Светлана Середенкина

ИРКУТСК, 664000, ул. Дзержинского, 1, оф. 706, тел./факс: (3952) 24-35-92

E-mail: sitex@irmail.ru, hannik@irk.ru, www.sitex.ru

НОВОСИБИРСК, 630075, ул. Б. Хмельницкого, 2

Тел.: (3832) 11-92-09, факс: (3832) 11-92-06

E-mail: mailbox@sitex.ru, www.sitex.ru

СОВРЕМЕННЫЕ СТРОИТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Корпорация «СИТЕХ» представлена на российском рынке современных строительных технологий с 1994 года

Основная цель, которую ставит перед собой наша Корпорация, – обеспечить присутствие на строительном рынке России качественно новых строительных технологий, передовых достижений западной и отечественной строительной индустрии

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОРПОРАЦИИ «СИТЕХ»:

- быстровозводимые здания
- комплексная реконструкция зданий и сооружений
- восстановление и защита бетонных конструкций
- теплоизоляция
- гидроизоляция
- системы вентилируемых фасадов
- кровельные гидроизоляционные системы на основе мембраны EPDM
- выполнение витражей и зенитных фонарей
- системы промышленных полов
- системы декоративных цветных бетонов (в интерьере зданий общественного назначения, благоустройство территорий)
- инженерные сети, системы тепло- и водоснабжения
- разработка дизайн-проектов
- все виды отделочных работ
- производство алюминиевых и пластиковых конструкций

Улыбайтесь – на вас смотрят (философия интерьера гостиной в эпоху гедонизма)

Через две недели после взятия Зимне-го дворца, в черновых набросках к декрету «О реквизиции теплых вещей для солдат на фронте», В.И. Ленин ввел формулу «богатой квартиры»: «...богатой квартирой считается всякая квартира, в которой число комнат равняется или превышает число душ населения, постоянно живущего в этой квартире».

С этого момента в России появляется формула распределения (и перераспределения) жилища: $K=N-1$, где K – количество комнат; N – число проживающих в квартире, которое нормативно должно было быть на одного больше. Или, другими словами, количество комнат на одну меньше, чем количество жильцов. Не равно и не больше, а именно меньше. Чтобы квартира не оказывалась «богатой», а жильцы не превращались в «богачей».

Эта формула на многие годы в отечественном жилище предопределила судьбу помещения под названием «гостиная». В 20-30-х годах в СССР была создана законодательная система, тотально регламентирующая характер хозяйственно-бытового освоения жилого пространства. В этой системе «гостиную» дозволено было иметь лишь крупным партийно-советским руководителям и деятелям научной, технической и творческой интеллигенции. Процент таких людей (и, соответственно, квартир с гостиной) оставался ничтожным вплоть до восьмидесятих годов.

Наиболее ярким выражением советской идеологии жилья стала коммунальная квартира покомнатно-посемейного заселения. Однако, несмотря на генеральную линию «коммунизации быта», в коммуналках сохранялись все функциональные зоны дореволюционного мещанского жилья, правда, превратившиеся из отдельных комнат в маленькие клочки внутриквартирной территории многофункционального назначения. Все, кроме гостиной.

Что же заставило партию и советское правительство так ополчиться на гостиную?

Естественно предположить, что причина – в специфике функциональной нагрузки этой зоны. От всех прочих зон жилья гостиную отличает, прежде всего, множественность и разнообразие действий, которые в ней могут происходить. В английском языке возможны шесть вариантов перевода слова «гостиная»:

1. *keeping-room* (комната для хранения семейных реликвий)
2. *drawing-room* (комната для рисования)
3. *living-room* (жилая комната)
4. *reception-room* (комната для

приемов, гостевая)

5. *salon* (салон – комната для приемов на французский манер, выставочная)

6. *sitting-room* (комната для сидения).

Русскоязычный вариант, происходящий от слова «гость», ближе к немецкому слову *Besuchszimmer* – комната для приема гостей. Однако в немецком языке есть несколько устаревший вариант того же слова: *Empfangszimmer*. Входящий в него корень *Empfang* также означает «прием», но не гостей, а денег, долговых расписок и прочих деловых бумаг. Как тут не вспомнить, что слово «гость» в славянских языках традиционно означало странствующего купца. Садко – богатый гость был русским аналогом Синдбада-морехода и плавал по морям в поисках выгодных сделок. Ритуализованное наследие этих времен сохраняется в обычае ходить в гости с подарком, гостинцем. Таким образом, к шести «английским» функциям гостиной «российская» ментальность добавляет седьмую – финансово-деловую.

Легко видеть, что ни одна из семи функций не укладывается в идеологию советского образа жизни. Хранение фамильных реликвий, домашнее рисование, салонные посиделки, разумеется, плохо вписывались в идеологию «нового человека». Вечеринки с гостями должны были проходить в клубах и красных уголках. Жить следовало на производстве. А частные товарно-денежные отношения не приветствовались даже в период НЭПа.

В культурах разных стран и народов деловое партнерство занимает весьма различное место. Например, античная Греция гораздо скептически относилась к идеям эквивалентного обмена (торговле), чем античный Рим. Древнегреческий интерьер отрицает гостиную не менее решительно, чем советский. Греки не признают фамилий (и фамильных реликвий), творчеством занимаются в мастерских (творчество – это работа, ремесло), посиделки устраивают в окрестных рощах, по делам общаются на городской площади.

Иное дело римляне. Римское право возводит закон справедливой расплаты в универсальный принцип. *Lex talionis* – «око за око, зуб за зуб» – распространяет кодекс деловых отношений даже на отношения смертельных врагов. В помпейских виллах функции гостиной «расползаются» почти на все внутреннее пространство. Скульптурные портреты предков – пенаты – выставлены на фамильном алтаре рядом с библиотекой (в кабинете). Индивидуальным творчеством – рисова-

нием, музицированием – можно заняться почти везде в доме и в прилегающем саду. Общение с гостем – обмен мыслями, мнениями, анекдотами – может происходить и за едой, и на ложе, и в бассейне.

Любопытная деталь: полы в парадных помещениях виллы выстилаются мрамором. Но на кухне мрамор не стелют – дорого, да и холодно для босых ног. Кухонный пол заливают легким бетоном на основе вулканической пыли (пуццоланы). В цемент добавляют угольную пыль, затем в сырой массе пальцами делают бороздки и заполняют их цементом с примесью мела. Затвердевший пол шлифуется, и получается дешевая и теплая имитация мрамора. Надо полагать, что узоры в полу делаются не для кухонных рабов – на кухню может прийти гость, и его эстетическое чувство не должно быть покорено. Гостиная захватывает даже кухню – место в древнеримской культуре почти сакральное.

Деловая традиция Рима продолжается в византийской культуре. Пышность и пестрота византийского стиля соответствует удивительной мультикультурности Восточной Римской империи. Торговать можно и с варягом, и с греком. Славяне и мавры в качестве деловых партнеров равны. Поэтому византийский интерьер также широко открыт гостям.

Крестовые походы, которыми римский папа Климент VI в 1343 году грозил константинопольскому императору Иоанну Кантакузину, отражают идеологическое противостояние аскетического католицизма и православия. В Европе победил готический католицизм с его презрительным отношением к любому бизнесу (занятию евреям) и на несколько веков определил стиль жилья европейцев. Интерьер средневекового рыцарского замка по-прежнему напоминает суровую атмосферу советской коммуналки. В таком строении, как правило, жил не только владелец, но и множество его вассалов, воинов, слуг и просто случайных людей. В Чехии одному из авторов случалось побывать в точно воссозданном интерьере готического замка. Сильное впечатление оставили ряды одинаковых кабинок для хранения оружия и доспехов – на дверце каж-

дой для неграмотного рыцаря нарисована опознавательная картинка. Напоминает даже не столько ряд табличек вида: «Ивановым звонить два раза», а какой-нибудь районный детский садик. И так же, как в коммуналке (общественности, детском садике), в замке отсутствует гостиная.

Прошло полтора века, и римские папы из воинов-аскетов превратились в торговцев и банкиров. Микеланджело Буонарроти заклеил торгашество католиков Ренессанса в ядовитых строках сонетов. Он же спроектировал и построил архитектурно-дизайнерский комплекс собора Святого Петра и Библиотеку Лауренциана в духе распахнутости гостям со всего просвещенного мира. И светские, и церковные интерьеры Возрождения вновь, как в Риме, легко берут на себя функции гостиной и распространяют их безгранично. Даже спальни ренессансных и барочных интерьеров становятся парадными – завтрак в постели, одевание совмещаются с приемом гостей, распоряжениями секретаря и деловыми переговорами.

Двадцатый век прошел под знаком столкновения, пересечения и взаимопроникновения культур Запада и Востока. Восточные понятия о частной жизни, как и вся восточная культура, вторгаются сегодня в нашу повседневность мощно, хотя и не всегда осознаваемо.

Учитель Кун цзы (Конфуций) сказал: «Будучи вне дома, держите себя так, словно принимаете почетных гостей. Пользуясь услугами людей, ведите себя так, словно совершаете торжественный обряд. Не делайте другим того, чего себе не пожелаете. Тогда ни в государстве, ни в семье не будет недовольства». Конфуцианские представления предполагают равновесие «прозрачности» и «закрытости» повседневной жизни, также, как и внутреннего, личностного пространства. В доме есть помещения, закрытые для гостей – как и в душе самого гостеприимного хозяина много уголков, куда доступ закрыт. А есть гостеприимно открытые – ритуализованные и эстетичные, чтобы посторонний взгляд нес благость смотрящему.

«Держите спину прямо, улыбайтесь – на вас смотрят», – этот принцип, исповедуемый китайцами тысячелетия-

ми, европейцы освоили лишь во времена королевы Виктории. Растущая плотность населения и совершенствование средств массовой информации приближают состояние, которое Маршалл Маклюэн назвал «всемирной деревней» – информационное общество, где все про всех всё знают. И восточная культура на этом пути оказывается опытнее и разумнее западной, советуя держать и вести себя так, как будто вы постоянно находитесь под наблюдением. Кстати, подобная рефлексия весьма качественно дисциплинирует сознание. Учитель Кун сказал: «Если будешь чрезмерно усерден на службе, потеряешь расположение государя. Если будешь чрезмерно радушен в дружбе, потеряешь расположение друзей». Гостеприимство так же хорошо только в меру, как и остальные добродетели. Крайности всегда плохи. Полное отсутствие гостиной так же нехорошо, как и превращение в гостиную всей квартиры (или всего мира).

Гедонистический подход предлагает искать такой баланс интимности и открытости, который способен доставить жильцу максимум удовольствий. Индивидуализм отказывается от общих правил и предписаний в этой области: каждый сам для себя решает, какая часть его жилья будет гостиной, а какая – закрытой. Такое решение желательно принимать осознанно и, приняв, следовать ему при оформлении всех подробностей интерьера.

Современная гостиная сильно отличается от своей советской предшественницы. Во-первых, она стремится слиться с кухней, уже слившейся со столовой. Гостиная поглощает кухню-столовую, ассимилируя ее пространство и без напряжения совмещая стол для завтрака с барной стойкой, а кухонное оборудование – с собственной мебелью. Приготовление пищи по своему характеру может варьироваться в широких пределах: от элементарного разогревания полуфабрикатов в микроволновой печи до творческого ритуала, почерпнутого из какой-нибудь экзотической культуры. Демонстрация

семейных рецептов и свободное кулинарное творчество, общение деловое и салонное – все это легко протекает в современной кухне-столовой-гостиной. Неизменно присутствующий здесь же телевизор может объединить перечисленные процессы с «большим миром снаружи». Все уместно, если хозяин или хозяйка чувствуют себя на кухне, как на сцене, и получают удовольствие от этого шоу.

Совмещение гостиной и рабочего кабинета способно доставить массу утонченного наслаждения человеку, гордятся своим интеллектом и склонному к демонстрации его «в деле». Солидная домашняя библиотека (а в последнее время – мощный компьютер), разбросанные по столу рукописи, открытые книги и прочие признаки умственного труда вкупе с портретами образованных предков до шестого колена – все это настраивает гостей на определенный лад и стимулирует умные беседы.

Домашняя сауна служит еще одним примером объединения. Гостиной и ванной.

Встроенная мебель или обычая спать на подиуме (в японском стиле) дает массу возможностей для совмещения гостиной и спальни.

Наверное, нет такой функциональной зоны, которая не могла бы объединиться с гостиной в современном жилом интерьере. Мало того, функции гостиной могут присоединяться к другим зонам не в абсолютном, а в относительном смысле. Подруги хозяйки гостят у нее на кухне. Коллеги хозяина – у него в кабинете. Дети принимают своих гостей в детской. Для каждой разновидности гостей – своя гостиная зона. Аналогичным образом единое пространство гостиной может подразделяться на микрозоны, предназначенные для различных гостей.

Разнообразию индивидуальных потребностей в самодемонстрации соответствует широчайший спектр технических и изобразительных возможностей современного дизайна. Например, организацией световых потоков

можно поочередно выделять различные микрозоны гостиной – в зависимости от того, что именно хочет продемонстрировать гостям хозяин или кого и как он желает в ней принять. Подобно театральным подмосткам, гостиная может быть сценарирована светом, способным подчеркнуть круг созерцательного общения возле камина, или зону совместной трапезы, или уголок для интимной доверительной беседы и так далее.

Организация окон в гостиной также подчиняется только желаниям хозяина. Развитие конструкций и водяное отопление позволило окнам разрастись до размеров стены. А искусственное освещение позволяет им исчезнуть вообще. Окна в гостиной – скорее производная от желаемого имиджа, нежели от потребности в естественном свете. Распахнутость личной жизни во внешний мир, салонность образа жизни вызывают исчезновение стены, замену ее сплошным окном. Напротив, камерность, ограниченность круга приглашенных заставляет обращать окна гостиной во внутренний двор, уменьшать их до предела, ориентировать пространство гостиной на внутренний фокус.

Развитие навыков работы с пространством усиливает возможности дизайнера в организации гостиной так, чтобы единственным объектом в ней оставались люди – хозяева и их гости. Предельный вариант такого интерьера – пустая комната с зеркалами, размывающими пространство и взимоотражающими его наполнение, способна доставить много нарциссических наслаждений людям, склонным к самолюбанию.

Выбор материалов и декоративных элементов оформления гостиной для современного дизайнера уже почти ничем не ограничен. Если хозяин (хозяйка) склонны демонстрировать себя как любители и ценители природы – гостиная насыщается живыми растениями, натуральными материалами и естественными цветами и прирученными дикими животными. Зимние са-

ды. Фонтаны. Зеленые оазисы. Оранжереи, парадный вход в которые расположен именно в гостиной (часто стеклянная стена разделяет их лишь климатически, нарочито подчеркивая визуальное слияние). Границы фантазии здесь обозначаются только простираниями жильца и его финансовыми возможностями.

Если личное творчество, семейные традиции и общение хозяина (хозяйки) больше связаны с техникой – пространство гостиной насыщается бытовой машинерией. Музыкальный центр, домашний кинотеатр, кондиционеры, ароматизаторы – все каналы чувственных переживаний могут служить для получения удовольствий в хорошей компании.

Слияние гостиной с кухней и ванной позволяет хозяевам включить в список «экспонируемого» перед гостями оборудования плиту, посудомоечную и стиральную машины, кухонный и гидромассажный комбайны, эксклюзивные раковины и бездонные бассейны. Позволяет демонстративно гордиться стерильной белизной санитарно-технических приборов, ассоциируемой с чистотой души.

Бесконечно число вариантов того, чем могут гордиться и что хотят продемонстрировать гостям хозяева. Богатство и бедность. Консерватизм и новаторство. Западничество и патриотизм. Попсовость и элитарность. Смелость и скромность. Уникальность и массовость. Любой способ принимать гостей хорош, если он доставляет удовольствие, и современный дизайнер, если он не чужд страстям и радостям жизни, должен быть готов не только к исполнению желаний, но и к предвосхищению неосознанных чаяний и невыраженных внутренних мотивов своих клиентов.

**Константин Лидин
Марк Меерович**

Неизвестная провинция становится известной

С.С. Поладюк.
Неизвестная провинция
М.: Издательство «Едиториал УРСС», 2004. – 645 с.

Вышла в свет «Неизвестная провинция» — новая книга известного историка архитектуры, зав. кафедрой Реставрации Российского государственного гуманитарного университета, старшего научного сотрудника отдела Свода памятников художественной культуры Государственного института искусствознания, кандидата искус-

ствоведения, советника Российской академии архитектуры и строительных наук Сергея Семеновича Поладюка.

Книга знакомит с неизвестными или малоизвестными памятниками российской провинции — все они впервые вводятся в научный оборот в качестве объектов историко-архитектурного исследования. Широкий географический разброс памятников (от Подмосковья до Сибири) не только дает возможность судить о русской провинциальной архитектуре в целом, но и, что крайне актуально для современного искусствознания, позволяет переоценить историю архитектуры России на основе углубленного изучения региональных памятников. Исследования проведены на новом, исчерпывающем материале архивных и натуральных изысканий, выполненных автором в процессе разработки проектов реставрации и реконструкции памятников архитектуры, зон охраны, регулирования

застройки и заповедных территорий мемориальных комплексов и исторических городов в течение долголетней работы в проектно-институте «Спецпроектреставрация».

В книге изложена и обоснована авторская методика проведения историко-архитектурных научно-исследовательских работ, которая ориентирована на динамику видоизменений (возникновения — устаревания — обновления) архитектурного и градостроительного наследия. Данная методика позволяет выявить логику возникновения и последующих видоизменений объекта во времени, интерпретировать его как индивидуальную, исторически обусловленную структуру. Это крайне актуально в наши дни, так как позволяет избежать ошибок при широко развернувшемся сегодня строительстве в исторических поселениях. Все последующие статьи выполнены в соответствии с предложенной методикой и

отражают самые разные исследовательские ситуации. Иногда материал расположен в хронологическом порядке, позволяющем представить всю историю изучаемого объекта (церковь Покрова в Красноярске). В другом случае рассматривается в регрессивной последовательности — от существующего состояния к моменту создания, что позволяет интерпретировать исходный момент (Митрополичий конюшенный двор в Ростове Великом). Иногда материал сгруппирован в хронологические ряды: «объемно-пространственное решение», «перекрытия», «двери», «окна», «полы» и т.д. (Спасский монастырь в Енисейске). При нехватке исходных сведений материал сгруппирован по проблемам (церковь Благовещения в Красноярске).

Книга написана на хорошем литературном русском языке, непринужденным и понятным слогом, читается легко и с интересом, прек-

расно иллюстрирована и аннотирована, объем — 645 страниц. Временной диапазон начинается с 12 столетия (возникновение города Плеса), а заканчивается началом XX вв., до разрушений и перестроек советского времени.

Издание представляет как научную, так и практическую ценность. Оно адресовано достаточно широкому кругу читателей — историкам, искусствоведам, архитекторам, реставраторам и всем тем, кто интересуется историей отечественной культуры. Книга заставляет задуматься, почему мы дорожим знаниями, сохраняющими масштаб и духовную выразительность пространства, в котором выросла наша культура, позволяет читателю «стать вровень» с исследуемым произведением архитектуры.

Ирина Калинина

ИЗГОТОВЛЯЕМ ИЗ

**ДУБА
ЯСЕНЯ
БУКА**

элементы интерьера
барные стойки, лестницы
камины, двери

ИП Гундобин А.Г.
ул. Ракитная, 18
ТЦ «Байкал», пав. 36а
Тел.: 998-362, 522-997, 30-13-22

Гостиница «Анастасия»
дизайнер А.Ю. Хлебникова

Частный дом в Ершах
дизайнер А.Г. Гундобин

Яхта «Северная корона»
дизайнер В.И. Соколов

проект байкал 3 project.baikal

Итальянский мебельный дизайн в Сибири

1

Италия по праву считается законодательницей мебельной моды. Международные выставки, ежегодно проходящие в Милане и Вероне, посещают миллионы людей, интересующихся дизайном.

Компания «S-Классик» – официальный представитель более 100 итальянских фабрик, производящих мебель, сантехнику, плитку, двери, кухни, бытовую технику, домашние кинотеатры и другие предметы интерьера. Всем самым новым и интересным в мире интерьерной моды «S-Классик» готов поделиться с дизайнерами и архитекторами города Иркутска.

На днях в салоне мебели «S-Классик-Интерьер» прошел мастер-класс на тему «Итальянский мебельный дизайн». Мастер-класс давали представители ведущих итальянских фабрик по производству мебели и предметов интерьера Silverio Marjan (Сильверิโอ Мариан) и Marco Ziani (Марко Циани).

Они рассказали о таких фирмах-производителях, как Selva, Snaiidero, Lago, CInova,

Mobileffe, Rubelli, Gervasoni и еще ряде фабрик, основных направлениях их деятельности и новинках, которые были представлены на международных выставках в 2004 году.

Не оставили без внимания и известных итальянских дизайнеров, которые сотрудничают с представленными фабриками. Например, Paolo Pininfarina, Lucci e Orlandini, Massimo Iosa Ghini, создатели кухонь Snaiidero. Эти кухни получили огромное количество наград за дизайн и функциональность. Paola Navone, дизайнер и арт-директор фирмы Gervasoni, объездила всю Юго-Восточную Азию. Ее любовь к культуре и традициям этих стран отразилась в предметах интерьера и мебели, которые она создает.

Новейшие разработки и старинные секреты, новые технологии и ручная работа, удобство и комфорт, – вот те критерии, которыми руководствуются мэтры мебельной индустрии. Мебель, кухни, светильники, портьерные ткани, аксессуары... Причудливые формы, яркие цвета, неожиданные решения и уникальные дизайнерские работы. Все это великолепие дизайнеры и архитекторы города Иркутска могли увидеть «вживую» в салоне мебели «S-Классик-Интерьер».

Мария Брянская

3

4

5

6

1. Сильверิโอ Мариан, Марко Циани.

2. Салон мебели «S-Классик-Интерьер».

3. (Слева направо) Марко Циани, Сильверิโอ Мариан (WWTs), Игорь Березин, Елена Березина, Виктор Мисайлов («S-Классик»).

4, 6. Мастер-класс на тему «Итальянский мебельный дизайн».

5. Кухня «Ola» (Snaiideo, Италия, дизайнер Paolo Pininfarina).

2

Новый образ URSA.
Там, где тепло- и звукоизоляция должна быть безупречной.

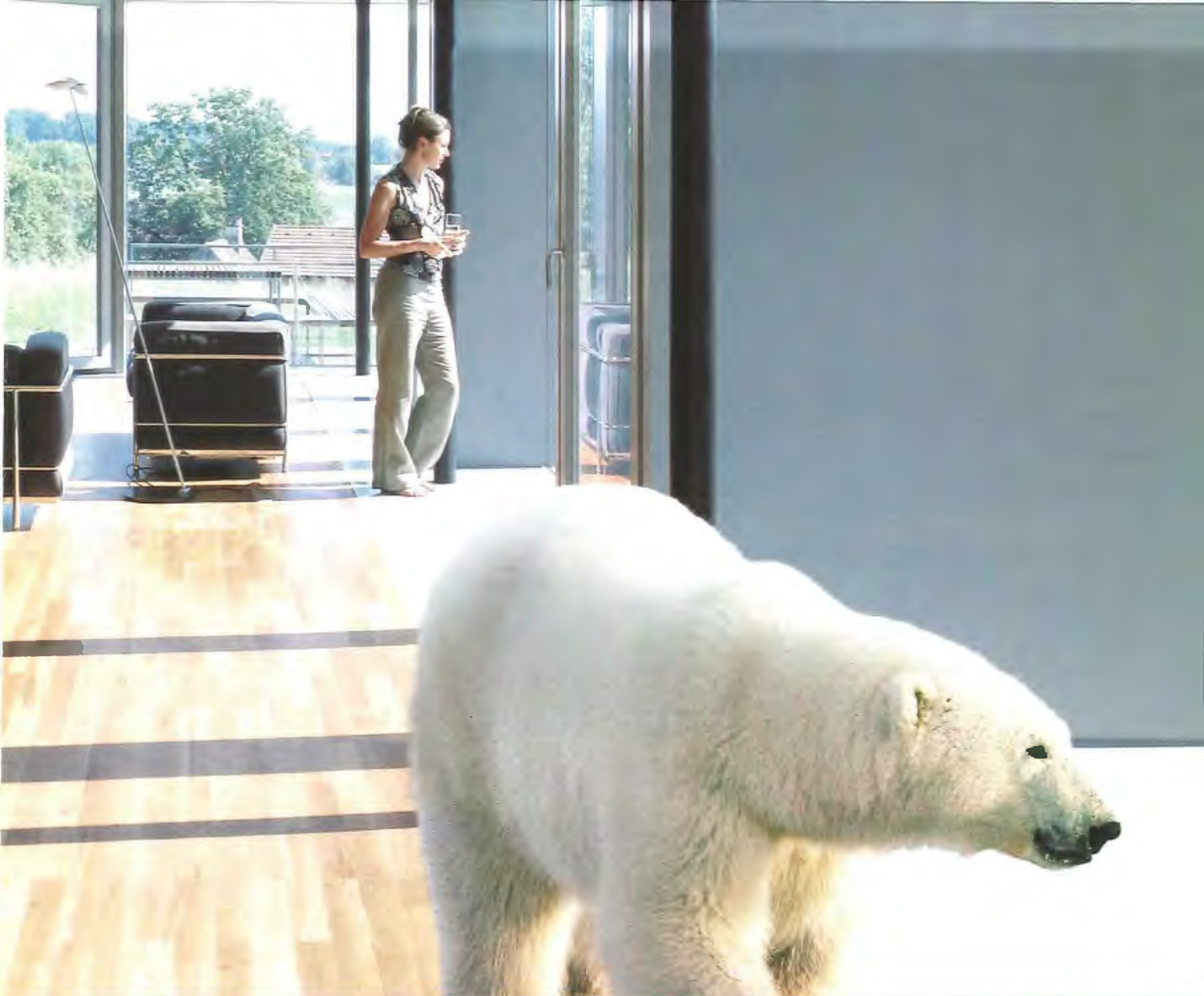
Always there.

URSA GLASSWOOL®

URSA SECO®

URSA XPS®

Каждое здание нуждается в собственной идеальной системе теплоизоляции. Для этого необходимо тщательно продуманное решение, способное предохранить здание от воздействия высоких и низких температур, повышенной влажности и шума. URSA, новое громкое имя в области теплоизоляции, предлагает Вам такое решение. Мы работаем во всех странах Европы. Мы внедряем новые технологии. Мы ориентируемся на клиента и его потребности. Мы устанавливаем высокие стандарты качества и обладаем большим опытом. И что особенно ценно - мы всегда рядом. Подробности на www.ursa.ru

Остановочные павильоны в городе Иркутске

Производственно-коммерческая фирма "Сталкер"
Архитектор-дизайнер Владимир Ким

В Иркутске проводится акция «Любимый город», в результате которой внешний вид всех основных остановочных пунктов претерпит коренные изменения. Инициаторы акции надеются, что преобразившийся город сможет повлиять и на самих горожан. Ведь многие из нас проводят на остановке, в ожидании транспорта, немалую часть дня. Попытка упорядочить, структурно преобразовать внешний вид, «причесать» все разношерстные павильоны и остановочные пункты неизбежно приведет к положительным результатам.

Проект предполагает возведение в городе остановочных пунктов, которые выдержаны в едином стиле и по формообразованию не пытаются сказать новое слово в области малых архитектурных форм, а декларируют обобщенные классические их варианты. Это является хорошей заявкой на моральную устойчивость сооружений. Нововведение включает в себя весь необходимый набор составляющих: скамьи, урны, доска объявлений, бегущая строка, карта города с основными транспортными

направлениями, торговые точки и, конечно, навес для защиты от атмосферных осадков. Некоторые из павильонов будут оборудованы общественными санузлами.

Программа реализуется при активном участии Главного управления архитектуры и градостроительства совместно с администрацией города Иркутска. На данный момент установлено 6 павильонов: на остановках «Художественный музей», «Микрорайон Байкальский», «Релейный завод», «Завод Эталон», «Музыкальный театр», «ИГЛУ». Параллельно с установкой благоустраивается прилегающая территория. В планах установить еще 6 павильонов, а всего, до конца года, в городе будет 22-24 таких комплекса. Планируется расширить эту адресную программу, она уже презентована мэрии города и утверждено порядка 180-200 единиц. Вопрос вандалоустойчивости решается пока силами самих разработчиков - это дополнительные средства на охрану и содержание специального подразделения. Материал, из которого в основном изготовлены павильоны - анодированный алюминий. Производится он в России только заводом «Русал» (Москва) и отличается долговечностью и прочностью, что немаловажно в наших условиях. Сбор-

ка конструкции осуществляется в Иркутске.

Подобного проекта в России пока нет, поэтому группа компаний «Материк» желает запатентовать свою разработку. Думается, что можно пожелать им в этом удачи. Так ли часты в наше время вспышки подобной филантропии?

Ирина Теплякова

<i>Владимир Бух</i>	От редактора	2	<i>Владимир Тихонов</i>	Этнографический музей под открытым небом	
<i>Ирина Калинина</i>	с. Авдюшино (Тайшетский район) Церковь		<i>Алексей Чертилов</i>	«Тальцы»	38
	Покрова Пресвятой Богородицы 1916-1917 гг. ...	3		Деревянная архитектура заповедной,	
	Дерево горит	4		Кругобайкальской	44
<i>Владимир Бух</i>	До основания. А затем?	6	<i>Андрей Ляпин</i>	Церковь Святой Ксении Петербургской	
<i>Сергей Алексеев</i>	Зри в корень:			в Иркутске	54
<i>Евгений Ячменев</i>	древнерусское деревянное зодчество	7	<i>Инна Дружинина</i>	Две постройки	56
<i>Елена Ополовникова</i>	Резервация умирающего наследия	10	<i>Айке Граберт</i>	«Башня тысячелетий» в Магдебурге	60
	Продлите памятникам жизнь!	12	<i>Светлана Середенкина</i>		
<i>Ирина Теплякова</i>	Дом с обложки	14	<i>Ольга Бурова</i>	Шевченковский Гай	62
<i>Ирина Горбунова</i>	Кружевной дом по ул. Энгельса в Иркутске ...	16		Балленберг	63
<i>Алексей Буйнов</i>	Усадьба Сукачева	17		Музей под открытым небом	
<i>Александр Яковлев</i>	Деревянный детский сад	24		«Weald&Downland» в Англии	64
<i>Нина Струк</i>	Шатровые храмы XVII-XVIII вв.		<i>Айке Граберт</i>	Деятельность музеев под открытым небом	
<i>Александр Ашихмин</i>	на территории Прибайкалья	25	<i>Светлана Середенкина</i>	в настоящее время	65
	Дом Волконских в Иркутске	29	<i>Инна Дружинина</i>	Опыт сохранения исторического наследия	
<i>Евгений Ячменев</i>	Церковь Одигитриевской иконы		<i>Марк Меерович</i>	в Германии	66
<i>Александр Яковлев</i>	Божьей Матери в селе Усть-Илга	31	<i>Ирина Горбунова</i>	Бионика Дорнаха	69
	Фотовыставка	34	<i>Андрей Ляпин</i>	Семантика деревянной архитектуры	70
<i>Владимир Бух</i>	Я шагаю...по Иркутску	36		«Земля Иркутская, деревянная...»	73
<i>Люциан Антипин</i>			<i>Анна Григорьева</i>	Деревянная архитектура в строительных	
				программах Финляндии	74
				Summary	78

Дерево в Сибири – богом данный строительный материал. Сколько в нем мастерства и народного искусства проявлялось испокон веков. Профессиональные архитекторы тоже питают к нему интерес. Но дерево горит. После очередного пожара 1879 года, когда выгорела большая часть Иркутска, пришлось предпочтение отдавать кирпичу, по крайней мере, на центральных улицах города. Всё же Иркутск пока ещё больше привлекателен своим деревом, нежели успехами в других строительных материалах. Да и не один Иркутск, осмелимся заметить. Несметные лесные богатства не приучают нынешних пользователей экономно относиться к дереву. Безотходное производство в зародыше, мебельное и столярное дело худо-бедно продвигается, а клееные конструкции, энергоэффективные архитектурно-строительные системы с применением деревянных каркасов подменяются рассуждениями о том, какой замечательный архитектурный эффект дает бревно и как это по-русски. И не так важно, что по принятым сейчас в России нормам теплосопrotivления наружные стены по толщине нужно класть в два бревна. Проникновенный иркутский писатель Валентин Распутин так говорит о дереве, как о строительном материале: «Дерево имеет редкую способность продлевать нашу память до таких глубин и событий, свидетелями которых мы не могли быть. Лучше сказать – это способность передавать нам память наших предков. Камень более недвижим и холоден; дерево податливо и ответно чувству». Дерево греет душу, но не держит тепло внутри дома. Вернее, не держит его так, как делают это сейчас другие, более эффективные конструкции и материалы. Мы не говорим – прощай дерево. Мы говорим – берегите лес. Обо всем этом и еще о другом – в теме номера. Владимир Бух, главный редактор

Wood in Siberia is a building material given by God. So much craftsmanship and folk art have been developed in it through the ages. Professional architects also show interest in wood. But wood can be burnt. After the fire in 1879, when the major part of Irkutsk burnt down, one had to give preference to brick, at least, on the central streets of the city. However, Irkutsk is still more attractive with its wood than with the successful use of other building materials. And not only Irkutsk, I dare to say. Plentiful timber resources do not teach the users to treat the wood economically nowadays. Wasteless industry is in its first stages, furniture production and joinery are developing at the very least. Glued constructions, energy efficient architectural and building systems with the use of wooden frames are replaced by the arguments that a log makes a wonderful architectural effect and it is so much Russian. And it is not considered important that, according to the Russian current standards of thermal endurance, the outside walls should be two logs thick.

These are the words of Irkutsk provincial writer Valentin Rasputin speaking about wood as a building material: «Wood has a rare ability to prolong our memory as far as the depths and events we could never witness. Better to say – it is an ability to convey to us the memory of our ancestors. Stone is colder and more immovable; wood is compliant and returns the feeling». Wood keeps one's soul warm, but does not keep the warmth inside the house. Or, rather, it does not keep the warmth as much as the other more efficient constructions and materials do. We do not say farewell to wood. We say: let's protect the forests. The subject of the issue is about all these and other things. Vladimir Bukh, editor-in-chief

с. Авдюшино (Тайшетский район) Церковь Покрова Пресвятой Богородицы 1916 - 1917 гг.

Село Авдюшино находится в Тайшетском районе Иркутской области. Когда-то крупное переселенческое село, образованное в начале XX века и заселенное в основном выходцами из Украины, сегодня превратилось в бедную деревеньку с одной единственной улицей и населением около ста человек. В зимнее время жизнь здесь почти совсем замирает, и только летом заметно небольшое оживление, в основном за счет отдыхающих горожан.

Расположено село в красивейшем месте: в небольшой долине, окруженной хвойными лесами. От города Тайшета до Авдюшино совсем недалеко, не более 35 километров, но при попытке добраться в село становится ясно, что это обманчивая близость. Трудно назвать дорожкой глинистую полосу, которая причудливо извивается по горе или вдруг спускается вниз под опасным углом. К несчастью, наша небольшая экспедиция, состоящая из инспектора по охране памятников Березовской Ирины Михайловны и автора этих строк, отправилась в путь после дождя, поэтому в этот день до села мы так и не добрались. Только на следующий день, уже призвав на помощь главу администрации Галдусова Виталия Петровича, мы смогли проехать окольными путями по старой, заброшенной лесной дороге. Подъезжая, мы увидели пустыри, окружающие село, которые еще недавно были улицами.

На окраине села, на небольшом

холме стоит заброшенная деревянная церковь. Состояние ее сегодня удручающее. Причем главный вред ей нанесли не время или непогода, а руки человека. Техническое состояние ее конструкций в целом хорошее, особенно там, где сохранилась кровля. Но здание имеет значительные утраты.

История строительства церкви следующая. Авдюшинский переселенческий приход был открыт 25 февраля 1914 г. Церковь первоначально предполагалось построить в с. Логовском Тайшетской волости, но более удачное расположение с. Авдюшино и большая его населенность определили строительство храма именно здесь.

Проект деревянной церкви был составлен епархиальным архитектором, инженером А.С. Покровским. Возведение храма началось в 1916 г., а было закончено к лету 1917 г. Подрядчиком выступал Н.А. Зверев, ранее хорошо зарекомендовавший себя на строительстве церквей Умыгенского и Мугунского переселенческих участков. Церковь освятили во имя Покрова Пресвятой Богородицы.

Композиция церкви традиционна для храмов, построенных в переселенческих районах Сибири. Первоначально высокий одноэтажный деревянный храм завершался пологой скатной кровлей с аттиковым четвериковым ярусом, увенчанным пятью главками. Четыре небольшие главки располагались над углами четверика, в центре поднималась более

крупная глава. С востока выступает более низкая массивная пятигранная апсида под вальмовой крышей. С запада ее уравнивает трапециевидная с притвором, над которым ранее возвышалась колокольня. Особую выразительность постройке придает крылечко под двускатной крышей, которая опирается на фигурные консоли. К сожалению, к настоящему времени утрачены наличники окон. Кроме того, выпилены сами оконные и дверные проемы. Но сохранившиеся элементы декоративного убранства, типовое решение объемов и наличие аналогичных храмов (с. Батама, с. Ичера, с. Мухтуйск) позволяют реконструировать утраченные фрагменты.

Жителям с. Авдюшино церковное здание не нужно. Здесь нет прихода, который взялся бы за воссоздание храма и его последующее содержание. Вероятно, единственный вариант спасения Покровской церкви – это перенос ее в другое, более живое селение.

Ирина Калинина

Дерево горит

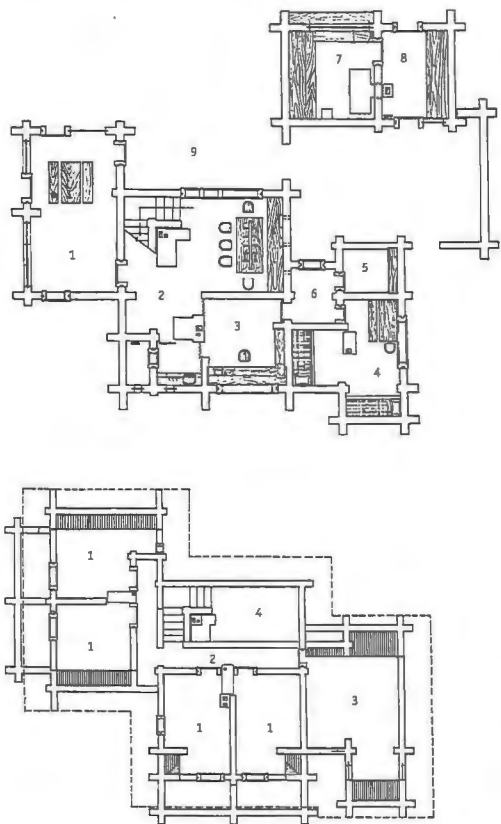
текст
Владимир Бух
Сергей Алексеев

фото
Люциан Антипин
Леонид Латышев

Для релаксации местной номенклатуры и приемов «без галстука» высоких заезжих гостей, на подъезде к Байкалу, у истока Ангары, был срублен так называемый «Дом рыбака». Молодой архитектор Владимир Павлов, обративший на себя внимание искусным исполнением эксклюзивных заказов, и стал автором этого маленького шедевра. Во время железобетонного бума в конце 60-х предложение построить гостевой дом из бревна, подкрепленное выразительным макетом, оказалось неожиданно уместным и было благосклонно одобрено. Хозяйственному управлению поручили подобрать способных к плотницкому ремеслу мужиков, а лесоуправлению – кругляк потолще. И дело пошло. Но как у нас

водится, исполнители не стали утруждаться и первые восемь венцов срубили из ходового леса непроектного диаметра. Когда же Павлов настоял на разборке сделанного и замене бревна на необходимую толщину, стройка повиновалась его воле и успешно пришла к завершению.

Архитектура заимки не производное пилы и лобзика. Это технология топора. Естественная, убедительная, исконная. Не стоит искать в ней местные истоки. Она выросла там, где строевой лес и холодная зима. Такой чистый, пронзительный ход уберег постройку от обрыдшей пошлости и обеспечил сибирскую экзотику без сопротивления, проникающую в душу, какой бы изощренной она ни была.

Один из именитых гостей восхищенно сказал: «Не делай Павлов больше ничего, он одним этим домиком оправдал уже выбор профессии». Чего не скажешь под хорошую рюмку! Однако же, это тот случай, когда уместно добавить: стиль – это отсутствие стиля. Это вкус.

После «Дома рыбака» иркутские архитекторы потянулись к бревну, следуя строгости в дереве, и по мере способностей сделали пару-тройку удачных римейков, пока не пришли оцилиндрованные бревна и новые русские... архитекторы. Со своей эстетикой.

После отъезда Павлова из Иркутска, рядом с его домом возник другой, не бревенчатый, в вызывающе недружелюб-

ной стилистике. И «Дом рыбака» вскоре сгорел. Не от досады, а натурально, с дымом и пламенем. Восстановление утраченного автором соседней постройки считается нецелесообразным.

В.Б.

Американский генерал Паттон, веривший в реинкарнацию, в памятной речи своим бывшим соратникам сказал: «Солдат не погибает за родину, он уходит на отдых. За родину погибает враг. Он пришел как захватчик, погиб, и о нем все забыли».

Рукотворное дерево не сгорело и не утратило целесообразности. Оно ушло на отдых...

С.А.

План 1 этажа

1. Столовая
2. Гостиная
3. Кухня
4. Дежурная
5. Кладовая
6. Прихожая
7. Баня
8. Предбанник
9. Внутренний двор

План 2 этажа

1. Спальня
2. Галерея
3. Тех. помещение
4. 2-й свет гостиной

До основания. А затем?

текст
Евгений Ячменев

фото
Люциан Антипин

Субъективные заметки об архитектуре и не только

Иностранцы при посещении Иркутска поражены самобытным лицом города, его ароматной стариной. Они, приезжающие в Иркутск со всех концов света за тысячи верст, ищут на берегах Ангары то особое, глубинное, что составляет суть понятий «сибиряк», «Сибирь», «Иркутск». Поражаются, насколько мы богаты: только очень богатый край может так беспечно относиться к своему архитектурному достоянию.

«Подумаешь, гнилушки»...

Мое раннее детство прошло в старом иркутском деревянном доме, совсем не памятнике архитектуры. Я не понаслышке знаю, как носить воду с колонки, колоть дрова для печи... Старые иркутские дома – не только архитектура. Это особый уклад жизни. Жители таких домов хорошо знают, что неспроста раньше хозяин держал прислугу, кухарку да истопника. Пришло время – хозяев прогнали, жильцов уплотнили (помните, в «Собачем сердце» Булгакова профессору Преображенскому предлагали отказаться от столовой?). Волей-неволей пришлось самим и печку топить, и воду возить, и уголек с дровишками добывать. А потом и вентиляционные отверстия – «продыхи» в цоколях с улицы заткнули, забили, законопатили, асфальтом заложили.

Может ли человек существовать, если ему перекрыть дыхание? Старые иркутские дома еще живут. Вернее, доживают. Мог ли прежний хозяин допустить их до нынешнего состояния? Не нужно быть провидцем, чтобы сделать однозначный вывод: прежняя система эксплуатации старого жилого фонда города (и прежде всего, памятников) оказалась бессильной сохранить деревянный жилой фонд в изначально задуманном порядке. От этого – современные беды: недовольство жильцов, растерянность властей (Что делать? Сносить или реставрировать? Куда девать жильцов из аварийного жилья?). Нынешний итог был печально предопределен разрушением старого уклада, недомыслием строителей «светлого будущего». Знаменитая «заборная эпопея» 60-х годов, когда ломали заборы и ограды, – зримое следствие такой, казалось, близкой мечты о «всеобщем брат-

стве». Прошло время, и стало ясно, что есть, оказывается, малая родина, а в ней – твой дом, твой двор. Да вот беда, двор оказался проходным.

От диктата большевистской идеологии – к диктату денежного мешка. Раковая опухоль «Шанхайки» – новой барахолки в историческом центре города – пожирает старые кварталы. И тот же главный архитектор Иркутска Е.А. Третьяков, без согласования с Центром по сохранению историко-культурного наследия, даёт «добро» на строительство торговых псевдопропилеев у лестницы к бывшему Иерусалимскому кладбищу. И что же? Неужели, чтобы податься к Входу-Иерусалимскому храму, нам так и придется протискиваться под аркой торгового павильона, между пивом и сигаретами?

Архитектурный беспредел с благословения «калифа на час», то есть главного архитектора города, не может быть оправдан общей ситуацией, когда бедные остаются бедными, а богатым – закон не писан: где хочу, там и построю. Не следует забывать, что конструкция русских граблей за последний век кардинально не изменилась.

Но что-то не хочется в очередной раз видеть революционную толпу, горланящую из «Интернационала»: «Весь мир насилья мы разрушим до основания, а затем...». Иначе доломаем остатки.

Дальше так жить нельзя. Если лет 10 тому назад только говорили о создании специального подразделения в городе по ремонту старого жилого фонда, то сегодня мы имеем позитивный опыт реставрации уникальных памятников, как, например, драмтеатр и другие здания исторического центра. Иркутск вплотную подошел к объединению усилий реставраторов и строителей. Однако реорганизации строительной базы с ориентацией на потребности регенерации облика исторического центра Иркутска не произведено.

А жаль! Исторический город требует больше заботы и усилий. Ломать – не строить. Тем более, не реставрировать. Осторожнее, современные геростраты: уничтоженный старый Красноярск не есть положительный пример.

Прислушаемся и к голосу медиков: железобетон отнимает наше здоровье, унылый ритм разнообразных окон и панелей создает агрессивное поле, разрушительно действующее на психику.

Средства? Мы живем в сказочном краю. Он всегда будет привлекательным для туристов. В последнее время в туристической индустрии происходят положительные сдвиги. Но это должно быть не только делом частного капитала. Господдержка с привлечением достойных партнеров – залог успеха. В идеале отчисления от туристического бизнеса шли бы на реставрацию и реконструкцию исторического центра, который мы опять-таки показываем туристам.

Пора наконец-то хозяину навести порядок в собственном доме. Вроде, есть какое-то движение. Но где детальная проработка городских участков? Почему иркутские помойки вывернуты на самых видных местах, подобно грязному белью? «Разруха – не в клозетах, а в головах»: с этой мыслью булгаковского героя нельзя не согласиться. Уверен, что и мои оппоненты, и единомышленники найдут массу как положительных, так и отрицательных архитектурных примеров. Но речь идет не о профессионализме в границах СНиПов. Речь о том, что окружающий нас архитектурный мир, как часть культуры, влияет на строй души.

Дом по ул. Дек. Событий

Зри в корень: древнерусское деревянное зодчество

«Зри в корень», – некогда советовал Козьма Прутков¹, обобщая поисковую суть мироощущения русского народа. Практическое воплощение той сути так или иначе отражено во всех явлениях нашей жизни, но, как нам видится, наиболее явственно и зримо – в самобытных образах древнерусского деревянного зодчества, в его бревенчатых памятниках. Им нет в мире аналогов, по крайней мере в том виде, в каком они дошли до нас из недр Святой Руси. И не случайно, что именно древнерусские деревянные памятники подверглись и подвергаются по сей день коренному уничтожению, включая в это понятие и неимоверное искажение их образов.

Известно, что великое кроется в малом, являясь его проекцией-отражением или исходным средоточием развития. Христианскую судьбу русского народа можно проследить по многовековому бытию памятников деревянного зодчества: от высочайших жизненных взлётов до невысказанных здравому смыслу падений, от памятников-легенд с их трепетными бревенчатыми срубами и гармонией форм, простых или сложных, но всегда наделённых «цельным мироощущением» (о. Павел Флоренский), до уродливо-безликих деревянных объёмов-ящиков, приравняемых к величию своих предшественников в духе пролетарского обесценивания человеческого достоинства, смутившего Русь и заметно ослабившего стержень нашей жизни вплоть до привычного уже состояния зыбкой неустойчивости.

В рамках этой небольшой статьи мы не станем углубляться в историю вопроса. Тем, кто устремлён вникнуть в её ход, «объективный» – по марксистско-ленинской философии, ещё памятной старшему поколению, или – идущий по воле божией, как видится православному человеку, что, впрочем, столь же «объективно», мы посоветовали бы ознакомиться с историко-просветительными изданиями серии «Древнерусское деревянное зодчество»². Третий её том – «Земля Иркутская, деревянная...», обогащённый предисловием В.Г. Распутина, весной 2004 года вышел в свет благодаря поддержке издания губернатором Иркутской области Б.А. Говориним.

Исторически архитектурная обезличка в духе «благолепных обновлений» коснулась прежде всего церквей и часовен, а уже потом – как доверчиво воспринятый призыв всенародного «совершенствования» – гражданских построек. Повсеместная волна искажений древних бревенчатых храмов, несправедливо отнесённых к «раскольничьей», а не к святоотеческой, традиционной для русского православия архитектуре, прокатилась по России в XIX веке. Целенаправленный удар той волны оказался настолько пагубным, что уже в начале XX века на огромном пространстве нашей земли сохранились буквально считанные единицы неперестроенных бревенчатых церквей, часовен и колоколен.

А на Иркутской земле их вовсе не осталось³. Лишь в музее «Тальцы» стоит освобождённая от дощатой обшивки-обезлички древняя Казанская церковь славного Илимского острога. О средоточии благодатной энергии в этом древнем поселении, изначально являвшем собой традиционный архитектурный ансамбль, не противоречащий духовному строю всей русской жизни, можно судить по его роли в освоении приангарских и верхнеленских земель, в короткий срок превращённых православным трудом в хле-

бородную Илимскую пашню, житницу всей Восточной Сибири⁴.

В скромном облике Казанской церкви, несмотря на непривычное для неё музейное размещение, и поныне сосредоточена благодатная энергия, которую вольно или невольно ощущает каждый из духовно не умерших людей, вне зависимости от вероисповедания или национальной принадлежности. Почему? Да потому, что архитектура древнерусских бревенчатых построек, значительных или совсем малых, удивительно гармонична и естественна, как природа, созданная Творцом. Она словно бы Его сотворение, осуществлённое человеком.

Оттого год от года множится число людей, стремящихся воочию увидеть деревянные сокровища России. Ныне они сохранены, за малым исключением, лишь в музеях под открытым небом. Самый знаменитый среди них – «Кижжи», с его многоглавым церковным ансамблем. Его слава давно уже облетела весь мир. Не было бы её, если бы в 1950-е годы реликтовые храмы Кижского погоста не были освобождены от чуждых наслоений, исказивших их облик под фарисейской эгидой «благолепных обновлений». Лишь спустя без малого столетие была воскрешена благодатная самобытность кижских памятников⁵.

Казалось бы, всё ясно и понятно: ныне для облагораживания облика нашей земли, а стало быть, и жизни, надо воссоздавать деревянные храмы не по искажённым, чуждым русской традиции образцам, а по древнерусским аналогам – архитектурным святоотеческим преданиям. Но на деле всё происходит иначе. Начиная с Москвы-столицы, а далее – по всей земле русской строятся часовни и храмы неопознанного происхождения, кичливые и безблагодатные, лишённые, как пролетарские идеологи, любви к родной истории и своему отечеству. И даже наделённые любовью, но удалённые от истинного величия (аристократизма духа) и отученные его ценить люди-строители в большинстве своём не в состоянии воспроизвести его в новых

текст
Елена Ополовникова

иллюстрации
книга
А. Ополовникова,
Е. Ополовниковой
«Земля Иркутская,
деревянная...»

1. Введенская церковь. Южный фасад. Проект-реконструкция. 1988 г.
2. Казанская церковь Илимского острога. 1972 г.
3. Ансамбль Кижского погоста. 1972 г.

1 Напомним, что Козьма Прутков – писатель, придуманный группой авторов-единомышленников: Алексеем Константиновичем Толстым и его двоюродными братьями Алексеем, Владимиром и Александром Михайловичами Жемчужниковыми.

2 Изд. «ОПОЛО». Т. 1. Древний Обдорск и заполярные города-легенды. М., 1998; т. 2. Избяная литургия. Книга о русской избе. М., 2002. Книжки удостоены Золотой медали Академии художеств и ряда других наград, а т. 3 – премии губернатора Иркутской области.

3 См.: Калинина И.В. Православные храмы Иркутской епархии. Иркутск, 2000.

4 См.: Шерстобоев В.Н.Т. 1, 2. Илимская пашня. Иркутск, 2001.

5 Подробнее см.: Ополовников А.В. Кижичи. М., 1976; Ополовников А.В., Ополовникова Е.А. Дерево и гармония. М., 1998.

6 Проект церкви выполнен в ЗАО «Лад» г. Петрозаводска. Директор – Вахрамеева Т.И. (до недавнего времени – гл. архитектор музея «Кижичи»); автор проекта – арх. Куспак В.

7 «...на средства работников «Совета по туризму Санкт-Петербурга и семьи Никифоровых. Архитекторы: Шаповалова Е.Ф., Харченко О.А. Строители: Никифоров В.И., Цветков В.Г., Елагин С.М., Табулин Д.В., Кузнецов А.И.», – продолжает текстовая информация.

8 См.: Ополовников А.В. Памятники деревянного зодчества Карело-Финской ССР. М., 1955.

деревянных церквях, подспудно опасаясь «простоты» (в коей-то кроется истинное величие) и старательно привнося в архитектурный облик или яркоцветье, или узорочье с усложненностью форм «во вкусе», или зализанную шкатулочную гладкость... При этом напрочь забывается коренной постулат древнерусского деревянного зодчества: использование дерева не только как строительного материала, но и как материала искусства. А в аллегорическом причастии к человеческой жизни – выявление его физической (опорно-конструктивной) и духовной (природно-эстетической) сущностей, неотделимых, как и в осмысленном земном бытии, друг от друга.

Безрадостную, прямо скажем – горькую картину наблюдали мы в этом году, обследуя северорусские края.

...На чуть всхолмленном берегу дышащего древним покоем Колодозера с его истари добронравным погостом и большим селом Усть-Река, вблизи бревенчатых торговых рядов, построенных, как свидетельствует памятная дощечка, в XVIII столетии, водружают красную – в прямом (цветовом) и переносном (советском) смысле – деревянную церковь. Ставят её как бы взамен величественного шатрового храма Рождества Богородицы (1781), несколько лет назад сожжённого. Новая церковь являет собой пропорционально неслаженное строение, сухое и невдохновенное, хотя тоже с шатром, но каким-то укороченным в сравнении с широким и низкорослым восьмериком, завершённым к тому же прямолинейным повалом (чьё название уже предопределяет округлость контура). И всю эту архитектурную катавасию закрашивают «для оживления» красным пинотексом, зловедце кричащим на фоне умиротворённого архитектурно-природного пейзажа и устрашающе выглядывающим из серо-голубых озерных вод. Слово бы призыв выжечь окрест всё добро жизни. Ладно бы любители-энтузиасты сие городили бы, а то – и не верится! – официально признанные архитекторы-реставраторы⁶.

Агрессивным символом царства тьмы представляется нам и архитектурный образ огромной деревянно-бетонной церкви, совсем недавно возникшей всё в той же Карелии, близ села Повенец – у дороги, ведущей в Медвежьегорск. «Так и слышится иезуитский смех Мефистофеля из «Фауста»: «Ха-ха-ха-ха!.. Люди гибнут за металл... Сатана там правит бал...», – записано в дорожной тетрадке первое впечатление от увиденного на северорусской земле страшилища. И боязно (Господи, прости!) произнести прочитанное на подступах к нему: «Храм святителя Николая. Построен в 2004 году в память строителей Беломоро-Балтийского канала...»⁷. На сей раз питерцы поусердствовали. Денег на очередное искоренение традиционной отечественной культуры, судя по всему, ухлопано немало, а рядом гибнет в запустении подлинный памятник русского деревянного зодчества – овеванный преданиями Богоявленский храм (1605) в древнем селе Чёлмужи. Готовый в любую минуту к гибели, недоумённо стоит он в эгегическом кладбищенском окружении на береговой кромке Онежского озера. Зомбированные воинствующими русофобами-атеистами нынешние немалочисленные поселенцы Чёлмужей далеки от несказанной благодати, излучаемой Богоявленским храмом.

И в беломорской Кеме та же картина. Уникальный трехшатровый Успенский собор (1711) потихоньку гниет от непроветривания из-за густых древесных зарослей вокруг. Видный некогда со всех сторон собор теперь даже вблизи толком не разглядеть. Стены одного из его приделов недавно обшиты вагонкой... Одно утешение: не видит того реставратор-подвижник А.В. Ополовников, воскресивший в 1951 году святотрусский архитектурный образ собора-богатыря⁸, мужественно очистив его стены от обезличивающего дощатого камуфляжа и яркоцветной безвкусицы, воцарившихся в архитектуре Успенского собора после всё тех же «благославных обновлений» XIX века.

Не только в Карелии, но и в Мурманской области (Варзуга, Ковда), и в Архангельской (Ратонаволоок, Заостровье, Бережная Дубрава, Авдотьино, Ижма, Красная Шалга...) стоят древние памятники-инвалиды, «всеми плюнутые» (В.В. Розанов). Священники предпочитают служить в лишённых духовного величия храмах-уродцах, вновь построенных, а то и отреставрированных, пренебрегая почитаемыми всем благородным (т. е. на благо рожденным) земным человечеством подлинными русскими архитектурными сокровищами.

Удручающе небрежное отношение к памятным образам древнерусского деревянного зодчества, включая уровень реставрации или характер воссоздания, господствует и в Вологодской области (в Палтоге, в Молочном), и в Ивановской (в Плесе), и во Владимирской (в Суздале), и в Нижегородской (Турень, Светлояр)...

На чужих ошибках, говорят, учатся. Поэтому надеемся, что в Иркутской области при строительстве и воссоздании деревянных церквей и часовен они не повторяются. Поверьте, господа архитекторы, а также меценаты-заказчики: неуклонное следование мудрым традициям древнерусского деревянного зодчества всегда выигрывает и в эстетическом, и в нравственно-духовном, а следом – и в материально-экономическом отношении. Шире и глубже мыслите, возвеличивая свою и окружающую жизнь истинной красотой божьего мира, защищая её жизнеспособные корни от губительных для всех нас дьявольских искажений.

Резервация умирающего наследия

Вопрос об анклавах деревянной архитектуры в Иркутске – так называемых памятниках-комплексах, стоит уже давно и неразрешимо. Что делать сегодня с ними, как правильно распорядиться наследством? Сохранить и приумножить? Или законсервировать, «обноводелить» и музеефицировать? Существуют диаметрально противоположные позиции на этот счет, но прямого ответа нет. Мы обратились с просьбой прокомментировать ситуацию на примере «Желябовского комплекса» и дать свою оценку существующего положения к Александру Прокудину, начальнику службы недвижимых памятников Центра сохранения наследия г. Иркутска.

Для реализации такого чудного проекта нужна мощная воля как со стороны города, так и со стороны потенциальных инвесторов. Денег со стороны государства на это никогда не будет, даже с такими долгоиграющими рублями, как потенциальная отдача туризмом. Деньги нужны быстрые.

Привлечение частных инвесторов?

Конечно, это возможно. Во-первых, нужна воля, а во-вторых, льготы для частного инвестора. Насколько я знаю – никаких льгот нет и не предвидится. А для того чтобы я, как потенциальный инвестор, имел какой-то «выход» по площадям, по затратам, чисто экономически такая реализация будет безумно дорогой, поскольку нужно отселать людей. Может быть, город пойдет на частичную компенсацию этих затрат, а может и нет. Повторяю, что нужна воля, нужно какое-то намерение. Потенциально это намерение было, когда все эти заповедные территории у нас только образовывались. Городу нужно было строиться, и не где-нибудь в Ново-Ленино, а в центре. Для этого нужны площадки, территории. Для того чтобы их освободить, уже к тому времени было известно, что есть часть объектов, представляющих какой-то историко-архитектурный интерес. Значит, эти объекты нужно куда-то свозить. Можно часть их забросить в «Тальцы», а можно выделить какие-нибудь условные анклавчики, такие «гетто», заповедные территории. Тем более, по статусу оговаривается возможность создания таких территорий там, где есть достаточно солидная концентрация ценных объектов. А то, что не ценное, необходимо демонтировать, людей расселять и переносить туда новые дома, освобождая тем самым новые площадки. По крайней мере, идея проста: «вычистить город» от застройки объектами культурного наследия там, где они единичны и где не формируют никаких более или менее серьезных фрагментов. Я знаком с проектом «Желябовского комплекса» и должен сказать, что он хорошо, достойно проработан в смысле обеспечения, подключе-

ния к сетям и всего остального. Единственное, что остается – это легкое прожектерство относительно самых первых и неразрешаемых никогда вопросов: куда расселять людей? Кто будет обеспечивать их жильем? Даже при том, что муниципалитет, в свое время, давал определенные распоряжения относительно запрета на прописку на территории заповедников. Когда это раскручивалось, казалось, что вот-вот – и все получится, все будет как надо. В этот момент город что-то предпринял, но не более того. Ведь как только люди узнают, что здесь не будут прописывать и, как они считают, все это будет сноситься, то моментально, правдами и неправдами, из одной семьи вдруг получается две, три, четыре и так далее. Это просто до противности.

В принципе, я всегда плохо относился к заповедной территории. Не потому, что по закону памятник должен жить на своем месте и переносить его нельзя. Это исключительная мера наказания для объекта культурного наследия. Она предусмотрена законом, но в ограниченном применении. Не оттого даже, что дом должен жить на месте. Просто каждый раз ты сталкиваешься с такими вопросами, на которые ответа сегодня нет. Допустим, появится у нас еще один вот такой кусочек. Он должен быть мемориальным и должен превратиться в музей? Там должны жить люди? Если там детские сады, то как быть с ними? Ну и дальше – море вопросов. Там будет такой же соцкультбыт, как в наших районах, или он будет иной? Там будут маскарады по праздникам? Что вообще там будет?

Реальность, вообще говоря, не имеет никакого отношения к тому, что затевалось. В реальности есть очень жесткое ограничение на какую-либо экономическую привлекательность строительства на этой территории. Жесточайшее ограничение – это перенос дома, даже если у меня пустырь. Когда город отводит мне землю под что-нибудь, под существующее строение, то появляется ЦСН со своими ограничениями, ссылается на проект и говорит, что здесь по проекту – перенос. Как я должен обойтись с людьми, которые живут в этом доме? С переносимым объектом, уже предназначенным к перемещению? Как обойтись с этой территорией? Это затраты в 2-3 раза больше, чем просто на реставрацию. Экономически это нереально. Мы тщим себя надеждами или занимаемся самообманом, говоря, что можно отдавать землю в собственность с таким-то обременением. Там этого вообще делать нельзя. В этом отношении это территория гиблая.

Такая вот утопия с заповедником. А у нас их много: ул. Карла Маркса, пл. Декабристов, Желябовский комплекс, ул. Богдана Хмельницкого, Грязнова, Урицкого. Что нужно делать с ни-

ми – непонятно.

Это по поводу утопии. Утопия это или реальность? С другой стороны, я прекрасно понимаю, что, действительно, есть ситуации, когда один или два ценных дома на квартал, а все остальное абсолютно пустое. Нереально оставлять их на этом месте. Если оставлять, то с солидными ограничениями на новое строительство на свежих участках. Нужно это делать или нет? А где уверенность в том, что эти дома выживут? Практики такой у нас в городе – полно. Например, то, что сейчас на ул. Карла Либкнехта, 41,43,45. Позади трех совершенно чудных домиков, разных по стилистике, а по морфологии и вообще откровенно допозарных, возник однажды где-то во втором ряду 5-этажный. Территория под новое строительство была отведена так, что захватила часть исторических усадебных домов по красной линии. А сейчас непонятно, как быть дальше с этими, непонятно какой судьбы объектами. Эти дома просто гибнут и исчезают. Все потому, что сделать это выгодным хоть для кого-нибудь (чтобы можно было взять по схеме обременения) – невозможно. Потому что участка больше нет. Это потерянные дома, и я не представляю себе, как можно реально с ними обойтись теперь. Значит выход один – сохранить эти дома на заповедных территориях, там, где есть свободные места, и попытаться их реанимировать. Да, это возможно. Когда такой счастливый случай выдается – просто праздник. Слава богу, что хоть так.

Реально работать на заповедной территории сегодня у нас некому. Мелкий частный инвестор не работает – ему это крайне невыгодно, а для крупного нужна большая воля. Есть красивая утопия, симпатичная. Правда, я и в это даже не верю. Почему я называю ее утопией? Быть может, это несправедливо. Хорошее проектное предложение с домами, которые реставрируются. Жить, наверное, там можно. Будут ли там танцы, лапти, блины и водоносы – не знаю. Нужно ли это? Нужно ли превращать город в «Тальцы»? Образ жизни совершенно другой – вот ключевой момент. Имитировать, реанимировать или консервировать образ жизни большей части людей, которые вынуждены жить в этих старых домах, в старой части города – просто бесчеловечно. Или говорить о том, что это симпатично и умиляться этим свинством. Я считаю, что это безобразно. Образ жизни диктуется там самой морфологией. Значит ли это, что все наши дома должны превратиться в музеи? Да их столько и не наберешь. Превращать в гостиницу или в гостинично-музейный комплекс? Теоретически – да. Жить там обыкновенно довольно тяжело. Например, замечательный город, который имеет постоянную, в течение последних 40 лет, феде-

ральную поддержку, – Суздаль. Город с 12 тыс. жителей, который живет исключительно туризмом, имеет сегодня точно такую же проблему. И не с монастырями и церквями, а с жильем, которое, собственно, формирует фон для церквей и монастырей. Там тоже почти никто не живет, в каждом третьем доме окошки заколочены. А без горожан – какие уж там монастыри, у города должна быть ткань.

Я хочу сказать, что вопрос далеко не такой простой, чтобы можно было сказать: вот, есть такое решение или другое, есть одна точка зрения, другая. Нужна железная воля, без этого одноклеточного амебообразного примитива. На самом деле все гораздо сложнее, и нужно отдавать себе в этом отчет. Сложно с людьми. Сложно с домами. Нужно предложить этим людям где-то жить. Крохотный пример: ул. Желябова, 27б. Этот бывший жилой дом трансформируется сейчас под офисы. И слава богу, что получилось. Хорошее стечение обстоятельств. Но даже здесь мы ворчим постоянно – нам не нравится, как сделано одно, другое, современные материалы. Если это музей, понятно, тогда столярка, как в XIX веке. Если это не музей, а современный офис со всем сетевым снабжением, то дом должен жить по-другому. И нужно нормально к этому относиться, жертвовать какими-то установками. Но сегодня это единственный случай на все три квартала «Желябовского комплекса».

Что, по-вашему, есть «воля»?

Моя воля как градоначальника или чиновника. Чтобы я знал, что такая-то территория имеет приоритетные функции. Я прекрасно понимаю, что реализовать проект на 100 процентов нельзя – такова реальность. Но, тем не менее, изыскиваю средства, работаю со своими законодателями над тем, чтобы на этих территориях были льготы по налогообложению. Я должен сделать эту территорию экономически интересной. Сейчас у нас интерес очень простой. К примеру, ул. Фурье, 1-2, там, где «Фортуна-плаза», Казначейство. Очаровательные домики, только что покрашенные. Или там, где «Эльдорадо» на ул. Карла Маркса и Пролетарской. Прелесть как хорошо, просто замечательно! Фабрика «Вид» отродясь бы этого не сделала – денег нет да и желания. Но пришел «Эльдорадо», нашел деньги и сделал хотя бы фасад. Здесь люди, это экономически выгодно. Не скажу, что ул. Карла Маркса – это Клондайк. Но что делать на ул. Желябова или Халтурина? Какой там может быть экономический торговый интерес? Да никакого.

Несколько лет назад я был абсолютно убежден, что заповедник – это искусственная акция и что это нечто надуманное. Город живет своей жизнью, преобразуется, происходят замены. Собственно, вся история – это история сплошных замен и преобразований. Теперь мне кажется, что это не совсем так. Есть смысл в заповедниках,

но это, все-таки, дотация, без этого невозможно.

И все-таки туризм?

Вот когда это станет реальностью и я увижу хотя бы один пример того, как туризм приносит доходы в городскую казну, тогда можно об этом говорить. Пока я в это не верю. Туризм – это значит, что я должен обеспечить нормальными условиями проживания в городе, стоянками, снабжением, я должен сделать специальную туристическую инфраструктуру – это снова затраты. Если я считаю, что можно просто подышать иркутским воздухом и за это брать деньги – тогда я не верю, что это вообще реально. Ну а волю иметь, безусловно, нужно. Чего я не хочу – упрощать проблему. Она не настолько проста, как кажется. В самом центре города расположены улицы Грязнова, Киевская, Б. Хмельницкого – две заповедных, а одна незаповедная, обыкновенного статуса, строгого режима и конструкции, с таким-то регламентом нового строительства. А заповедная зона как ярмо. На ул. Грязнова построить? Ну что вы, ни в коем случае, это же масса проблем. Может, я не слишком оптимистичен. Просто есть приоритеты. Безусловно, возможно много самых разных акций на территории исторического центра. На этих территориях будет приоритетно то или иное, но это не значит, что только функция по воссозданию, переносу. Это не музей – хватит нам «скорлуп» на 47-м км, мертвой архитектуры достаточно. Нужна живая, городская, нормальная, естественная. А

утопичность проектов в этом и состоит. Что самое обидное, проектировщик делает все хорошо. Но что касается реализации – это просто невероятно, это фантастика и моего воображения на это не хватает. За 30 лет существования «Декабристов» – ничего, кроме 3-х усадеб вокруг Волконских, Трубецких, а это два огромных квартала! Лишь случайные обстоятельства в связи с мостом – Дом Европы и перенесенный памятник – Дом Серапилова с ул. 5-й Советской.

Самое обидное – это оставлять эти дома единичками. Один из самых симпатичных и любопытнейших домов Иркутска – на ул. Грязнова, 22. На федеральные деньги восстанавливается и реставрируется, причем не как новодел, а нормально, там останется что-то родное, живое, не просто муляж. Чудно! Но он же один. А у нас их 500 штук как минимум. Что делать с этим? Тем более с деревом, потому что с камнем проще.

В чьих руках сосредоточены инструменты по реанимации старых домов?

В руках отнюдь не монстров. Не крупные инвесторы, а небольшая компания может сегодня отреставрировать дом. Найти для этого средства, приспособить под свои функции. Для небольших объемов, с небольшими затратами на тепло, свет, это было бы легче сделать. И реконструировать потихонечку можно. Если выбран такой путь, стало быть, он приоритетен для города. Более щадящий и экономически приемлемый ход – это не заниматься проектированием очередной утопии – тотальной чистой сетей, полной реконструкцией. Нужно действовать постепенно. Небольшие объемы – они возможны. Посмотрим, что получится с ул. Желябова, 27. Если это пройдет, то так работать можно. Но, повторяю, без экономических обоснований этого дела все снова превратится в утопию.

Интервью вела Ирина Теплякова

•••• – границы Желябовского комплекса

Продлите памятникам жизнь!

текст
Ирина Горбунова

Архитектурные памятники составляют обширный пласт культурного наследия Приангарья. Великую силу самобытного таланта и любви к суровому сибирскому краю хранят творения иркутских зодчих. Эмблема давно минувших дней – старые здания. Это предмет гордости и творческого вдохновения, это объект паломничества людей из разных уголков земного шара и яблоко раздора для местных жителей.

Много лет не прекращается противостояние хранителей культурных ценностей и тех, чье кредо – линчевать «старое и отжившее». Но памятникам и без того несладко в экстремальных условиях российской действительности. Стихийные бедствия, смены общественно-экономических формаций, смелая поступь прогресса – стремительный поток жизни изменяет мир вокруг нас. На алтарь времени уже положено немало архитектурных шедевров, некогда служивших украшением Иркутской земли. Сегодня конъюнктура такова, что часть старых зданий, особенно деревянных, рискует отойти в область предания.

Среди лидеров в группе риска – «Дом Шубиных», расположенный на ул. Лапина, 23 (бывшая Солдатская) в Иркутске – памятник федерального значения. Особняк без преувеличения можно назвать «старожилом» Иркутска. Найдены документальные подтверждения, что он был построен еще до пожара 1879 г.

Это тип рубленого дома, распространенного по всему Северу России, вместе с тем, имеющий черты самобытной архитектурной традиции Сибири, обусловленной спецификой жизни в суровом, беспокойном крае. Первоначально иркутская усадьба имела вид неприступной крепости с высоким заплотом и глухими воротами. «Дом Шубиных» является прекрасной иллюстрацией такой усадьбы и, в целом, канонов сибирского деревянного зодчества второй половины XVIII в.

Особняк представляет собой одноэтажное, на подклете, строение с прирубом к боковому (северо-западному) фасаду, в котором помещается крыльцо, сени и лестницы; в антресольной части прируба имеется открытый балкон. Как и во многих жилых иркутских домах, в задней части основного объема особняка располагается антресольный этаж. В основе дома лежит небольшой пятистенный сруб; передняя его часть предназначена для жилых помещений, задняя – для служебных целей. Объемно-пространственная композиция дома звучит лейтмотивом в иркутской архитектуре и имеет большую типологическую ценность.

Стены здания рублены из толстых бревен «в обло», с большими выпусками, что придает дому брутальность и

неприступность. Дерево здесь не только строительный материал, но и средство образной выразительности. Оно берет на себя функцию главного носителя идеологии архитектурного пространства. В контексте усадьбы-крепости декоративные элементы излишни. «Дом Шубиных» ничем не украшен, за исключением карниза под свесом кровли, а типичной для Иркутска профилировкой. Полноту образу придают чудом уцелевшие, подлинные ворота и часть заплота.

Всю свою долгую жизнь усадьба была частным владением, переходила по наследству из поколения в поколение и использовалась как жилье. Но постсоветский вихрь закружил хозяев особняка, и в середине 90-х дом опустел. Сначала его сдавали внаем. Позже, совсем заброшенный, дом стал пристанищем для маргиналов всех мастей, время от времени устраивающих здесь стихийные бедствия в виде пожара.

Сотрудники Центра по сохранению историко-культурного наследия Иркутской области давно бьют тревогу. Но обращения в администрации города и области с просьбой о выделении средств на приобретение уникального памятника, дальнейшей его реставрации и приспособления под музей не получили поддержки. Не дали результатов и многочисленные публикации в прессе об одном из самых старых домов Иркутска.

Как знать, придет ли в усадьбу хозяин, способный вдохнуть в нее жизнь, или очередной костерок обернется для особняка аутодафе, и тогда «Дом Шубиных» станет всего лишь легендой, а Иркутск лишится еще одного имиджевого здания?

Судьба «Дома Шубиных», к сожалению, типична для памятников деревянного зодчества не только Иркутска, но и других исторических городов области.

Много лет царит безмолвие в особняке, расположенном на ул. Мира, 20 в Усолье-Сибирском. Дом построен по проекту и на средства архитектора В. А. Рассушина, что предопределило не только архитектурную, но и большую историческую ценность дома.

Владимир Александрович Рассушин, будучи иркутским городским архитектором, оставил заметный след в формировании привычного нам архитектурного облика Иркутска. Он известен как автор проектов дома общественного собрания, ныне ТЮЗ (ул. Ленина, 23); пятиклассного Александро-Мариинского городского начального училища, сегодня это Байкальский университет (ул. Ленина, 11); а также четырех зданий приходских училищ, понтонного моста через р. Ангару (на церемонии по случаю открытия моста присутствовал цесаревич Николай Александрович), шпргельного моста через р. Иркут и множества деревянных жилых домов.

Талантливый архитектор был еще и удачливым углепромышленником. Дело приносило хороший доход, и он подумывал о расширении сферы деятельности. В начале прошлого века Рассушин неоднократно обращался в Министерство торговли и промышленности с ходатайством о предоставлении ему в аренду сользавода и курорта в Усолье-Сибирском. Тогда же он купил несколько участков усольской земли, образовавших большую усадьбу, выходящую на три улицы: Береговую, Большую и Малую Базарные (соответственно, Краснофлотская, Мира и Красноармейская).

г. Усолье-Сибирское, ул. Мира, 20. Особняк архитектора В.А. Рассушина. Главный вход

Здесь сначала был построен флигель для постоянного проживания, а позднее, в 1912 г. – главный дачный дом.

Обособняк Рассушина, в отличие от «Дома Шубиных» – классического образца русского народного зодчества, воплощает традиции русской деревянной стилиевой архитектуры.

Это пример жилого строения, сочетающего в себе черты парадной городской архитектуры и загородного дома. Одноэтажная деревянная постройка имеет оригинальную объемно-планировочную композицию. Особый колорит зданию придает полукруглая терраса и небольшой двухэтажный объем в дворовой части. Входы со стороны главного и дворового фасадов украшают портики с треугольными фронтонами на четырех колоннах, отчего здание приобретает импозантный вид. Пластика фасадов имитирует каменную архитектуру и выполнена в стиле неоклассицизма.

Обособняк возведен на пригорке, служащем природным пьедесталом, благодаря которому строение широко открыто прилегающему пространству. Главным фасадом дом обращен в сторону Ангары. С балкона открывается великолепный вид на реку. Когда-то возле дома был разбит сад с тремя беседками, фонтаном, устроены площадки для игр и бетонные дорожки. В усадьбе был даже кегельбан. Великолепие и роскошь дачного дома, любовь, с которой хозяева его обустраивали, – все говорило о том, что они намерены жить здесь долго.

Но в 1916 г., когда было отклонено предложение Рассушина об аренде солеваренного завода, он принял решение продать свой участок земли вместе с дачной усадьбой под гостиницу курорта. Солеваров дал согласие на приобретение усадьбы. Однако из-за начавшейся в России революции дело не было доведено до конца. Владимир Александрович вынужден был уехать за границу. Остаток жизни он провел в Манчжурии.

Во время гражданской войны презентабельный особняк активно использовался как административное здание, а в 1923 г. усадьба была национализирована и передана Усольскому курорту под гостиницу. Известно, что после Великой Отечественной войны здесь располагался санаторий для детей. С приходом рыночной экономики дача оказалась ненужной.

Почти десять лет ООО «Санаторий Усолье» не эксплуатирует здание усадьбы. Все это время местные «умельцы» растаскивают дом и хозяйстройку на дрова, засыпают мусором территорию усадьбы.

В 2002 г. особнячком Рассушина заинтересовалась общественная организация «Польский дом «Огниско». В планах польского общества было создание клуба для проведения симпозиумов, конференций, выставок. Был заказан проект реставрации дома. Но на этом все и закончилось. Ахиллесова пята любой реставрации – финансирование. Оно в любой момент может быть приостановлено или прекращено совсем. Тогда памятник, как положено, «консервируют».

Усадьбу обнесли глухим забором, оконные и дверные проемы забили досками и оставили до лучших времен. Так и стоит на живописном берегу Ангары не востребованный государством и бизнесом, скрытый от глаз ценителей искусства, но от этого не менее прекрасный особняк архитектора В. А. Рассушина.

В мировом масштабе исторические города Восточной Сибири еще молоды, благодаря этому мы имеем не только воспоминания, но счастливую возможность видеть и осязать колыбель сибирской архитектуры – рубленые дома.

Конечно, это далеко не итальянские палаццо и даже не китайские фанзы, но это суть «наше», родное, гармонирующее с душой и окружающей природой. Образы деревянного зодчества, подобно генотипу человека, хранят информацию о культуре нации. Мы не должны забывать об этом.

В арсенале тех, кто по роду занятий или в силу убеждений охраняет архитектурные памятники, сегодня много средств: федеральный и областной законы «Об охране объектов культурного наследия»; различные программы финансирования реставрационных работ и новейшие строительные технологии, позволившие вывести иркутскую реставрацию на качественно новый уровень. Но этого оказывается недостаточно, когда речь идет о старых деревянных домах. Их удручающее состояние достигло критической точки и требует колоссальных денежных вливаний, что под силу только частному капиталу. Однако действенных программ, способных инспирировать этот процесс, пока нет. Вся надежда на филантропов, способных мыслить категориями не только экономическими, но и духовными, нравственными.

Доброй приметой сегодняшнего дня стали сделки по купле-продаже архитектурных памятников. В 2003 г. заключено около 500 таких сделок. Конечно, более привлекательными для капиталовложений пока остаются каменные здания. Но исторические города Иркутской области уникальны именно сохранившейся деревянной застройкой, с этим приходится считаться. Будет ли центр Иркутска жилым или ему суждено стать деловым – он все равно останется деревянным.

Если разобраться, приобретение памятника деревянного зодчества – это не только благородный поступок, достойный истинного патриота, но и, при грамотном подходе, экономически выгодное предприятие. Льготы и компенсации собственникам, гарантированные законом; удачное расположение деревянных домов, чаще всего, на центральных улицах; особый колорит старины – все это составляющие формулы успеха для деловых людей, вкладывающих средства в реставрацию и приспособление памятников.

Дерево – демократичный материал, здание из дерева одинаково хорошо для размещения офиса и магазина, частного музея и развлекательного центра, кафе и ресторана. К счастью, примеры приспособления деревянных памятников уже есть. Скептикам предлагаю прогуляться по старым иркутским улочкам и увидеть все своими глазами.

Ждут своей очереди шедевры деревянного зодчества – «Дом Шубиных» в Иркутске и особняк В. А. Рассушина в Усолье-Сибирском. Господа-бизнесмены, эти два замечательных деревянных дома, в числе многих других, ищут новых хозяев. Подарите памятникам вторую жизнь!

г. Усолье-Сибирское, ул. Мира, 20. Обособняк архитектора В. А. Рассушина. Главный фасад

Дом с обложки

14

текст
Алексей Буйнов

фото
Сергей Падалко

архитекторы
А. Поликарпочкин
С. Нефедьев

конструктор
А. Сидоров

подрядчик
ПСП «Стройсервис»

проектирование
2001-2003

реставрация
2003-2004

С тех пор, как я начал интересоваться деревянной архитектурой г. Иркутска, не перестаю удивляться тому разнообразию и богатству ощущений, которое даёт знакомство с этой неповторимой страницей истории нашего города.

И это неудивительно, учитывая всю разноплановость встречающихся построек.

Они очень разные – эти деревянные иркутские дома. В одних мы видим некую монументальность, лаконизм архитектурного языка, ясность и выразительность композиции, подлинное единство архитектурных и конструктивных решений, тонкий вкус и такт – всё то, что нас так подкупает в настоящем реалистичном искусстве.

А в других – воплощение воинствующей эклектики, головокружительный набор чуждых материалу и стилю архитектурных форм и деталей, убогое подражание более дорогим на тот период каменным зданиям – воплощение мещанского представления о красоте во всём его блеске. На всё это накладывается двойственное отношение к часто встречающимся приёмам так называемой реставрации деревянных зданий. Эмоции, которые вызывает иной, пусть даже очень грамотно воссозданный новодел, далеки от приятных. На языке почему-то начинает вертеться слово «протез», которое совершенно справедливо (в данной ситуации) пришло к нам из зубоврачевания.

Но случай, о котором хочется сейчас рассказать, из другой категории архитектурных событий. Суть его в следующем: благодаря счастливой случайности (мы, к сожалению, так мало осведомлены о работе своих коллег, что знакомство с каким-либо новым результатом их творчества можно списать только на эту категорию), я оказался на улице Грязнова и увидел реставрируемое деревянное здание. Причем этот дом явно реставрировался: сруб и многие детали были очевидно родными, в процессе обхода удалось даже обнаружить один подлинный наличник. Всё это, само по себе, заинтересовало, а потом память услужливо подсказала, что данный проект я видел на одном из фестивалей «Зодчество Восточной Сибири». Кстати, данная работа тогда произвела сильное впечатление сочетанием очень высокой степени проработки и абсолютно бездарной подачи. Просмотрев каталог выставки, я, вдобавок ко всему, узнал, что в составе авторского коллектива по этому объекту работал мой коллега и очень хороший приятель.

Должен сразу сказать, что передавать всю беседу с авторами бессмысленно – люди они достаточно самокритичные, к результатам своего творчества относятся скептически и, честно говоря, я сбился считать, сколько раз позвучали сентенции типа: «а ещё у нас не получилось вот

это», «а ещё мы не смогли вот то» и т. д. и т. п. Но одно было очевидно – в руки архитекторов-реставраторов попал интересный, нестандартный дом, явно спроектированный профессионалом, который в то время (как нам всем знакома эта ситуация) так и не смог «победить» своих заказчиков. Смысл этого вывода очень прост – в то время человеку, пожелавшему строиться, отводился земельный участок и выдавался образцовый фасад здания, выходящий на улицу. В данном случае была заявлена двухэтажная постройка, которая плавно и естественно, в соответствии с иркутскими традициями того времени, со двора превратилась в трехэтажную. Дореволюционный архитектор блестяще справился со своей задачей, увенчав уличный фасад обшитым доской фризом, пропорции которого безукоризненны. Справедливости ради нужно сказать, что сам фриз он попытался разбить посредством какого-то подобия метоп и тригфивов – это как раз о тех чуждых элементах (я смотрел и так и сяк – но странное ощущение, не режет глаз и всё тут). С торцами и дворовой частью всё получилось не так уверенно (там заказчик, естественно, окна захотел), но рука профессионала явственно чувствуется и здесь, и дом, в целом, он смог «вытащить» на достаточно высокий уровень. Увиденные мною у авторов фасады только подтвердили сложившееся мнение.

Ещё несколько слов о победах заказчиков над авторами. В проекте реставрации была заложена тесовая кровля. Господа, какой шикарный был бы прецедент... А не случилось – крыша домика сияет свежескрашенным железом. Цвет – традиционный погано-зелёный.

Второй пример: планировочное решение. Давным-давно пора понять, что эти дома строились для людей, которые жили тогда, то есть жили совсем по-другому. Любая попытка видоизменить планировку памятника, а паче чаяния, попытаться привести её в соответствие со СНиПовскими нормами и правилами, обречена на провал. Про господ пожарных я вообще молчу.

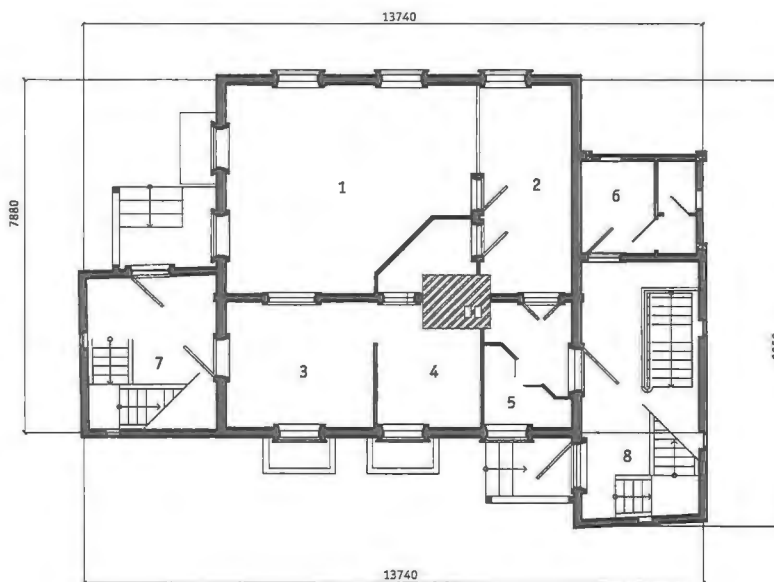
В данной же ситуации, легко поменяв функцию здания (жилое превратили в офисное), авторы не смогли найти те паллиативные решения, которых очевидно не хватает в новых планировках. Увы, на лицо ещё один результат виде-

ния здания согласующими инстанциями и заказчиком.

Но несмотря на всё это, здание остаётся примером профессионального подхода и отрицания суетной роскоши в иркутском деревянном зодчестве. Ведь сдержанная красота, а не нарочитая красивость, всегда была и остаётся основной подлинно демократического по своему содержанию искусства, настоящей архитектуры. Надо только научиться её видеть и понимать. Отсюда и радость за своих коллег, которым повезло с этим соприкоснуться, и чувство благодарности за то, что они позволили это сделать другим.

Развертка по ул. Грязнова

- План первого этажа
 Экспликация помещений
1. Кабинет директора
 2. Приемная
 3. Бухгалтерия
 4. Кабинет главного бухгалтера
 5. Пожарный пост
 6. Санузел
 - 7, 8. Вестибюль

Кружевной дом по ул. Энгельса в Иркутске

текст
Александр Яковлев

фото
Александр Яковлев

Судьба памятников городского деревянного зодчества еще более плачевна и трагична, нежели сельских. Отсутствие инженерных коммуникаций, первобытный уровень комфорта с «удобствами на улице», запустение, грязь, ветхость покосившихся заплотов создают впечатление, что жители давно покинули исторический центр города, переехали в благоустроенную периферию и ждут, когда ветхие постройки рухнут или сгорят от неисправной электропроводки, разваливающихся печей и дырявых труб. Только небольшие вывески, реклама, абсолютно чуждая памятникам, говорят о присутствии здесь жителей. Проводимые реставрационные работы в масштабе города не делают погоду – они «штучные», рассчитанные на избранные памятники, реставрация которых по ряду причин затягивается на десятилетия. Вырванные из тлена и запустения «Кружевной дом» и «Голландский дом», усадьба В. П. Сукачева, музей декабристов Волконского и Трубецкого, два особняка по ул. Свердлова – вот, пожалуй, и все, что сохранено для потомков. Реставрация считается завершённой, когда возрожден не только сам памятник, но и его окружение: флигеля, ворота, заплоты, тротуары, хозяйственные постройки (амбары, колодцы и т. д.). Тогда памятник обретает завершённую целостность усадьбы. Бытует стойкое заблужде-

ние, что дерево как строительный материал ненадежно, что срок его жизни краток, но без протечек в кровле и на сухом фундаменте дерево не гниет около трехсот лет. Столбы колоколен Спасской и Троицкой церквей тому подтверждение. Против главного врага дерева – огня и гнили – приходят на помощь химические составы двадцатого века.

Дождутся ли своего часа уникальные «Дом Шубина», комплексы построек по ул. Грязнова, Желябова, Б. Хмельницкого. Уникальность иркутского деревянного зодчества, к сожалению, понимают лишь немногочисленные ценители и специалисты. Для власти, пожарной инспекции – это головная боль, для жильцов – невыносимые условия проживания и почти несбыточная мечта переехать в благоустроенную панельную пятиэтажку. Эта мечта, по-видимому, рухнет вместе с «памятником проживания». Так где же выход? Где те рычаги, по которым живет весь мир, но только не мы? Почему в просвещенной Европе жить, работать или снимать номер в гостинице-памятнике престижно, а у нас же – стремление к тотальному их сокращению.

Перенос памятников в «резервацию» тоже не выход. Все проекты переносов уникальных построек так и остались на бумаге. Единственный осуществленный – это «Детский сад» с ул. Амурской (Ленина), построенный по проекту Г. Розена. В 1938 году памятник был перенесен вглубь квартала, на задворки Харлампиевской церкви. Уникальные ажурные ворота утрачены за ненадобностью, остались только на старинных открытках.

Революции в умах иркутян не происходит. Нет и градостроительной неукоснительной дисциплины, и надзора чиновников от архитектуры. Полупрофессионализм и отсутствие опыта у практиков-реставраторов не позволяет проектировщикам работать с листа. Проекты громоздки и дорогостоящи. Нет инвестиций заинтересованных «новых русских». Все же я надеюсь, что отреставрированный «Кружевной дом» перестанет быть единственной визитной карточкой города.

Энциклопедический словарь XIX в. о столице Восточной Сибири: «Иркутск – один из мало благоустроенных городов. Нет ни одной замощенной или шоссированной улицы».

Из такого, сплошь деревянного Иркутска в 1867 г. уехал после окончания гимназии Владимир Сукачев. В такой, еще более неприглядный, разрушенный пожаром 1879 года, вернулся Владимир Платонович с молодой женой и двумя сыновьями.

За годы учебы в Киевском университете любознательному сибиряку удалось познакомиться и с барскими усадьбами русских вельмож, расположенными на Украине – Софиевкой, Сокиринцы, Кочановкой, и побывать в Киеве, Петербурге, Одессе, городах Западной Европы, потому родной город потряс Сукачева своей неустроенностью. И когда Сукачева избирают в 1885 году городским головой, одним из первых его предложений было застраивать четыре центральных улицы Иркутска только каменными зданиями. Современные улицы Карла Маркса, Урицкого, Ленина, Пролетарская сохранили память об этом реше-

нии городской думы.

За 13 лет, которые Сукачев проработал в должности городского головы, город не только был отстроен после пожара, но в нем появились телефонная связь, электричество, устроен первый, пока понтонный мост через р. Ангару.

Как городской голова, В.П. Сукачев обращался к министру путей сообщений, был на аудиенции у Александра III с ходатайством о пересмотре проекта Транссиба и прокладке железной дороги через (а не в обход, как первоначально предполагалось) Иркутск. Сукачев же был инициатором открытия в городе училища для слепых.

Следует заметить, что вклад Владимира Платоновича и его жены Надежды Владимировны в образование сибиряков трудно переоценить: Сукачевы содержали пять школ в городе, церковно-приходское училище в с. Усть-Куда, на собственные средства Владимир Платонович построил колонию для малолетних преступников. Супруги пропагандировали среди учителей иркутских гимназий преподавание

ручного труда. Мужской гимназии, где он много лет был председателем попечительного совета, Владимир Платонович Сукачев подарил кабинет ручного труда.

Огромные суммы из своего капитала Сукачев пожертвовал на строительство городского театра, финансирование научной экспедиции Г.Н. Потанина в Центральную Азию, издание книги «Иркутск», журнала «Сибирские вопросы», открыток с видами Сибири, на приобретение книг в библиотеки города, на организацию бесплатной столовой при Санкт-Петербургском университете для студентов-сибиряков. При строительстве здания музея ВСОРГО Сукачев на свои средства приобрел земельный участок на углу ул. Большой и набережной Ангары.

Владимир Платонович часть капитала потратил на строительство водоканки – первой в Иркутске – и устройство парка на берегу Ангары, за зданием Кафедрального собора.

По благословению Синода Сукачев отремонтировал один из приделов Тихвинской церкви.

Но главное, наверное, самое любимое увлечение Владимира Платоновича – картины. «Сукачев может... рассказать повесть о каждой из своих картин», – отметил Г.Н. Потанин в своих записках.

В картинной галерее Сукачева было более ста полотен русских и западноевропейских авторов. Картинную галерею, расположенную в усадьбе, в определенные дни недели мог посетить любой житель города, работы из галереи передавались на выставки, устраиваемые в музее и в Общественном собрании. Один из путешественников восторженно сообщил в Лондон: «... картинная галерея (в которой 250 наиболее известных художников), его громадная библиотека и бесценная коллекция редких вещей со всего мира превратили мой визит в своего рода «художественное наслаждение...».

Уезжая из Иркутска в Петербург в 1898 году, Сукачев оставил картины иркутянам, мечтая о том времени, когда городские власти смогут построить каменное здание. Только в 1920 году карти-

Генплан

1. Главный дом усадьбы, флигель
2. Кухня
3. Гостевой флигель
4. Службы с конюшней
5. Каретная
6. Ледник
7. Беседка «горка»
8. Беседка «грот»
9. Школа для девочек

ны из усадьбы были вывезены в помещение магазина Мерецкого, куда со всего города свозились художественные ценности. Это было начало Иркутского художественного музея, которому в 1989 году было присвоено имя его основателя В.П. Сукачева и который в наши дни является крупнейшим не только за Уралом, но и в России, художественным собранием.

Тогда же, в 1980-ые годы, были приняты решения о передаче усадьбы В.П. Сукачева Художественному музею, в т.ч. и здания картинной галереи, но, к сожалению, из 17 построек усадьбы сохранились лишь 6.

К реставрационным работам приступили фактически

лишь в конце 90-х годов, после указа Президента от 20 февраля 1995 года о признании усадьбы памятником федерального значения и нескольких решений областной администрации, определивших заказчика в лице ООО «Три века», проектировщика – институт «Иркутскгражданпроект» и подрядчика – «Контакт-Регион». В конце 2000 года музею был передан первое отреставрированное здание – дом для гостей, и в нем 16 мая 2001 года открылась первая выставка, посвященная деятельности В.П. Сукачева.

На следующий год было закончено восстановление служб с конюшней, а 28 июля, в день Равноапостольно-

го Владимира, когда в усадьбе справляли именины хозяина, принял посетителей еще один флигель, где располагалась кухня и жила прислуга.

Сейчас все три дома – это единственный музейный комплекс, где посетители знакомятся с духовной средой Иркутска XIX века, с представителем замечательной иркутской интеллигенции, формулярный список которого скромно перечисляет: «Коллежский советник Владимир Платонович Сукачев, Иркутский городской голова ... православного вероисповедания. Имеет орден Св. Святослава 2-ой степени, Св. Анны 2-ой степени, серебряную медаль, учрежденную в память коро-

нования государя императора Николая II, и медаль в память царствования в бозе почившего императора Александра III» и Указом императора удостоенного в 1899 году звания Почетного гражданина г. Иркутска.

Нина Струк

В Иркутске много замечательных исторических зданий. Памятники деревянного зодчества, сохранившиеся в городе, лишь условно можно подразделить на объекты профессионального архитектурного происхождения и народные, т.н. самобытные.

На самом деле, практически любой из сохранившихся в Иркутске деревянных домов был либо спроектирован специалистом (или группой специалистов), либо построен по аналогу из «высочайше утвержденного» альбома образцовых проектов. Внешний вид здания, так же как и сейчас, согласовывался с городской управой. Разница лишь в деталях наружной отделки и каких-то незначительных

планировочных отклонениях от согласованного проекта или образца.

Именно эти обстоятельства позволили в начале 80-х годов В.Т. Щербину разработать типологическую классификацию памятников иркутского зодчества (в том числе, деревянного), ставшую основой важнейшего научно-градостроительного исследования, каковым явился «Историко-архитектурный опорный план г. Иркутска». На сегодняшний день, на мой взгляд, это хотя и устаревший, в силу быстро меняющейся градостроительной ситуации, но единственный базовый кадастровый документ в сфере оценки и сохранения историко-архитектурного наследия, которым все проекти-

ровщики и госструктуры до сих пор пользуются в своих разработках и рекомендациях (как правило, без ссылки на первоисточник).

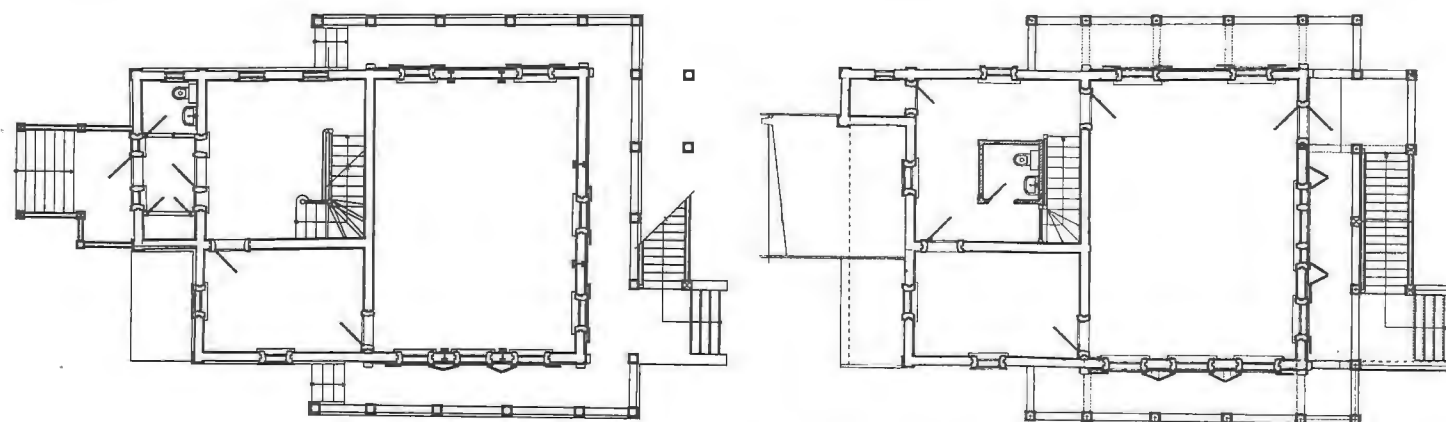
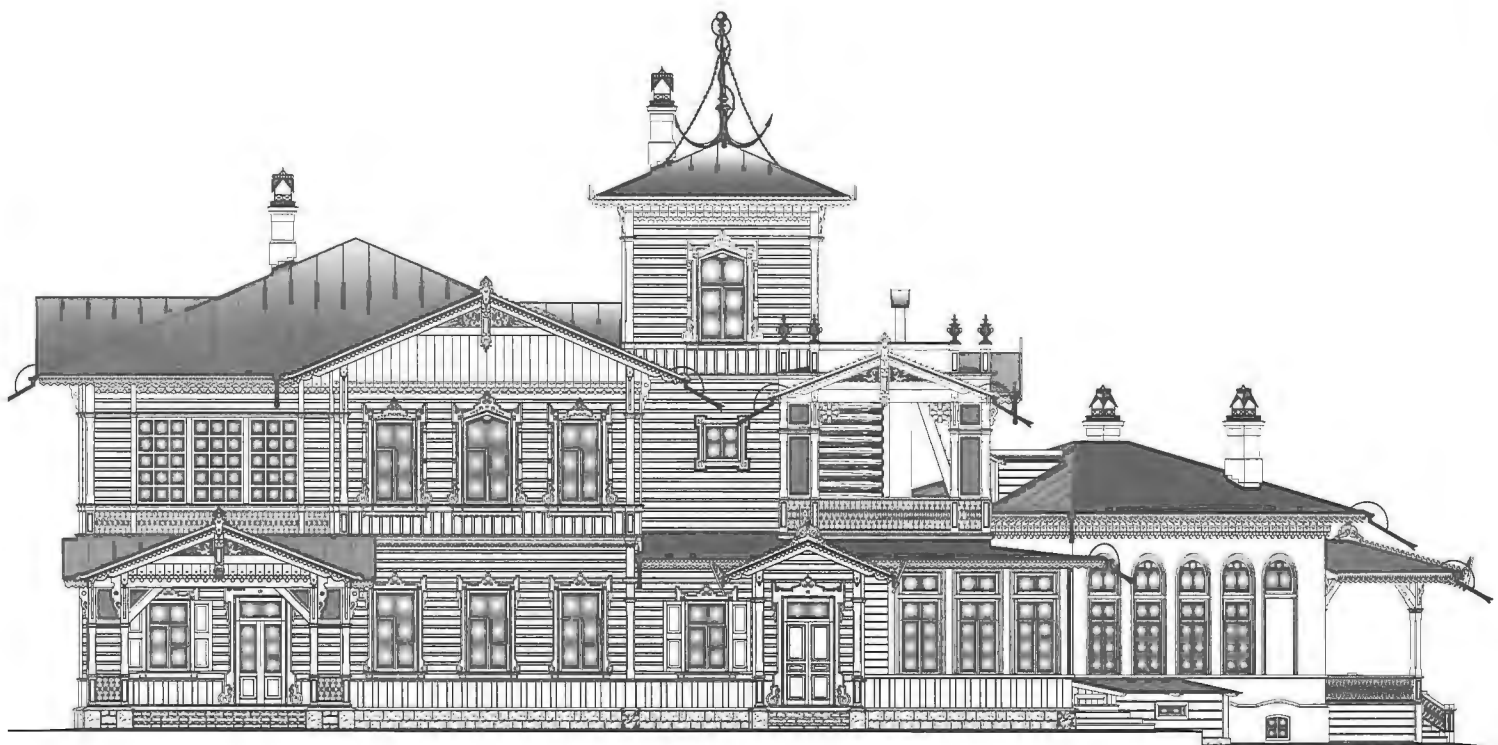
И тогда, по этому плану (и утвержденному в соответствии с ним в 1986 г. Министерством культуры РФ списку памятников республиканского значения), и позднее, по Указу Президента РФ от 20.02.1995 г. о признании усадьбы В.П. Сукачева памятником архитектуры федерального значения, комплекс зданий Усадьбы признавался реликвией, драгоценной жемчужиной в ожерелье архитектурного наследия Иркутска.

На то есть очень веские основания.

В конце XIX в. уникальный комплекс загородной

(!) усадьбы городского головы В.П. Сукачева включал около 16 построек, сад и парковую зону с пробитыми аллеями, скульптурными композициями, беседками, клумбами и другими элементами ландшафтной архитектуры. Территория, которую занимала усадьба, — это практически весь «детский парк» советского периода (угол улиц Советская (бывшая Иерусалимская) и Декабрьских Событий (бывшая Ланинская). К 1888 году усадьба полностью сформировалась.

В проекте реконструкции усадьбы, который последовательно разрабатывался разными творческими коллективами и был завершен к 2000 году в стенах института «Иркутскгражданпроект»

под руководством архитектора Бельского А.П., дается исчерпывающее описание этого значительного, а для Иркутска – градообразующего комплекса: «Усадебный комплекс состоял из жилых флигелей, школы для девочек и построек хозяйственно-бытового назначения. Основной жилой флигель, ориентированный на ул. Иерусалимскую (здесь проживала семья Сукачевых), представлял собой двухэтажную постройку с каменным пристроем, расположенным под углом к основному деревянному объему. В непосредственной близости от главного дома располагался флигель с кухней и комнатами прислуги – это двухэтажное здание с обходной галереей на пер-

вом и втором этажах и шатровой крышей, увенчанной высоким шпилем. В отдалении от основных построек находились гостевой флигель, фасадом ориентированный на ул. Ланинскую, и школа для девочек, расположенная по ул. Иерусалимской. В глубине комплекса располагались хозяйственные постройки: конюшня, каретная, погреб. По территории комплекса были проложены несколько аллей и устроены видовые площадки, с которых открывался чудесный вид на город. Вдоль аллей и в глубине рощи были посажены элитные декоративные растения, установлены беседки, павильоны и другие малые архитектурные формы, обогащающие декоративно-художественную выразительность

усадебного комплекса. На основании исторических изысканий, с большой долей уверенности можно предположить, что в планировке парка, проектировании и постройке флигелей принимал участие архитектор В.Н. Каразин и созданная им в 1882 г. строительная фирма».

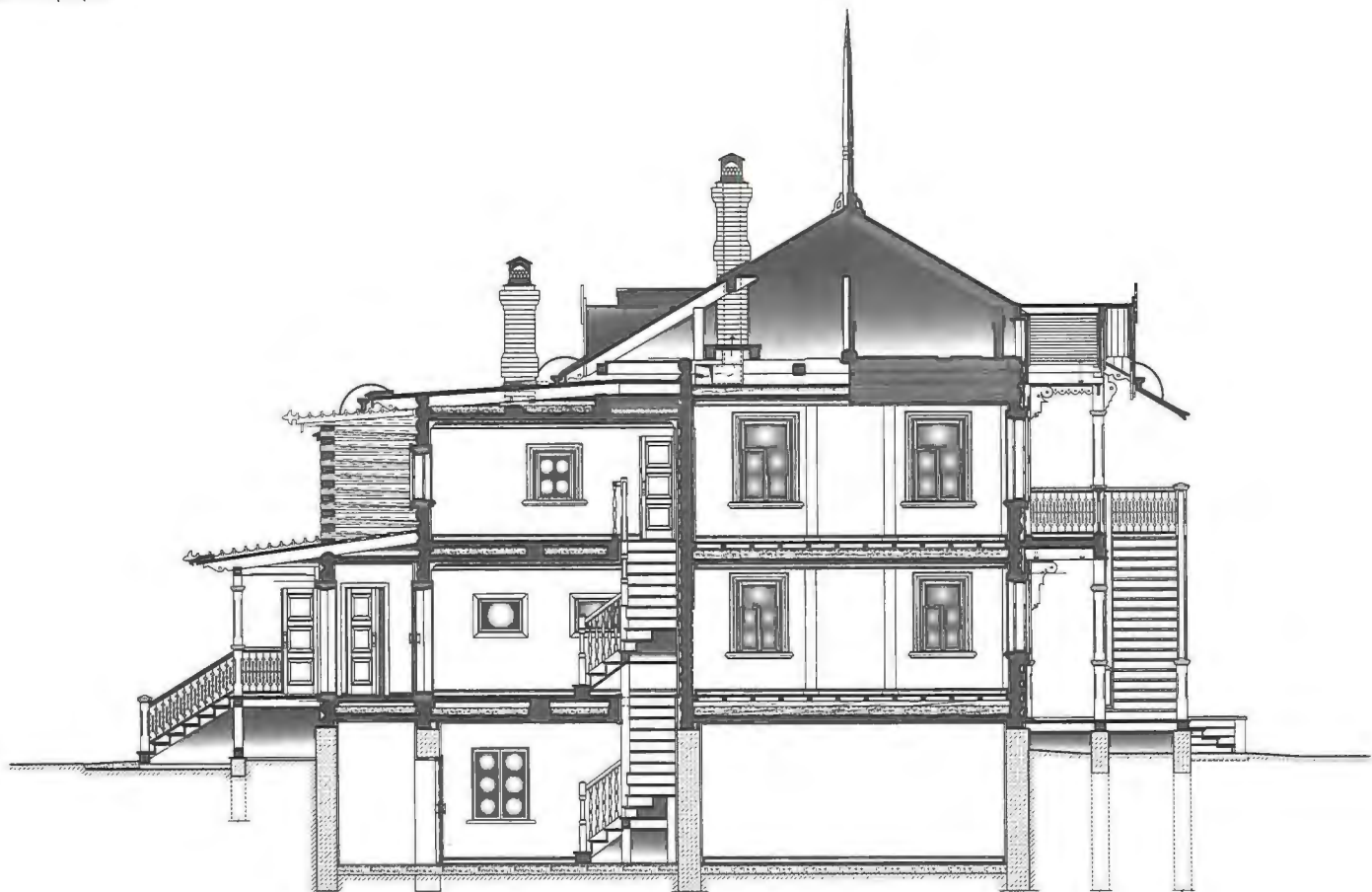
К сожалению, революционные процессы и связанная с ними бесхозность ориентированы на разрушение не только предшествующих политических систем, но и их внешних атрибутов. Так случилось и с усадьбой Сукачева, в которой к 80-м годам XX века сохранились лишь несколько зданий со значительными утратами в декоре и планировке, а уре-

занная парковая зона приобрела полностью запущенный вид.

Тем не менее, как по руинам древнеримских сооружений можно судить о былом величии империи, так и по обломкам прекрасной деревянной резьбы в восточном стиле, сохранившейся к тому времени на фронтонах полуразрушенных, якобы охранявшихся государством зданий, обучалось уважению и любви к родному городу не одно поколение иркутских художников и архитекторов.

От полного уничтожения в первые послереволюционные годы и позже – в 30-е, усадебный комплекс спасло, хочется верить, чувство благодарности горожан за то, что почти все иркутяне в

Фасад
План 1-го этажа
План 2-го этажа

архитекторы
С. Колесников,
Н. Жуковская, О. Григоренко
И. Григоренко
(1987-1992 гг.)
А. Бельский, С.
Калашикова, С. Нефедьев
Е. Жижченко, Т. Донская
(1999-2004 гг.)

конструктор
А. Сидоров

проектирование
ПСО СНРПМ
(1987-1992 гг.)
ОАО
«Иркутскгражданпроект»
(1999-2004 гг.)

**ландшафтное
обследование парка**
А. Большаков

реставрация
ПКП «Реставратор»
(1987-1992 гг.)
ООО СКК «Контакт-регион»
(1999-2004 гг.)

заказчик
ИОХМ им. Сукачева
ТПК «Три века»

фото
Антон Петухов

детстве и юности впитали дух художественной галереи В.П. Сукачева, оставленной им городу в дар перед отъездом в Санкт-Петербург.

До сих пор наиболее ценные, раритетные художественные экспонаты, хранящиеся в иркутском Художественном музее, родом из усадьбы Сукачева, а сам музей носит имя В.П. Сукачева как основателя, и в этом он сродни знаменитой Третьяковке.

Здесь кажется уместным серьезное отступление от непосредственной темы, без которого в данном случае не обойтись. В противоречие главному тезису предыдущего абзаца, обязан уточнить: усадебный комплекс был разрушен безвозвратно. Сохранились отдельные архитектурно-художественные элементы как образцы для восстановления всех зданий комплекса, сохранились исторические документы и некоторые чертежи, а самое главное, почти не изменилась локальная градостроительная ситуация.

Ведущие архитекторы и

руководители Иркутска 70-80-х годов XX века были людьми образованными и культурными. Им удалось в условиях тотальной массовой крупнопанельной застройки сохранить исторически сложившийся архитектурный характер Иркутска. Построенный в этот период по проекту В.А. Павлова на северном склоне Кукуевской горы (видовая часть комплекса усадьбы Сукачева) Дворец культуры с крупными ландшафтными формами в виде подпорных стенок, озеленения, комплекса ниспадающих бассейнов и фонтанов, ввиду его мастерского вписывания в природно-исторический ландшафт, можно без оговорок отнести к шедеврам советской архитектуры, создававшимся вопреки общим тенденциям. В этот момент можно было восстановить комплекс сохранившихся памятников деревянного зодчества усадьбы Сукачева, грамотно раскрыть его частичной расчисткой зарослей и создать чудесный градостроительный ансамбль, в ко-

тором бы все элементы взаимодействовали гармонично и пропорционально, в то же время органично вписываясь в природный ландшафт, как в лучших произведениях мировой архитектуры.

Сейчас, несмотря на восстановление трех зданий усадьбы с хорошим строительным качеством и исторически правдоподобно, несмотря на включение, «оживление» комплекса в социокультурную среду Иркутска, ситуация несоизмеримо, безвозвратно хуже. Здание Дворца бракосочетания, не только искусственно втиснутое на территорию ландшафтного бассейна Дворца культуры и спорящее с ним объемами, но и перекрывшее подходы и видовые ракурсы «от и к» усадьбе Сукачева, ограничило градостроительные функции исторического памятника федерального значения, исключив его из активного участия в формировании архитектурной среды города и оставив ему, по сути, роль художественно-исторического экспоната. Бо-

лее того, исходя из ситуации со строительными площадками в Иркутске и сложившейся в последнее время практикой их выделения за счет зеленых зон города, существует реальная опасность «освоения» прилегающей парковой территории не по целевому назначению. В последнем случае, на градостроительных идеях «пульсирующего пространства», «зеленых легких», «живого организма», «средового проектирования», «исторической преемственности» и т.п. в Иркутске можно будет окончательно поставить жирный крест.

В Иркутске, как в городе историческом и богатом профессиональными кадрами, людьми не равнодушными и не заикленными на получении немедленной чрезмерной прибыли любой ценой, ситуацию можно скорректировать. Выход видится в принятии регионального градостроительного Закона, регламентирующего строительство в исторической части города. Необходимо исключить воз-

Наш дом на Романовской ул.
в Иркутске в 1892 г.

возможность волюнтаристских единоличных решений, возродить практику экспертных градостроительных советов и общественных обсуждений проектов, ввести стадию ПЗ (проект застройки) по каждому историческому участку и планировочному фрагменту с тщательной проработкой как локальных связей и ограничений, налагаемых характером исторически сложившейся архитектурной среды, так и градостроительных взаимосвязей (в том числе колористических) со всей архитектурно-пространственной системой города.

Обязательной составной частью в любом проекте, создаваемом для исторических районов города, должно стать серьезное научное обоснование и предпроектный анализ ситуации (два самостоятельных раздела проекта).

Ведущую роль в этом процессе, как региональный проектный институт, должен играть «Иркутскгражданп-

роект», имеющий соответствующую юридическую, кадровую и материальную базу и огромный потенциал. Централизация проектных функций при наличии внешнего (возможно, с участием ведущих специалистов страны) экспертного контроля в данном случае позволит исключить непрофессиональные решения, усложнить коррупционные и криминальные схемы, по которым пока, зачастую, ведется строительство.

Подытоживая данный материал, хочется сказать добрые слова в адрес всех людей, известных и безымянных. Их очень много, сохранивших и восстановивших для нас и будущих поколений иркутян и гостей города замечательный памятник деревянного зодчества – усадьбу Сукачева. В данном случае перед нами не лубочная картинка, не какой-то слепок с устаревшего жизненного уклада и, тем паче, не «застывшая музыка» – это живая, действующая

архитектура как организация жилых и общественных пространств в художественном антураже. Планы этажей остро современны и вызывают неосознанное желание скопировать их, положив в основу современных проектов жилья взамен типовых, набивших оскомину планировочных решений квартир. Декоративное убранство фасадов неразрывно связано с общим художественным обликом зданий, да и само по себе является произведением искусства, достойным отдельного экспонирования.

Глядя на фотографии, обходя вокруг возрожденных зданий, веришь, что родной край поднимется во всем своем величии, станет еще краше и современнее в том понимании современности, где помнят и берегут истинные духовные и художественные ценности, когда рукой и мыслью современного творца движет не отрицание, желание выделиться любой ценой и доказать

свою «самость», но уважение к предкам, недавним предшественникам, и дышащим тем же воздухом современникам, понимание исторической диалектики.

Александр Ашихмин

Деревянный детский сад

текст
Лилия Кобякова

фото
Татьяна Анненкова

Учим детей словами, а лучше бы поступками. И ещё красотой, которая была бы вокруг них – ей-то входило бы легче в детские сердца! Учим законам, теоремам, правилам, и даже как их применять, но не учим

чувствовать, эмоционально воспринимать мир и душой отсчитывать меру совершенного добра и зла, своего и чужого, а это особенно важно в наш прагматический век.

Есть в Иркутске дом, где

воспитывает красота. Сюда утром хочется приходить, а вечером уходить не хочется. Это – детский сад. В 1882 году построили для него терем-теремок, но не низок, а высок. Построили в самом сердце города – на улице Амурской (Ленина). Здание детского сада стояло на месте современной поликлиники, но в 1938 году было перенесено во двор Харлампиевской церкви. Задуман он был не как детский сад, а как сад-школа – экспериментальное учебное заведение для детей 5-10 лет. Создан в 1869 году благодаря стараниям М.Г. Тюменцевой, его директора, Р.К. Маака – главного инспектора училищ, М.С. Корсакова – генерал-губернатора, меценатов И.И. Базанова, П.С. Сиверса. Терем-теремок – это новое здание сада после пожара 1879 г. Его создатель – Г.В. Розен – один из самых тала-

нтливых иркутских архитекторов. Он сумел воплотить в жизнь детскую мечту о чудесной сказке, в которой можно жить. Мышление ребенка изодранным: он любит украшать свои рисунки завитушками, яркими цветочными пятнами. Его рисованные дома часто имеют лестницы, башни, ставни на окнах, балконы. Дом Розена – реализованная мечта: двухэтажное (а значит с лестницами) деревянное здание с верандой, украшенной цветными витражами, балконами, угловыми башенками, изящной резьбой – кружевами из дерева, как будто поющими о радости и счастье. Ведь не зря Сергей Есенин написал: «Орнамент – это музыка». Этот дом – историческое прошлое и современное настоящее: в него и сейчас спешат по утрам дети навстречу красоте и добру.

Шатровые храмы XVII-XVIII вв. на территории Прибайкалья

Строительство шатровых храмов в Восточной Сибири на первый взгляд не вызывает удивления, так как подобные храмы были широко распространены на Русском Севере, откуда и были привнесены традиции их строительства. Тем более, документы XVII века свидетельствуют, что преимущественным районом выхода переселенцев в Сибирь были именно северные области.

Но при более пристальном рассмотрении вопроса всплывает один примечательный факт: все шатровые храмы в Прибайкалье были возведены в период с середины XVII по первую треть XVIII вв. Иначе говоря, во время, когда строительство храмов, увенчанных шатрами, было воспрещено.

В середине XVII века, при патриархе Никоне, церковным законом было запрещено строительство церквей шатрового типа. Вероятно, это определялось тем, что форма шатра, генетически связанная с острожными башнями, не несла в себе канонизированной символики. Ряд церковных грамот свидетельствует, что церковные иерархи разрешали освящение вновь построенной церкви лишь при условии, «буде у той церкви верх построен не шатровый» (1691) или «а верх той церкви ставить не шатровый» (1685).¹ Духовенство предпочло исконные формы, унаследованные из Византии, и ратовало за возвращение пятиглавых храмов, характерных для древнерусского церковного зодчества. В храмозданных грамотах этого времени стали предписывать строительство церквей «по чину правильного и уставного законоположения ...строить о единой, о трех, о пяти главах, а шатровые церкви отнюдь не строить»² или указывать форму храмового венчания, чтобы «верхи строились по чину прочих каменных церквей, а не шатровые».³

Шатровая форма деревянных храмов возникла, как считает известный исследователь русского зодчества С. Забелло, еще в XV-XVI в. и допускает возможность ее существования в домонгольский период.⁴ Каменные шатры появились в начале XVI века. Шатер не только являлся формой ясной, логичной и органически свойственной русскому зодчеству столпообразных сооружений, но и воплощал в себе народный идеал силы и величия.⁵ Шатровые храмы были крайне популярны и широко распространены на Руси, поэтому неудивительно, что в провинции их продолжали строить и в конце XVII – середине XVIII в., несмотря на запреты церковных властей.

В нашем же случае примечательно то, что в Сибири предписание церковного закона было нарушено не по провинциальной неосведомленности о запрете или по причине стойкой приверженности традициям, а осознанно, с демонстративным и дерзким неповиновением постановлениям Собора местных духовных властей. Самовольство вылилось в форме благословенных грамот, выданных высшим церковным духовенством на строительство сибирских храмов. Так митрополит Сибирский и Тобольский Павел указывает строить именно шатровые церкви в Иркутском Вознесенском монастыре («а верхи рубить на шатровые клетцы»⁶ (1680), а также в Селенгинском Троицком монастыре («а у церкви верхи рубить на шатровые клетцы и алтарь круглой»⁷ (1681).

Учитывая ограниченность сохранившихся графических

материалов и почти полную физическую утрату объектов, сегодня едва ли удастся достаточно точно определить количество построенных шатровых храмов. Вероятно, было их немало. Об этом свидетельствует карта Сибири, составленная С. Ремезовым в 1701 г., на которой большинство храмов обозначено шатровыми. Однако сегодня на территории Прибайкалья удалось документально подтвердить шатровую форму только восьми церквей XVII-XVIII вв. Поэтому нам показалось важным представить читателю по каждому памятнику более полную информацию, позволяющую не только установить датировку, но также и определить традиционность или своеобразие их форм и композиционных приемов.

Наиболее древней шатровой церковью считают Верхоленскую Воскресенскую, построенную в остроге в 1646 (1651?) году.

с. Верхоленск (Качугский район). Церковь Воскресения Христова, 1646 (1651?) г.

Данные о времени постройки первой церкви в Верхоленском остроге противоречивы. В клировых ведомостях церкви датой постройки назван 1651 год. Священник И. Сизой, автор исторических записок о Верхоленских церквях (1870-е годы), указывает 1661 год, ссылаясь на надпись креста, который сохранился от первой церкви: «...освятися сей алтарь Господа Бога и Спаса Нашего Иисуса Христа и водружен бысть крест сей в первые церкви Верхоленского острога в лето <...> марта 20 дня индикта 14 <...> при Преосвященном Симеоне Тобольском и Сибирс-

текст
Ирина Калинина

Воскресенская церковь Верхоленского острога. Рисунок И.Е. Кожевина первой трети XIX века

- 1 Забелло С. Костромская экспедиция. // Архитектурное наследство. №5, с. 22
- 2 Забелло С., Иванов В., Максимов П. Русское деревянное зодчество. М., 1942, с. 9.
- 3 Красовский М. Курс истории русской архитектуры. Ч.1. Деревянное зодчество. Петроград, 1916, с. 268.
- 4 Забелло С. Костромская экспедиция. // Архитектурное наследство. №5, с. 23
- 5 Ополовников А. Успенская церковь в селе Варгузе. // Архитектурное наследство. №5, с. 48.
- 6 Древние церковные грамоты Восточно-Сибирского края (1563-1726) и сведения о Даурской миссии. Казань, 1875, с. 9.
- 7 Там же, с.10.
- 8 Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1876, № 6, с. 73; № 7, с. 83-89; 1886, № 24, с. 276-278.

Вид г. Иркутска. Резцовая гравюра А.И. Рудакова, выполненная с рисунка И.В. Люрсениуса

9 Глаголев А. Краткое обозрение русских зданий и других отечественных памятников. СПб., 1838, с. 174.

10 Покровский И. Русские епархии в XVII-XIX веках, их открытие, состав и приделы. т.1, Казань, 1897, л. 520.

11 Древние церковные грамоты Восточно-Сибирского края (1563-1726) и сведения о Даурской миссии. Казань, 1875, с. 6.

12 Вид г. Иркутска. Резцовая гравюра А.И. Рудакова, выполненная с рисунка И.В. Люрсениуса, посетившего и зарисовавшего Иркутск в 1735-1738 гг. // ГМИЛ, АП-4190.

13 Пежемский П.И., Кротов В.А. Иркутская летопись. Иркутск, 1911, с. 6. Описание Иркутского наместничества 1792 года. Новосибирск. 1988, с. 65.

Церковь Прокопия и Иоанна Устюжских Чудотворцев. Фрагмент резцовой гравюры А.И. Рудакова, с рисунка И.В. Люрсениуса

ком».⁸ Но четырнадцатый индикт попадал как на 1661 год (при Архиепископе Симеоне), так и на 1646 г. (при Архиепископе Герасиме). Другой, более ранний исследователь церковной старины А. Глаголев утверждал, что в 1830-х годах в Верхоленске сохранялась древняя церковь, богослужения в ней по ветхости уже не совершались, но в алтаре стоял крест с надписью об освящении её в 1646 году. Он также добавляет, что церковь эта была перенесена на нынешнее место со старого, вместе с Верхоленским острогом (острог поставили в 1641 г., а в 1647 г. перенесли на другое место).⁹ Известный русский историк А. Покровский (1890-е гг.) подтверждает эту раннюю датировку, указывая, что церковь в Верхоленске построена в архиепископство тобольского митрополита Герасима (1640-1650 гг.), а также при Симеоне (1651-1664 гг.).¹⁰ Суммируя вышеизложенные факты, можно предположить, что первая церковь в Верхоленском остроге, возможно, была построена в 1646 году, а затем перенесена на новое место вместе с острогом, где и была заново освящена в 1651 году.

Воскресенская церковь не сохранилась, но её внешний облик известен по рисунку, выполненному в первой трети XIX века И. Кожевным. Объем церкви характерен для деревянного зодчества европейского Русского Севера – по типу восьмерик на четверике, увенчанный высоким шатром. Большой интерес представляют конструктивные приемы рубки: стены широкого восьмерика рублены в одной плоскости со стенами четверика, а более низкий алтарь связан с храмом едиными венцами без перерубов. Подобный прием придает строению особую монолитность и восходит к древнерусскому зодчеству прежних эпох. В то же время, это еще один пример нарушения церковных законов, которые предписывали, чтобы алтари обязательно располагались в отдельном объеме, прирубленном с востока: «а олтари бы у тех церквей были прирубные, а не в одной стопе с настоящею (церковью)».¹¹ Алтарь перекрыт бочкой. С западной стороны – трапезная под двухскатной кровлей. Небольшие окна расположены симметрично, по три на южном фасаде храма и трапезной.

Перед главным входом в церковь с западного фасада было крылечко под односкатной кровлей. Необычно устройство ещё одной двери – с южного фасада трапезной. Отсутствие какого-либо декоративного оформления этого входа, а также незначительные размеры двери позволяют предположить, что под трапезной было помещение для хранения «мягкой рухляди» (пушныни) либо казны. Шатровая колокольня с широким восьмериком на четверике стояла отдельно от церкви.

В церковных описаниях XIX в. упоминается об оригинальном декоративном убранстве постройки: «кругом всей церкви под навесами прикреплены были довольно длин-

ные доски с резными на них надписями, состоящими из разных библейских изречений».

Деревянные шатровые церкви изображены на панораме Иркутска, запечатлевшей город во второй трети XVIII в.¹² Это приходская Чудотворская церковь (1703) и, вероятно, Дмитриевская церковь Знаменского женского монастыря (1731). Кроме того, шатровое завершение имели колокольни деревянных церквей Спасской, Тихвинской, Владимирской и Троицкой, а также колокольня каменного Богоявленского собора.

Иркутск. Церковь свв. Прокопия и Иоанна, Устюжских Чудотворцев, 1703 г.

Церковная летопись повествует, что первоначально деревянная церковь была построена в 1703 г. выходцами из Великого Устюга. Церковь представляла собой тип храма «восьмерик на четверике». Венчал ее массивный шатер. С востока выступал пятигранный алтарь, завершенный бочкой с главкой. С северной стороны к четверику примыкала крытая галерея. Рядом с храмом изображена шатровая высокая колокольня. Схематичность рисунка не позволяет определить, соединена ли она с храмом или стоит отдельно. До середины XVIII века колокольни преимущественно располагались отдельно от церкви.

Иркутск. Церковь свв. Димитрия и Трифона, 1731-1746 гг. (?)

По поводу заложения и освящения в Знаменском монастыре деревянной двухпрестольной церкви во имя великомучеников Димитрия и Трифона сведения разноречивы. Так в описании Иркутского наместничества за 1792 год и в летописи, составленной П.И. Пежемским, утверждается, что церковь была заложена в 1731 году по указу преосвященного Иннокентия, первого епископа Иркутского и Нерчинского «сборным от разных боголюбцев иждивением».¹³ Давыдов И., составитель описи монастыря за 1764 год, приводит другую дату заложения церкви – 18 февраля 1740 г., и 28 октября того же года – освящение. Но столь быстрое сооружение двухпрестольного храма представляется маловероятным. Более убедительными можно считать даты освящения приделов, указанные на антиминсах, которые сохранились в Иркутском областном краеведческом музее. Согласно им, придел во имя Дмитрия Солунского освящен 28 октября 1739 г.; придел во имя мученика Трифона – 1 августа 1746 года. Заложение церкви, в таком случае, следует отнести к 1731 году.

Церковь Димитрия и Трифона располагалась в 10,5 сажнях к югу от деревянной Знаменской церкви. Она имела традиционное продольно-осевое построение плана, и длина ее составляла 11 сажень 2 аршина. Храм и трапезная были

одной ширины – в 5 сажени, алтарь чуть уже – 4 сажени 2 аршина. С западной стороны располагалась неширокая (1 сажень 12 вершков) тесовая паперть. Церковь, вероятно, была двухэтажной, так как согласно надписи на антиминсе придел во имя мученика Трифона размещался внизу, под Дмитриевским приделом. Окна были небольшие, в основном слюдяные косячатые и два волоковых, по одному в обоих алтарях. Входы в церковь располагались с севера и запада. Изображение церкви на панораме Иркутска малоинформативно. Очевидно только, что форма венчания храма – это массивный шатер.

Письменные источники дополняют графические материалы о том, какие еще шатровые храмы существовали на территории Прибайкалья. К сожалению, авторы церковных описей обычно ограничивались скромным упоминанием о шатровом завершении без подробного описания. Изображения этих, давно утраченных храмов, неизвестны, поэтому судить об их объемных композициях не представляется возможным.

Иркутск. Церковь Преображения Господня, 1742-1745 гг.

Преображенская церковь – единственная известная надвратная шатровая церковь в Прибайкалье. Знаменский женский монастырь первоначально был обнесен деревянной оградой. В 1742 году, по указу иркутского епископа Иннокентия Неруновича, в западной стене ограды, обращенной к Ангаре, над святыми воротами начали строить деревянную церковь. Сооружал ее на свои средства иркутский купец Федор Щербakov. Надвратную монастырскую церковь во имя Преображения Господня освятили 21 октября 1745 года.

До наших дней сохранилось лишь подробное описание церкви, составленное в 1764 году прапорщиком И. Давыдовым.¹⁴ Размеры ее в плане были следующие: храм в длину и ширину – по 4 сажени, алтарь в длину – 1 саж. 2 аршина, в ширину – 2 саж. 2 аршина, паперть с крыльцом в длину – 5 саж. 5 четвертей, в ширину – 2 саж. 2 четверти. Храмовая часть располагалась над воротами, с южной и северной стороны ее были устроены по два «отступа наподобие клиросов» с переходами между ними, огороженными точеными перилами. Нависающие алтарь и паперть были устроены на столбах. Алтарь был обращен внутрь монастырской ограды, паперть – наружу. Входили в церковь через рундук, обшитый досками. Алтарь освещали три окна, церковь – 29 окон, расположенные несколькими ярусами. Окна были слюдяные, в высоту 2 аршина 1 вершок, в ширину по 1 аршину. Церковь завершал высокий шатер из теса с главкой и деревянным позолоченным крестом.

В 1787 году в монастыре пожар уничтожил ограду монастыря и, возможно, повредил надвратный храм. В документах за 1790 и за 1796 годы сообщается об упразднении и сломе Преображенской церкви ввиду ее ветхого состояния.

с. Введенщина (Иркутский район). Церковь Введения во Храм Пресвятой Богородицы. Конец XVII – начало XVIII вв.

Впервые о Введенской церкви упоминается в передаточной описи 1706 года, времени учреждения Иркутского викариатства при Тобольской митрополии. Из описи имущества мы узнаем, что «церковь деревянная, во имя Вознесения, шатровая, об одной маковице»¹⁵ с трапезной и папертью вокруг нее.

с. Знаменка (Илгинское) (Жигаловский район). Церковь Богоявления Господня, 1731 г.

Одна из самых известных шатровых церквей – Богояв-

ленская с. Знаменка – была построена в Илгинском остроге в 1731 г. Её выдающиеся архитектурные достоинства были отмечены еще в начале XX века исследователями русской архитектуры И.С. Грабарем и В.В. Суслымым: «церковь по своим размерам, стройным пропорциям, силуэту и характерным формам представляет собой один из интереснейших памятников русского деревянного зодчества вообще».¹⁶ В 1915 году храм посетил и затем очень подробно описал известный иркутский любитель и знаток старины И.И. Серебренников.

Богоявленская церковь была деревянная, летняя (то есть холодная, неотапливаемая) и имела два престола: главный южный – в честь Богоявления, придельный северный – в честь Рождества Предтечи и Крестителя Иоанна. При ремонте в середине XIX века облик постройки несколько изменился, но сохранился рисунок, запечатлевший первоначальный облик храма.

В основе композиции – вертикаль храма с крупным двухсветным четвериком на подклете, завершенным широким восьмериком с высоким крупным шатром. На углах четверика располагались четыре небольших купола с маленькими главками (позже форма их была изменена). С востока – две соединенные пятигранные апсиды. Каждая была перекрыта бочкой с главкой, в торцах бочек – иконы. С западной стороны – по высоте равная алтарю трапезная с папертью, устроенной на выпусках бревен, и крыльцом с живописным бочечным покрытием. Под всей церковью был устроен хозяйственный подклет, освещенный небольшими окнами, – в нем хранилась старая церковная утварь. Вдоль южной стены храма проходила открытая галерея с балюстрадой, утраченная во время последующих ремонтов. С западной и северной стороны церковь огибала еще одна широкая крытая галерея, также впоследствии разобранная.

Церковь имела небольшие оконные проемы в два света (судя по рисунку – со слюдяными оконницами). Перемычки окон в храме и алтаре были лучковыми, что совсем нехарактерно для того времени. Стены, рубленные из бревен с остатком, впоследствии были обшиты.

Судя по старинному чертежу, четверик храма был сложен из сорока венцов бревен, то есть имел около 12-14 метров в высоту. Археологическая комиссия в начале XX века подтвердила крупные размеры постройки, значительно превосходившей все известные деревянные церкви Иркутской епархии – высота её с шатром достигала 18 сажени (более 38 метров). При этом необходимо отметить, что ко времени замеров церковь значительно просела и вход в подклет был затруднен. Таким образом, первоначальная высота храма, вероятно, достигала 40 метров, то есть соответствовала примерно высоте 12-этажного современного здания.

Уникальны были архаичные интерьеры церкви. В трапезной два ряда фигурных столбов поддерживали плоское перекрытие. Вдоль столбов размещались широкие лавки. В храме был установлен пятиярусный иконостас с иконами на расписных тяблах, в нижнем ярусе – резной. Стены внутри храма были покрыты священными изображениями, написанными на полотне, вероятно, в начале XIX века. С западной стороны на середине высоты храма были устроены хоры, на которые вела крутая лестница.

В архитектуре Богоявленской церкви соединились особенности, выработанные храмовым зодчеством XVII – XVIII веков, и вместе с тем, это был уникальный памятник, обладавший рядом своеобразных элементов. В целом это был один из наиболее ярких памятников деревянной на-

Церковь Димитрия и Трифона. Фрагмент резцовой гравюры А.И. Рудакова, с рисунка И.В. Люрсениуса

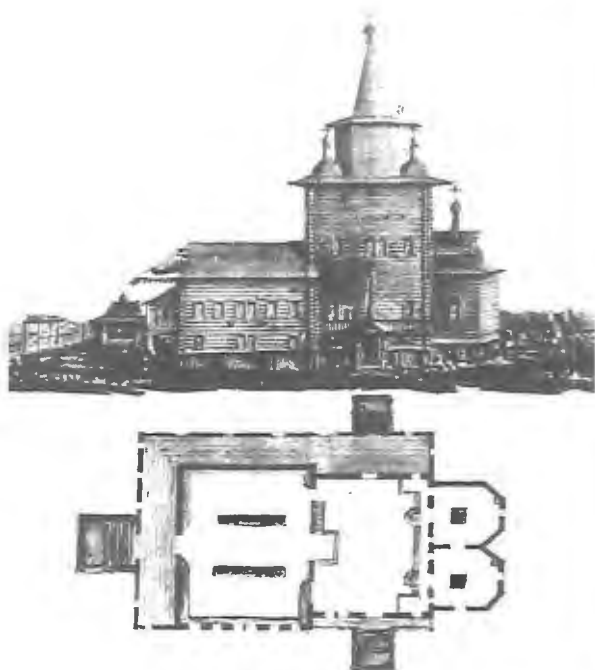
14 Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1890, № 15, с. 8.

15 Иркутские епархиальные ведомости. 1874, №50.

16 Серебренников И.И. Памятники старинного деревянного зодчества в Иркутской губернии. Иркутск, 1915, с. 6.

Богоявленская церковь
с. Знаменка.
Рисунок первой трети XIX в.

Богоявленская церковь
с. Знаменка.
Фото начала XX в.

родной архитектуры Сибири.

Церковь, несмотря на охранный статус памятника архитектуры (постановление губисполкома 1925 г.), разобрали в 1932 г. по приказу невежественных местных властей. Часть её удивительно крепких бревен использовали при строительстве Жигаловского райисполкома, остальной материал пошел на дрова.

О возведении шатровых храмов во второй половине XVIII века сведений не имеется. Необходимо отметить, что кроме храмов, шатровое завершение имели еще и колокольни, которые располагались в XVII-XVIII вв. обычно рядом с церковью. Примечательно, что на строительство шатровых колоколен запрещение не распространялось. На панораме Иркутска изображены шатровые колокольни при церквях Тихвинской и Харлампиевской. В г. Илимске в

центре острога стояла колокольня с шатровым верхом. Такое же завершение имели колокольни при древних церквях с. Бадай и Братского острога. Все вышеперечисленные постройки были деревянными. Единственная каменная шатровая колокольня венчала главный кафедральный собор Богоявления в г. Иркутске (1718-1746). На территории Прибайкалья это была последняя церковь, в венчании которой использовалась своеобразная форма шатра.

К шатровой форме покрытия храмов и колоколен вернулись снова уже в конце XIX – нач. XX вв., в период эклектики и времени увлечения древнерусской архитектурой.

Интерьер трапезной Богоявленской церкви с. Знаменка.
Фото начала XX в.

Дом Волконских в Иркутске

Сохранившийся дом Волконских в Иркутске, по современному адресу: 664007, Иркутск-7, переулок Волконского, № 10, первоначально стоял на другом месте. Урядник доносил в канцелярию генерал-губернатора Восточной Сибири, что «государственный преступник Сергей Волконский в Урикской слободе [Иркутской губернии] постройкою себе дом окончил 2-го декабря 1838 года». Вся постройка, по воспоминаниям княгини М.Н. Волконской, заняла «несколько месяцев». Затем дом был перенесен из села Урик в город Иркутск. Об этом имеется несколько свидетельств.

Одно из них принадлежит декабристу В.Ф. Раевскому: «Они [Волконские – Е.Я.] и жили сперва в Нерчинске в работе, потом в Петровском заводе, а по освобождении от работы – в с. Урике, в 20 вер[стах] от Иркутска и, наконец, в самом Иркутске, куда перенесли и дом свой из Урика».

Этот факт был зафиксирован и внуком декабриста С.Г. Волконского – С.М. Волконским, на основании писем Волконских из Сибири и воспоминаний дочери декабриста, Е.С. Волконской: «Волконские жили в собственном доме. Деревянный дом, привезенный из Урика, стоял на высоком месте; из каждого окна открывался великолепный вид».

Свидетельства эти подтверждены натурными исследованиями архитектора-реставратора Л.С. Васильева, обнаружившего в 1974–1975 годах под деревянной обшивкой бревенчатых стен следы меток на бревнах (эти следы и сейчас можно видеть на бревнах в сенях парадного входа): дом разбирался и перевозился.

Современники декабристов указывали: «Дом был двухэтажный, громадного размера, перевезенный впоследствии в гор[од] Иркутск к Преображенью, где в настоящее время [1860–1900-е гг. – Е.Я.] Ремесленное училище, и в котором жил Волконский по выезде из Урика».

Позднейшее подтверждение факта переноса дома из Урика в Иркутск содержится в материалах Иркутской губернской ученой архивной комиссии.

Исследователей вводит в заблуждение неоднократно репродуцировавшийся рисунок дома Волконских в Урике, относящийся к 1885 году, что должно опровергать приведенные выше свидетельства: если дом в 1885 году был зарисован в Урике, то данные о его переносе в Иркутск неверны.

На самом же деле здесь мы имеем дело с обыкновенной ошибкой в подписи к рисунку. Его оригинал хранится в Читинском областном краеведческом музее и выполнен народолюбом П.П. Валуевым (1854–1918), умершим в Чите. На рисунке снизу подпись: «Домъ кн[язя] Сергея Волконскаго въ г. Чите. Домъ сломанъ въ мае м[есяце] 1886 года». В углу справа: «18 8/IX 85 П. Валуевъ г. Чита». Впервые этот рисунок с надписью «Урик» встречается в альбоме первого директора Читинского музея А.К. Кузнецова, от которого, очевидно, и распространилась эта ошибка.

Когда же дом Волконских был перенесен в Иркутск? Как указывает исследователь, купчую на покупку участка земли в Преображенском приходе г. Иркутска против Спасо-Преображенской церкви 7-го октября 1846 оформил «родственник [декабриста] Григорий Волконский». Судя по всему, это был Григорий Петрович Волконский (1808–1882), чиновник Азиатского департамента, камергер (1835 г.), попечитель Петербургского учебного округа, сын министра двора, светлейшего князя генерал-фельдмаршала Петра Ми-

хайловича Волконского (1776–1852) и княгини Софьи Григорьевны Волконской (1786–1868), родной сестры декабриста.

Следовательно, земельный участок был оформлен на родного племянника С.Г. Волконского, которому в то время было 38 лет и у которого были прямые родственные связи с семьей бывшего шефа жандармов А.Х. Бенкендорфа.

Дочь декабриста, Е.С. Волконская, 17-го сентября 1850 года вышла первым браком за чиновника Д.В. Молчанова, а 19-го сентября того же года Молчановы выехали из Иркутска и возвратились в 1851 году: «Затем Молчановы возвратились в Иркутск и жили вместе с Волконскими в недавно выстроенном доме».

Вспомогательное посещение Иркутска в 1854 году, иркутянин Н.А. Белоголовый писал, что «Волконские жили в новом выстроенном ими доме <...>». Эти данные позволили исследователю И.И. Козлову датировать постройку дома 1850 или 1851-м годом.

Имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют уточнить, что основные работы в доме были закончены в 1847 году. Эту дату и следует считать временем постройки иркутского дома Волконских после перенесения из Урика. В 1850 г. была уже оплачена «купчая крепость Иркутского дома – 260 [рублей]».

Ранее считалось, что частичная его перестройка и новое решение экстерьера принадлежало иркутскому губернскому архитектору Васильеву. Правда, никаких доказательств этому не приводилось. Выявленное письмо М.К. Юшневской к И.И. Пущину 16 июля 1847 г. вносит некоторую ясность в этот вопрос: «С[ергей] Гр[игорьевич] пополнил и очень загорел, зато построил дом и службы на чудо». Эта фраза может быть истолкована так, что основным архитектором – строителем дома являлся сам С.Г. Волконский. Во время следствия декабрист признавался, что в молодости «занимался более теми науками, которые причастны к военному искусству». Стало быть, он имел знания и по фортификации – военному строительству.

Эркеры второго этажа сделаны по рисунку художника-

текст
Евгений Ячменев

фото
Люциан Антипин
Владислав Кривошеев

Вид со двора

декабриста Н.А. Бестужева, как свидетельствовал на основании документов семейного архива и семейных преданий правнук декабриста М.П. Волконский. Теперь, когда выясняется, что художник-декабрист Н.А. Бестужев, кроме своих известных ранее визитов в Иркутск в 1841-1842 и 1854-1855-м годах, побывал в Иркутске ещё и в конце мая-июне 1847 года (для проводов в Европейскую Россию генерал-губернатора Восточной Сибири В.Я. Руперта), это семейное предание получило дополнительное подтверждение.

Вплоть до конца 1850-х годов дом Волконских считался одним из лучших в числе подобных городских построек.

После отъезда семьи Волконских из Иркутска все оставшееся их имущество, включая усадьбу, было оставлено доверенному лицу Волконских, чиновнику (а не купцу, как сообщают некоторые источники) Г.А. Трапезникову, действовавшему от лица официальной владелицы дома Е.С. Волконской (во втором браке Кочубей). Не находя покупателей, Г.А. Трапезников первое время сдавал дом внаем частями, с разрешения Волконских.

Так с 12 декабря 1856 года и примерно по середину января 1857 года бильярдную и кабинет М.С. Волконского снимал чиновник Н.Ф. Буссе, платя по 8 рублей в месяц.

В феврале 1857 года на первом этаже квартировал сутки чиновник Ю.И. Штубендорф.

С 1 марта 1857 года по 1 января 1858 года нижний этаж снимал управляющий Иркутской губернией статский советник П.А. Извольский с супругой, а второй этаж с 1 марта 1857 года по 10 июня 1857 года снимал Я.Д. Казимирский.

С 10 июня 1857 года и, по крайней мере, по май 1860 года второй этаж, ранее снимавшийся Я.Д. Казимирским, а затем и весь дом были отданы внаем иркутскому губернатору К.Н. Шелашникову.

Вдова декабриста, А.В. Ентальцева, сообщала в письме к И.И. Пущину из Москвы от 7 апреля [1858 г.] о том, что С.Г. Волконский «зимой намерен отправиться в Иркутск: дом, может, продаст, не бросить же его. Они не так богаты».

Дело о продаже иркутского имения Волконских двигалось чрезвычайно медленно. Для ускорения решения вопроса с продажей дома и некоторой части оставшегося имущества в 1860-1862 гг. Г.А. Трапезников дал несколько объявлений в иркутских газетах. Однако, это не принесло желаемых результатов. Только когда в 1863 г. Е.С. Кочубей (Волконская) передала ведение дел новому доверенному лицу, купцу А. Белоголовому, дом со всей усадьбой был продан.

Иркутский купец И.С. Хаминов приобрел дом и усадьбу у Е.С. Кочубей 6-го июня 1864 года и, «сделав в нем необходимые исправления и перестройки», пожертвовал городу под сиропитательную ремесленную школу для мальчиков 16 сентября 1867 года:

«Лета тысяча восемьсот шестьдесят седьмого сентября в шестнадцатый день, Потомственный Почётный гражданин Иркутский первой гильдии купец Иван Степанович Хаминов пожертвовал Иркутскому податных сословий обществу деревянный двухэтажный дом со всеми принадлежащими к нему строениями и землёю, состоящий по 2-й части г. Иркутска, против Преображенской церкви, приобретённый дарителем покупкою от Надворной Советницы Елены Кочубей по купчей, на имя его совершённой в Иркутском Губернском Правлении 6 июня 1864 г. А пожертвовал он, Хаминов, этот дом для помещения в нём учреждённой в г. Иркутске Сиропитательно-Ремесленной школы. <...> А стоит ему, дарителю Хаминову, это имение восемь тысяч рублей серебром».

Через год прошла официальная церемония: «13 октября [1868 года], в воскресенье, близ Преображенской церкви в доме, принадлежащем ранее княжне Волконской, состоялось открытие ремесленной школы для мальчиков. Это учреждение своим существованием обязано И.С. Хаминову. Средства даны Иркутским обществом».

Ремесленная школа на усадьбе просуществовала до 1911 года, когда 19 декабря 1911 года, была закрыта по недостатку средств и переведена в ремесленно-воспитательное заведение Н.П. Трапезникова в Знаменском предместье.

В 1914-1917 годах, вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции, в доме и на усадьбе были казармы казачьей части Забайкальского войска.

С 1920-х годов дом и усадебные постройки были заняты под жильё квартиры (их было более 30). Дом перестраивался в 1920-1930-х годах. В 1950-х годах состоялся капитальный ремонт дома. Всеми этими переделками был «до неузнаваемости изменен внешний и внутренний вид дома декабриста С.Г. Волконского в Иркутске, несмотря на то, что на доме висит мемориальная доска. Несколько просторных высоких комнат двухэтажного деревянного дома были перегородены на квартиры. Все подсобные помещения в доме, лестница на второй этаж тоже искажены перестройками. Реставраторам в содружестве с историками предстоит проделать огромную работу по расчистке здания от всех позднейших наслоений, чтобы вернуть ему прежний облик», – писала исследовательница С.А. Каспаринская накануне реставрации.

Особняк и усадьба были освобождены от жильцов 29, 30 апреля 1974 года. Реставрация произведена по проекту архитекторов Л.С. Васильева и Е.Ю. Барановского в 1974-1985 годах, первоначально силами Иркутского Горремстройтреста, а затем СНРПМ Иркутского областного управления культуры. Отдельные элементы главного дома, преимущественно по внутренней планировке (дверные проёмы, лестница), воссоздавались в 1987-1988 и 2003-2004 годах.

10 декабря 1985 года в доме Волконских была открыта первая музейная экспозиция – выставка «Памяти декабристов» Иркутского музея декабристов, бывшего в то время отделом Иркутского государственного объединённого (краеведческого) музея.

Парадный вход

Церковь Одигитриевской иконы Божьей Матери в селе Усть-Илга

текст
Александр Яковлев

фото
Надежда Красная

Дерево издревле окружало русского человека, а позднее – сибирского переселенца. Из дерева он строил церкви, избы и амбары, колодцы и ульи, ворота и заплоты, мостил тротуары, гати, ограждал себя от недругов тыном, плавал в заморские страны на быстроходных ладьях. Он ел на дереве, спал в зыбке и на полатах, деревом согревал родной очаг и заканчивал свой жизненный путь в домовине под деревянным крестом.

В отличие от камня, кирпича, строительство из дерева не сезонное и позволяет тюкать топориком и класть венцы в трескучие январские морозы, только мох заготавливали загодя.

Обычные избы умело рубить все мужское население России, вне зависимости от сословной принадлежности. Сызмальства подросток приучался владеть топором. С детства чувство природной красоты, перенесенное в народное зодчество, в крови русского человека. Профессиональных плотников-артельщиков привлекали лишь на строительство крупных церквей, мельниц, мостов. То же, если по крайней необходимости требовалось привлечь на подрядные работы кузнеца, столяра-краснодеревщика, печника или бондаря. Здесь всегда требовалась помощь ремесленника-профессионала, а лес был рядом, за околицей.

«Страной зодчих» назвал Россию Игорь Грабарь. «Назначение деревянных построек у народа-зодчего связано с представлением о красоте мира, созданной богом. Красота и польза неотделима в мире, поэтому неотделима она и в русской архитектуре. Под красотой понималось не украшательское многоделье (пена кружев), не дороговизна материала или неожиданность яркоцветья, а тонкое, сердцем прочувствованное и разумом осмысленное единение частей и цело-

го, мудрая простота форм и естественное изящество линий, осознание архитектуры как модели божьего мира, которое делает ее не ремеслом, но искусством».¹

Летом 2002 года архитекторами научно-исследовательской реставрационной мастерской «Традиция» Лилией Малышевой, Юлией Ивайловской, Ольгой Александровой, инженером по реставрации деревянных конструкций Игорем Пинайкиным и автором этих строк довелось обследовать один из сохранившихся уникальных храмов постройки начала XIX века – церковь Одигитриевской иконы Божьей Матери в селе Усть-Илга Жигаловского района.

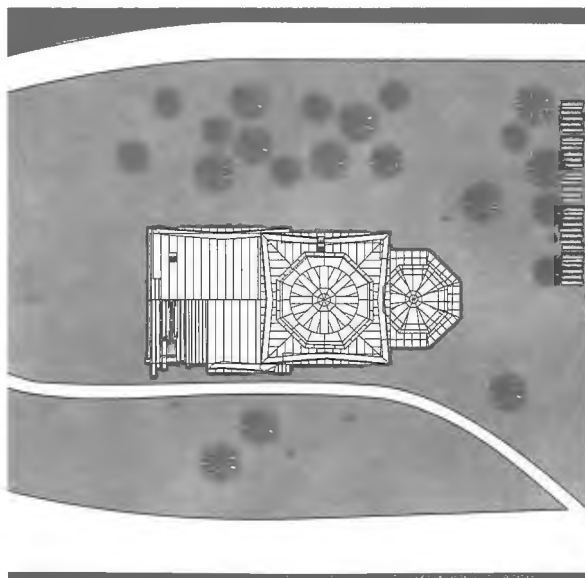
Дорога долго плутала за бесконечным поворотами, подъемами и спусками, наконец перед нами открылась панорама – излучина реки Илги, мелководной, но достаточно широкой, кособор, на нем избы, амбары, бани, на пологом берегу – лодки-плоскодонки, а на некотором отдалении, в леске – церковь. Несмотря на ветхость и запустенье – дивной красоты Храм с противоположной стороны реки кажется нереальным сном, видением града Китежа, случайно уцелевшим чудом, которому в этом году исполняется 200 лет.

Погрузившись в предусмотрительно оставленную заботливыми жителями на берегу лодку-плоскодонку, наша небольшая экспедиция переправилась на противоположный, жилой берег реки. То, что видение перед нами – реальность, а не сон, подтверждают незамедлительно напавшие на нас несметные полчища гнуса.

Селение Усть-Илга впервые упоминается в летописи за 1664 год. Сохранившаяся Одигитриевская церковь построена в 1804 году и 27 ноября того же года освящена во имя Знамения Пресвятой Богородицы, а в 1874 году, после ремонта,

1 Ополовников А.В., Ополовникова Е.А. «Древний Обдорск и заполярные городо-легенды». «Ополо», М. 1998, с. 12.

2 Калинина И.В. «Православные храмы Иркутской епархии. XVII-начало XX века». Научно-справочное издание. М. «Галарт», 2000.

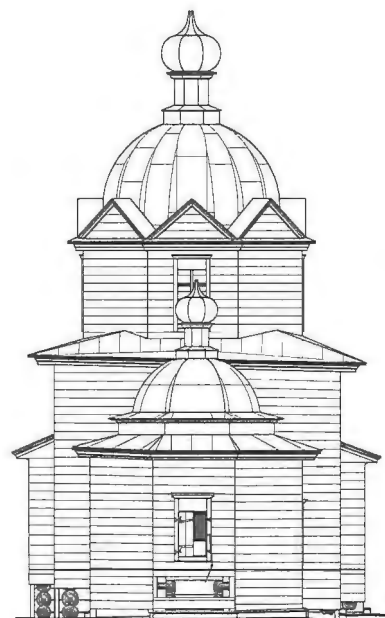
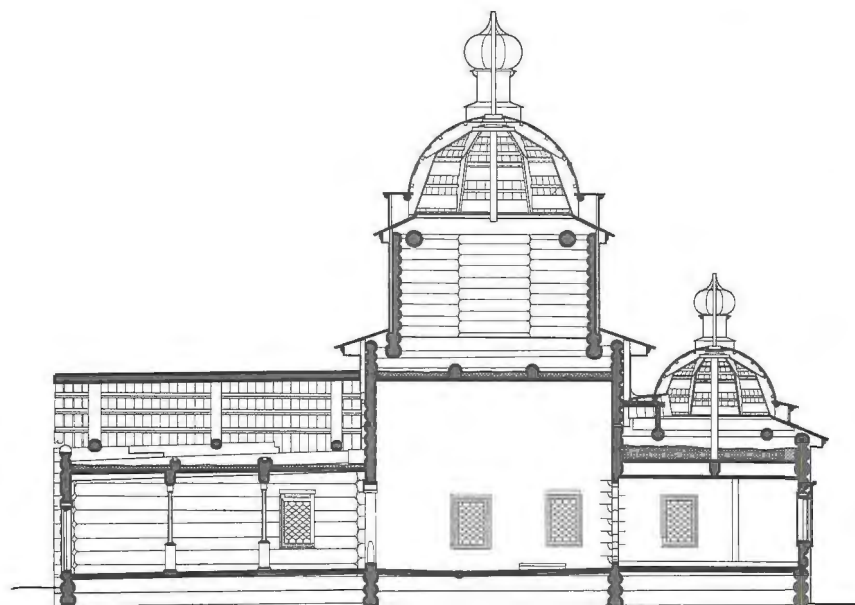
переименована и повторно освящена иркутским архиепископом Вениамином. Через сто лет после первоначальной постройки, в 1903 году, с западной стороны, вплотную к церкви, пристроили деревянную колокольню, ныне утраченную.

Благотворитель, купец второй гильдии В.О. Грехов, в 1896 году пожертвовал в церковь иконостас – двухъярусный, крашенный кармином, с позолоченной резьбой – работы иркутского мастера Н.П. Попова. До первой мировой войны церковь имела более 1300 прихожан. В годы советской власти здание использовали под склад.²

Ремонт 1874 года несколько изменил первоначальные формы завершения храма и апсиды, стены были обшиты гладкими досками под окраску. Под обшивкой видны древние стены из очень массивных бревен, диаметр которых доходит до 46 сантиметров. Углы рублены «в обло», торцы бревен стесаны топором, изнутри стен – «в лас», что подтверждает древность постройки.

Церковь архаичной объёмно-пространственной композиции, характерной для православных храмов XVIII века. Ничто не нарушает гармонию в окружении храма. Он стоит на глав-

Разрез I-I

ной улице села, в треугольнике дорог, почти у околицы. На противоположной стороне улицы сохранился бывший дом священника. С северо-востока церковь подковой окаймляют вековые сосны и лиственницы. На их фоне церковь стоит четким графичным силуэтом со стороны реки. Церковная ограда утрачена, исчезли также кресты главок.

Высота храма от земли до подкрестного яблока составляет 16 метров, ширина по трапезной – 9,2 метра, длина без утраченного притвора – 21,8 метра.

Продольно-осевая композиция в плане – четверик с шириной квадрата в 7,2 метра и более крупной, также квадратной трапезной над четвериком – восьмерик. Подобная планировочная структура с трапезной шире и крупнее храма характерна для древнерусского деревянного зодчества.

Дух древности сохранен в архитектуре и стилистических мотивах фасада. Это небольшие, в высоту трех венцов оконные проемы и пятигранные формы-обсиды шириной 5,85 м, увенчанные восьмигранным куполом с главкой. Ставни окон двухстворчатые, дощатые, на грубых кованых петлях. Луженная оловом кровельная сталь, с легкой ржавчиной, приобрела благородную патину меди или серебра. Покрытия куполов и главок «родные», сохранились на удивление хорошо, как и оконные кованые решетки с традиционным волнисто-ромбическим рисунком. Перекрытия всех помещений плоские. Дощатый потолок подшит калеваной доской и украшен крупной восьмиугольной розеткой – основанием утраченного паникадила. Внутренние стены тесаны «в лас». По оси стены четверика и трапезной установлены столбы с лучковыми арками. Стены трапезной поддерживают четыре опорных столба. Утрачены отопительные печи, крыльца, притвор, поздняя колокольня. Полы в храме, некогда выполненные из мощных пластин с четвертями, провалились. Храм заброшен, не используется, хотя и по-хозяйски заперт на амбарный большой замок.

Одигитриевская церковь – древнейший деревянный храм на территории Иркутской области, сохранивший первоначальные формы. Построенная в традициях XVIII века церковь запечатлела ряд закономерных композиционных, конструктивных и декоративных особенностей древнерусского зодчества и нуждается в проведении реставрационных работ. В первую очередь, консервационных, которые прекратят губительное разрушение памятника.

ИРКУТСКЖЕЛДОРПРОЕКТ

Иркутский проектно-изыскательский институт «Иркутскжелдорпроект» ОАО «РЖД» образован приказом Наркома путей сообщения в 1938 году. Институт выполняет полный комплекс проектно-изыскательских работ для строительства и капремонта

Проектно-изыскательские работы:

- инженерно-геологические и топографо-геодезические работы
- градостроительное проектирование
- проектирование зданий различного назначения, сооружений ж/д транспорта

Нетрадиционные работы:

- проектирование и реставрация памятников истории и культуры
- проектирование и построение сетей сгущения и съемочного обоснования
- создание и обновление цифровых и электронных карт
- наблюдение за деформациями земной поверхности, осуществление мониторинга
- создание геоинформационных систем различных направлений

Вокзал на станции Нижнеудинск

*Институт
«Иркутскжелдорпроект»
664007, г. Иркутск
ул. Карла Маркса, 55
Факс: (3952) 64-40-27
Для писем:
664025, г. Иркутск, а/я 134*

Вокзал на станции Тулун

Фотовыставка

текст
Владимир Бух

фото
Надежда Красная

Фотография картины, скульптуры, архитектуры – это фотография произведений искусства, а не само искусство. А что же фотографическое искусство? Это когда фотографируемый объект перестает действовать на нас как объект искусства, а становится действующим лицом другого искусства – фотографического. И тут неважно, в каком состоянии изображаемый объект находится. Часто большим действенным потенциалом обладают порушенные здания, руины... Если фотограф обладает талантом художника, соответствующим образом воздействуя на нашу психику, он самоидентифицируется фотохудожником,

фотоартистом. Но бывает, что человек и не думает, что он фотохудожник, а его работы получаются не хуже. И тем и другим мы предоставляем страницы нашего журнала. Единственное условие: героями фотографий должна выступать архитектура, хотя бы в остаточном виде. Далее посмотрим. Если предложения будут поступать регулярно и в достаточном количестве, то по примеру Американского Института Архитекторов (AIA) организуем конкурс и станем лучшие фото собирать в календари-еженедельники.

Начинает Надежда Красная.

1. с. Тимошино
Жигаловский район
2. с. Усть-Илга
Жигаловский район
3. с. Карлук
Качугский район

Я шагаю... по Иркутску

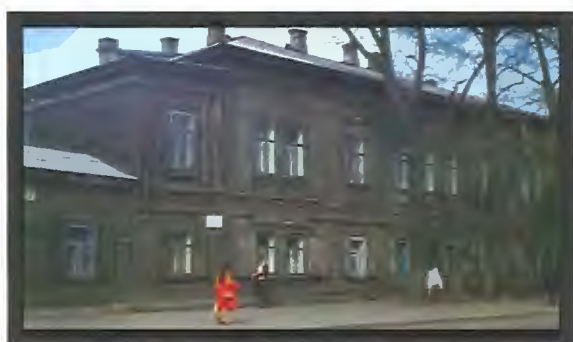
1

2

3

4

До шестидесятых годов XX века Иркутск стабильно оставался городом, каким он сложился после великого пожара 1879 года. Каменными зданиями застраивались в основном только центральные улицы — Амурская (Ленина) и Большая (Карла Маркса). Остальные же части города были деревянными, где дома строились с использованием так называемых «образцовых» фасадов.

1950-е годы

В первые послевоенные годы патриархальный быт горожан, неторопливость и размеренный уклад жизни оставались основой, суще-

ственно отличающей Иркутск от других городов Сибири, возникших и развивавшихся почти одновременно. Иркутск нельзя было спутать ни с Томском, ни с Красноярском, ни тем более с Новосибирском, несмотря на то, что методы и способы развития городской застройки были одинаковыми. Основным материалом жилой застройки оставалось дерево, из него возводилось все: и само жилье, и дворовые постройки, и благоустройство. Даже мощные улицы и дворовые постройки, и благоустройство. Даже мощные улицы и дворовые постройки, и благоустройство. Даже мощные улицы и дворовые постройки, и благоустройство.

в особенности её центральная часть, компактна, масштабна, разностильна. Этот масштаб и гармония стилей сохранились и с возникшими в последующие годы более высокими зданиями.

Старшее поколение иркутян помнит деревянную брусчатку, уложенную по Большой улице, булыжные мостовые по основным улицам, с кюветами и деревянными тротуарами, частые деревянные телеграфные столбы с паутиной проводов. Неизменным оставался и характер застройки кварталов, основой которого была закрытость (скрытность от постороннего гла-

за) дворов с улицы высокой и конно-гужевой вид городского транспорта: среди редких проезжающих автомобилей можно было видеть и конные экипажи с колесами на резиновом ходу. Новое строительство деревянных зданий в эти годы почти не велось, город довольствовался постройкой в год одного-двух каменных зданий.

Сохранилась и функциональная наполненность главной улицы города (К. Маркса), её притягательная променадная значимость между двумя зелеными массивами: садом им. Парижской коммуны (ныне бульвар им. Гагарина) и остатками бывшего, когда-то интendantского сада на р. Ушаковке. Несмотря на активное развитие во время войны машиностроительного завода им. В. Куйбышева, речка Ушаковка долгие годы оставалась любимым местом отдыха горожан, где летом можно было загорать,

купаться и даже ловить рыбу. Вечерний променад горожан на Большой улице, где почти все знакомы друг с другом, составлял неотъемлемую часть каждодневного ритуала иркутян с незапамятных времен.

Не был анахронизмом и конно-гужевой вид городского транспорта: среди редких проезжающих автомобилей можно было видеть и конные экипажи с колесами на резиновом ходу. Новое строительство деревянных зданий в эти годы почти не велось, город довольствовался постройкой в год одного-двух каменных зданий.

5

6

7

Фото Люциана Антипина
Иркутск. 1970-е годы.

1. В 1970-х в Иркутске еще можно было застать последние дворы, высланные деревянными плахами (ул. Бабушкина)
2. Фрагмент жилой застройки по ул. Байкальской на бровке Иерусалимской горы, граница между Центральной и Нагорной историческими частями города
3. Этого доходного жилого дома по ул. Ст. Разина давно уже нет
4. Дом, в котором останавливались декабристы (ул. Октябрьской Революции, 7). Сегодня воссоздается после пожара в пер. Волконского
5. Второй знаменитый «Кружевной дом» по ул. Уткина, 6. Сегодня, после ремонта в связи с пожаром, он выглядит не так нарядно
6. Рекламная вахханалия 2000-х годов по ул. Фурье, и не только по этой улице. Беспринципное, бесконтрольное использование фасадов памятников деревянной архитектуры в угоду коммерческим интересам
7. Подобного дома в Иркутске не только нет (утрачен), но и, может быть, он был единственным в своем роде (ул. Дзержинского)

37

1970-е годы

Наступившая эра массовой индустриализации в жилищном строительстве почти не коснулась центральной части Иркутска, она по-прежнему сохранялась деревянной, с исторически сложившейся сеткой кварталов. Исчезли брусчатые и булыжные мостовые, тротуары, заплоты, но сами деревянные дома, постаревшие и обветшавшие, остались главными достопримечательностями столицы Восточной Сибири.

Многие годы перед иркутскими градостроителями стоит вопрос – что же делать с устаревшей деревян-

ной застройкой? Ни физическое состояние, ни коммунальные условия проживания в таких домах не соответствуют современным требованиям, предъявляемым к жилью. В 1980-е было объявлено о создании нескольких заповедных зон с ценными деревянными усадьбами, в которых предполагалось поддерживать характер застройки города XIX – начала XX веков. Это, по существу, должно было стать туристической музейной зоной города с восстановлением всех первоначальных функций быта, ремесел, одежды, доступностью осмотра туристичес-

кими группами. Но, как нас уверяют, все упирается в материальные средства, и кроме случаев реставрации единичных памятников дело дальше не продвигается. А время идет, и дерево от бесхозяйственного отношения разрушается. Как и в прежние времена, регулярно сгорают несколько исторических построек в год.

2000-е годы

Последнее десятилетие резко изменило отношение к деревянным постройкам. И не столько в сторону реализации предыдущих проектов, сколько в использовании их в современных коммерческих интересах.

Резко ухудшилась среда, в которой существовала деревянная застройка. Сошли на нет значение уникальных украшений фасадов зданий, их неповторимый стиль и обаяние. Своеобразный колорит и масштаб построек разрушается назойливыми и зачастую безвкусными рекламными щитами и надписями, нахально «кричащими» отовсюду, превращающими сами здания в «подставки» для этой рекламы.

Реконструкция проезжих частей улиц ведется без учета исторического слоя», и большинство первых этажей жилых домов оказывается под землей.

Восстановление крыш производится с использованием нетрадиционного для деревянной застройки материала (шифер), зачастую с уничтожением характерных для завершений крыш фронтонок, парапетов, башенок, флагштоков.

Для сохранения неповторимого исторического лица города необходимо наконец-то определиться с судьбой деревянной застройки, выработать программу её реконструкции и использования с тем, чтобы оставить потомкам все то прекрасное, чем славен был город Иркутск.

Люциан Антипин

Этнографический музей под открытым небом «Тальцы»

© фото Инны Дружининой

В начале 60-х гг. XX в. при строительстве Усть-Илимской ГЭС возникла необходимость спасения уникальных памятников истории и архитектуры общероссийского значения – Спасской проезжей башни (1667 г.) и Казанской привратной церкви (1679 г.) Илимского острога, попадающих в зону затопления Усть-Илимского водохранилища.

В это время в Советском Союзе, в условиях полити-

ческой оттепели, впервые столь масштабно была поднята проблема сохранения истинных элементов традиционной народной культуры и, в особенности, уникального деревянного зодчества. Во многих регионах страны делались попытки создавать музеи под открытым небом. Иркутская область оказалась в ряду тех регионов, где это реально произошло. 9 января 1966 г. Иркутским облисполкомом

было принято решение о создании музея народного зодчества под открытым небом в Тальцинском урочище на берегах рек Ангары и Тальцинки недалеко от Байкала и перенесении туда Спасской проезжей башни и Казанской привратной церкви вместе с другими уникальными памятниками истории и архитектуры Иркутской области. Строительство музея началось только в 1970 г., а 18 июля 1980 г.

музей, названный музеем деревянного зодчества «Тальцы», принял своих первых посетителей. В 1986-1990 гг. концепция развития музея претерпела значительные изменения. Заложенная Г.Г. Оранской идея формирования музея позволила ее последователям – ученому-этнографу О.В. Бычкову и архитектору А.В. Субботину – начать его перепрофилирование в музей архитектурно-этног-

рафического типа. Если основной целью музея деревянного зодчества было сохранение уникальных памятников истории и архитектуры по коллекционному принципу, где эти памятники создавали эффектные видовые ряды, то задачей музея архитектурно-этнографического типа являлось уже сохранение исторической среды музеефицируемой территории с использованием уникальных памятников истории и архитектуры и воссозданием исторического ландшафта.

В 1994 г. музей, ранее функционировавший как филиал Иркутского областного краеведческого музея, выделился в самостоятельное учреждение культуры областного подчинения.

Указом президента РФ, в 1995 г. музейный комплекс был отнесен к объектам исторического и культурного наследия федерального (общероссийского) значения.

В 1999 г. музей, работающий только в летний туристический сезон, перешел на круглогодичную работу. В этом же году музей стал Методическим центром Сибири и Дальнего Востока по проблемам музеев под открытым небом архитектурно-этнографического профиля.

Научная концепция формирования музейного комплекса предусматривает фрагментарную реконструкцию значимых элементов историко-культурной среды основных культурообразующих этносов, проживающих в Предбайкалье: русских, бурят, эвенков (тунгусов), тофов (карагас) и отдельно – переселенческой группы народов (белорусов, татар, украинцев, поляков).

В музее уже созданы, формируются или находятся в стадии научной проработки экспозиции: ангаро-илимская, верхоленская, трактовая, городская, витимская золотопромышленная, переселенческая, рабочая слобода, а также национальные – бурятская, эвенкийс-

кая, тофаларская.

Центральной экспозицией музея стала ангаро-илимская. Строительство ее практически завершено. В экспозиции реконструируется историко-культурная среда конца XVIII – начала XX в. русского старожильского этноса, проживающего по среднему течению рек Ангары и Илим. Эта территория Предбайкалья до конца 50-х гг. XX в., из-за отсутствия развитой сети коммуникаций, меньше всех остальных была затронута современными формами цивилизации. Поэтому именно здесь в значительном объеме сохранились уникальные памятники истории и архитектуры XVII и XVIII вв.

Основными типами ведения хозяйства жителей этой историко-культурной зоны были земледелие и охота.

В состав ангаро-илимской экспозиции входят волостное село, деревня-малодворка, каскад водяных мельниц, сибирское кладбище, покосная заимка.

В экспозиции волостного села доминантой стал уникальный памятник истории и архитектуры XVII в. – Илимский острог. История возникновения Илимского острога уходит в далекий 1630 г., когда казаками было основано зимовье, а уже на следующий год построили первый острог. К сожалению, он просуществовал недолго: сгорел в 1647 г. В этом же году построили второй острог. В 1666 г. он тоже сгорел. Вновь назначенный в этом году илимским воеводой Оничков, прибыв на место назначения, увидел вместо острога одно пепелище и 8 августа 1667 г. по распоряжению правительства приступил к строительству нового острога на обширном лугу, в полутора километрах от старого. По замыслу строителя, новый острог должен был не только выполнять роль крепости, но и стать кремлем новой сибирской столицы, во владении которой находилась огром-

ная территория, равная территории нескольких европейских государств. Острог состоял из восьми башен, три из которых были въездными и украшались часовнями на свесах. Скрываемый поворотом реки и лесом, острог открывался для путешественника неожиданно, поражая его своей красотой, величием и мощью. До наших дней сохранился его фрагмент в виде Спасской проезжей башни да раскопанных фундаментов некоторых острожных башен и тыновых стен.

Острог находится в стадии реконструкции. Уже полностью воссоздана западная стена с центральной Спасской проезжей башней и боковыми боевыми башнями. Реконструированы тыновые стены. Оригиналом реконструкции выступает толь-

ко Спасская проезжая башня. Ее реставрация завершена в 1984 г. При реконструкции степень замены старой древесины на новую незначительна. В стене только пять нижних от земли бревен новодельные. Спасская башня – одна из шести сохранившихся в мире острожных башен-оригиналов. Достоверная информация о строительстве башни дошла до нас от непосредственного ее создателя – подьячего Илимской съезжей избы Никиты Лазарева: «Спасская проезжая башня построена среди острожной стены – четыре сажени без аршина да обломом 8 ярдов, рублена «в лапу» под скобель, вершина шатром с крышкою, крыта тесом, высота башни до орла 8 сажени печатных...»

Тыновые межбашенные

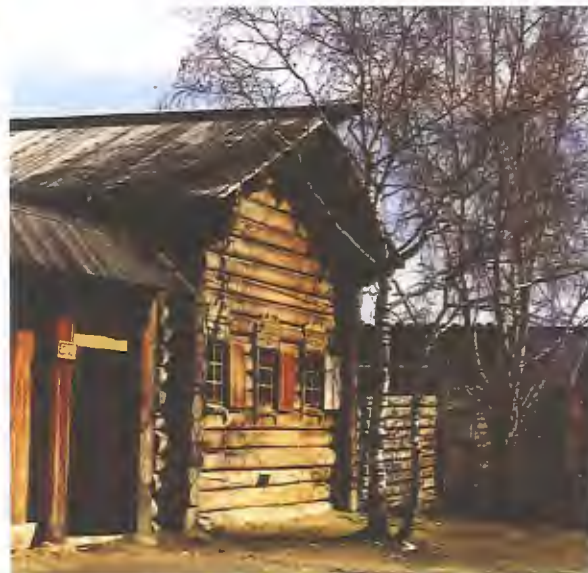

Экспликация

- А. Ангаро-Илимский сектор
- А1. Комплекс «Деревня малодворка»
- 1. Усадьба Непомилуева
- А2. Комплекс «Волостное село»
- 2. Спасская проезжая башня Илимского острога
- 3. Казанская привратная церковь Илимского острога
- 4. Церковно-приходская школа
- 5. Усадьба крестьянина Зарубина
- А3. Комплекс «Мельничный каскад»
- А4. Комплекс «Покосная заимка»
- А5. Комплекс «Кладбище»
- А6. Комплекс «Охотничье промысловый стан»
- Б. Бурятский национальный сектор
- Б1. Комплекс «Зимник»
- 6. Деревянная бурятская юрта IX века
- Б2. Комплекс «Летник»
- Б3. Комплекс «Кладбище»
- Б4. Комплекс «Культовые постройки»
- В. Трактово-подгородный сектор
- Г. Верхоленский сектор
- Д. Эвенкийский национальный сектор
- Е. Витимский сектор
- Ж. Тофаларский национальный сектор

1

1

Фото 1-6 предоставлены автором

стены служили своеобразным оборонительным забором, заполнявшим пространство между острожными башнями. Высота тыновых стен над землей 4,6 м. В землю они уходят на глубину 1,8 м. С внутренней стороны тыновые стены поддерживаются прислоненным вплотную к первому вторым, более низким рядом бревен, называемым

подтынником. Тынины изготавливались из лиственных бревен и заострялись в верхней части до такой степени, что нападающий, сорвавшись на такие заостренные тынины, мог значительно пораниться.

В состав Илимского острога входила и привратная Казанская церковь. Официальной датой ее постройки

считается 1679 г., хотя некоторые ученые приводят доказательства более раннего времени ее строительства, близкого ко времени строительства последнего Илимского острога. Церковь была построена рядом со Спасской проезжей башней и играла роль не только культового сооружения, но и оберега для острога, так же как

и часовня на свесях. Несмотря на многочисленные более поздние пристройки, в музее церковь отреставрирована в первоначальном варианте. Внутренний объем церкви разделен на алтарь, собственно церковь и трапезную. Довольно полное описание перестроенной церкви сделано священником Спасской церкви заштат-

5

ного города Илимска М. Си-
зовым в 1883 г.: церковь
«напоминала сложенную из
бревен обыкновенную про-
долговатую избу, крытую те-
сом на два ската... на крыше
алтаря был устроен ориги-
нальный, весьма значитель-
ный по объему купол (боч-
ка). Оригинальность его за-
ключалась в том, что он не
обшит досками, а оббит кру-
гом небольшими реденькими
дощечками (лемеха), распо-
ложенными внаклад одна
над другой». По внешнему
облику Казанская церковь
близка архитектуре северо-
русских церквей, что и неу-
дивительно: ведь основная
масса первопроходцев, осва-
ивавших сибирские земли,
шла с севера России.

В музее «Тальцы» рядом с
Казанской церковью стоит
одноклассная церковно-при-
ходская школа, вывезенная
из с. Кеуль Усть-Илимского
района Иркутской области.
Школа построена в 1885 г. В
плане это квадратное зда-
ние. Сруб рублен из бревен
«в лапу». Кровля четырехс-

катная, крыта тесом. Карниз
и фриз обшиты профилиро-
ванной доской, здание имеет
десять крупных окон, одно
из которых спаренное. Окна,
на городской манер, боль-
шие, украшены наличниками
барочного типа. Внутри по-
мещение делится на коридор,
классную комнату и по-
мещение для учителя (спаль-
ню и столовую). В помеще-
нии для учителя есть допол-
нительный отдельный вход
через прирубленные с за-
падной стороны холодные
сени.

На въезде в волостное се-
ло справа и слева напротив
друг друга расположились
разновозрастные усадьбы
крестьян Московского (ко-
нец XVIII в.) и Зарубина
(1929 г.), наглядно показы-
вающие даже несведущему в
архитектуре человеку, нас-
колько значительная эволю-
ция произошла в крестьян-
ском домостроении за время
между строительством этих
домов. Дом усадьбы Моско-
вского, вывезенный в музей
из д. Антонова Братского

4

района и датируемый кон-
цом XVIII в., представляет
собой сруб-пятистенок с
подклетью, делящийся капи-
тальной стеной непосред-
ственно на избу и холодные
сени. Крыша самцовая, двус-
катная, крытая тесом. Окна
маленькие, окантованные
трехсосными косяками, сое-
диненными между собой «в
ус». Этот архаичный прием
устройства окон свидетель-

ствует о древности дома. Ок-
на, вероятно, в конце XVIII
в. были затянуты бычьим пу-
зырем. Дом Зарубина строи-
лся уже с учетом запросов
XX в., под влиянием городс-
кой архитектуры. Рубили
дом из круглых бревен диа-
метром 36 см, длиной до 11
м, «в обло». Дом имеет де-
сять больших окон и четыре-
хскатную кровлю. Налични-
ки окон на городской манер

Фото Инны Дружининой

украшены резьбой с узором, состоящим из розеток с криволинейными волютами. Мощные, под стать дому, ворота покрыты двускатной крышей и богато декорированы рядами точеных баясин.

Не менее интересна в плане эволюции архитектуры расположившаяся в начале деревни-малодворки усадьба конца XVIII в. крестьянина Непомилуева, вывезенная в музей из д. Гарманка Братского района.

Приходя на новые территории, переселенцы на пер-

вых этапах их освоения имели достаточно информации о климатических особенностях этих территорий. Поэтому при обустройстве хозяйства они вели строительство в соответствии с традициями тех мест, откуда прибыли. В домостроении, в частности, широко использовался дом, совмещенный под единой крышей со скотным двором. Несмотря на то, что в XVII-XVIII вв. таких строений было много, до нас дошли лишь упоминания о них в литературе.

Климатические условия,

характер хозяйственной деятельности (земледелие, животноводство, промысловый уклад) со временем обусловили существенные, если не сказать – кардинальные, изменения как в планировке усадеб, так и непосредственно в облике жилых домов. Процесс приспособления к новым условиям происходил эволюционно, растянувшись почти на два столетия (с XVII по XIX в.).

Незначительный по сравнению с севером России снежный покров в Предбайкалье позволил вначале час-

тично, а потом полностью отказаться от крытых дворов, совмещенных с домом под одной крышей, и перейти к строительству открытых дворов. Таким образом, с XVIII в. в Предбайкалье формируется новый тип планировки усадеб: в центре усадьбы горницей на улице – жилой дом, а справа и слева от него – открытые дворы с хозяйственными постройками. Чистый двор выстилался полубревнами и имел набор хозяйственных построек для хранения продовольствия и имущества. Скотный двор, в

соответствии со своим названием, обеспечивал возможность обслуживания домашних животных и был, как правило, земляным.

Непомилуевы строительство жилого дома начали в конце XVIII в. Вначале была построена одна половина дома. Семья росла, и в доме стало тесно. Тогда крестьянин в начале XIX в. возводит рядом точно такую же половину и связывает обе половины холодными сенями. Таким образом получился дом из двух половин, соединенных холодными сенями, с выходом из сеней на обе стороны, на крыльца. Этот тип дома получил впоследствии название «дом-связь».

В музейных экспозициях, отражающих материальную и духовную культуру русского этноса, в целях максимальной характеристики архитектурных типов жилых строений, бытовавших в Предбайкалье, собраны и оборудованы дома: одноколок, пятисенок, дом-глаголь и другие.

Помимо жилой, оборонной и культовой архитектуры в экспозициях музея размещены или планируются к размещению административные здания: волостная управа, почтовая станция, земская больница; хозяйственные постройки – мангазая (амбар для хранения страхового фонда зерна), водяные мельницы, дома-лавки, постоялые двory, трактиры.

В архитектурном плане заслуживает внимания рассмотрение еще одной очень интересной экспозиции, относящейся к материальной культуре коренной народности Предбайкалья – бурят. Это уже построенная и функционирующая экспозиция бурятского улуса-летника. Основу ее составляют деревянные восьмистенные юрты-оригиналы конца XIX в. В экспозиции их шесть. Пять юрт вывезены из улуса Алагуй, расположенного в окрестностях д. Бугульдейка Ольхонского района, и одна юрта вывезена из улуса Баянгазуй Эхирит-Булагатского

района Усть-Ордынского Бурятского автономного округа. Все юрты отличаются между собой как по характеру стен (бревно, полубревно, фигурное бревно), так и по характеру кровли (дерновая, крытая драньем или тесом, многослойная). Во внутренних пространствах юрт, со стороны женской половины, иногда бывает дверь в пристроенную к юрте кладовую. В центре юрты – место под очаг. Дым от костра выходил в расположенное в центре кровли дымовое отверстие.

Деревянные юрты встречаются только у некоторых народностей Алтая и у нас в Предбайкалье. Такими юртами буряты Предбайкалья пользовались еще до прихода русских. Одна из гипотез их появления относит их ко временам Чингисхана. Скорее всего, именно тогда, после походов его воинов на Русское государство, произошло их знакомство с деревянным домостроением. Удобство деревянных домов, национальные традиции проживания восточных народностей исключительно в юртах, наличие большого количества среди плененных народов мастеровых-плотников в общем оказались плодотворной почвой для появления такого архитектурного феномена, как деревянное юртостроение.

Экспозиционная структура музея к настоящему времени сформирована на 8% от проектного объема музея. В стадии научной проработки и комплектации находятся верхоленская, трактовая, городская, бодайбинская золотопромышленная, переселенческая экспозиционные зоны, рабочая слобода. Для некоторых из них в музей уже завезены строения-памятники. Они пока собраны во временной сборке. В них временно разместили выставочный зал, гончарную и берестяную мастерские, трактир, пункт охраны.

Музейный комплекс «Тальцы» стал первым в

6

Предбайкалье форпостом по сохранению уникального культурного наследия, сформированного в суровых климатических условиях многонациональным народом, населившим этот богатейший в природном отношении край. Собранные и реконструированные в музейной среде образцы традиционной народной культуры Предбайкалья займут достойное место в мировом культурном

наследии благодаря новым формам трансляции будущим поколениям, какими во всем мире в последние десятилетия становятся музеи под открытым небом.

Владимир Тихонов

Алексей Бавыкин
Александр Колесников
Станислав Григорьев
Владимир Распутин
в усадьбе Непомилуева

Фото Виктории Астраханцевой

Деревянная архитектура заповедной, Кругобайкальской

текст
Алексей Чертилов

фото
Алексей Чертилов

В продолжение темы о природно-культурном феномене – Кругобайкальской железной дороге, к 100-летию ее создания (см. «ПБ» № 2/2004, с. 16-19)

Побережье Байкала-моря между истоком Ангары и Культурской долиной до прокладки здесь Кругобайкальского (западного) участка Транссибирской магистрали не было совсем уж «диким», как это освещалось в те годы в печати, неосвоенным. Здесь в долинах рек, распадках существовали крестьянские заимки, сенокосы, рыбацкие станы, зимовья, которые пришлось выкупать у владельцев за счет государственной казны. А в устье реки Половинной, на правом ее берегу, находился, ни много ни мало, таможенный пост. Другими словами, к началу прошлого столетия, до того как сюда пришли изыскатели и строители-железнодорожники, эти места уже были востребованы сибиряками, но были тихими, промысловыми. Кроме того, выйдя к озеру, Великий сибирский путь прошел рядом с древним селением Култук.

Деревенский и таежный характер прибайкальских сибирских построек не повлиял на стилистику и облик строящейся дороги, так как ее проектирование велось комплексно столичными инженерами сначала в Санкт-Петербурге и Иркутске, позже – непосредственно на строящейся дороге, в поселках Маритуе и Байкал, где были организованы специальные проектные конторы. Поэтому Кругобайкальская же-

лезная дорога (КБЖД) является образцом европейской строительной культуры, с выработанным царским Министерством путей сообщения своим, ведомственным стилем, т.н. «стиль-МПС». Единственное, что «позаимствовано» из сибирского опыта – это технология деревянного, притом городского домостроения. Рубка стен из круглого леса, вязка углов «в лапу» (без остатка), обшивка срубов тесом, строгое декоративное оформление фасадов – все это атрибуты архитектурных построек Кругобайкальского и других участков Транссиба.

Природно-культурный ансамбль заповедной дороги составляют естественные ландшафты, «вылепленные» за миллиарды лет самой Природой, и искусственные объекты, инженерно-архитектурные комплексы, созданные человеком всего-навсего сто лет назад. В инженерно-архитектурный комплекс дороги входят две группы разнообразных и многочисленных рукотворных объектов – инженерные сооружения и архитектурные постройки. Первые призваны обеспечить железнодорожное движение, то есть несут главную функциональную нагрузку. Вторые предназначены для обслуживания этих технических объектов и поездов, то есть находятся, точнее, находились полвека назад, до того, как западный участок КБЖД стал тупиковым, выведен из магистрального движения, в прямой зависимости от первых. В

свою очередь, архитектурное семейство Кругобайкальской дороги представлено: а) остановочными пунктами (ОП) – станциями и блокпостами (б/п), изначально разъездами; б) прижелезнодорожными жилыми поселками, как правило, при ОП и в) отдельными путевыми (линейными) постройками.

тербурге. Основные чертежи, схемы были опубликованы в 1907 и 1915 годах в двух крупноформатных альбомах(1). Благодаря этому, сегодня можно не только судить о масштабах стройки «одного из транспортных чудес света XX века» и профессионализме создателей этого «чуда», но и применять

ми, расположенными между ОП.

Остановочные пункты, путевые постройки, почти все поселки появились, как и весь ансамбль КБЖД, за два строительных периода – в 1902-1905 и 1911-1915 годы. Устанавливали гражданские постройки быстро, за считанные месяцы. В подавляющем большинстве, станционные, служебные, производственные здания, жилые дома, временные бараки, линейные постройки и надворные службы при них возводились по типовым или, в отдельных случаях, по специальным (индивидуальным) проектам. Основным строительным материалом для большинства построек стало дерево – самое доступное, относительно недорогое в наших краях и, что особенно важно, абсолютно комфортное для проживания в условиях сурового сибирского климата.

Проектная документация разрабатывалась с учетом опыта строительства других участков Транссиба и условий прокладки КБЖД в предгорно-прибрежной местности. Пропорции зданий, декоративное оформление фасадов можно назвать безупречными. Хотя на чертежах нет подписей архитекторов, авторами всех проектов архитектурных построек являются инженеры путей сообщения (или гражданские). Проектные материалы на постройки Кругобайкальской дороги хранятся в архивах, наиболее полной коллекцией обладает Российский государственный исторический архив (РГИА) в Санкт-Пе-

тербурге. Основные чертежи, схемы были опубликованы в 1907 и 1915 годах в двух крупноформатных альбомах(1). Благодаря этому, сегодня можно не только судить о масштабах стройки «одного из транспортных чудес света XX века» и профессионализме создателей этого «чуда», но и применять

старые чертежи на практике для восстановления утраченных объектов и исторического облика Старой дороги. Строительство инженерных объектов – производство скальной выемки, отсыпка ж/дорожного полотна, сооружение тоннелей, мостов, подпорных стенок – вели практически одновременно и сразу на всем протяжении участка, разбитого на небольшие строительные фрагменты, дистанции. Гражданские постройки(2) в основной массе устанавливали с небольшим отставанием от инженерных сооружений, в 1903-1904 году, когда уже во многом было отсыпано полотно. Но даже при этом работы приходилось вести параллельно по всем объектам. Поэтому многие здания сначала ставились без фундаментов и на временных местах, потом, по мере готовности постоянной площадки, переносились (передвигались).

Согласно техническим условиям на постройку «гражданских сооружений» первого пути Кругобайкальской дороги(3), пассажирские здания III, IV и V классов и жилые дома ставились «...деревянные на каменных фундаментах и цоколях, крытые железом, с наружной обшивкой и окраской и внутренней оштукатуркой стен и потолков; полы двойные на балках, окрашенные». Линейные постройки (казармы, полуказармы, сторожевые дома) делались несколько проще – «...деревянные, на сплошных каменных фундаментах, кры-

Типовая путевая постройка – полуказарма 1-го пути в пади М. Баряничик (поселок Байкал). 74 км

Пассажирское здание с. Маритуй. Резной козырек ждет возвращения хозяйина – станционного колокола

Прижелезнодорожный поселок в долине реки Половинной. 110 км

тые железом, с наружной обшивкой и окраской; полы одиночные на лагах, неокрашенные, потолки простильные польские, окна – столярной работы, двери – плотничной...». Временные бараки, а также иногда и линейные, жилые здания ставились на деревянные стулья из обожженной и осмоленной лиственницы, с устройством «завалин».

Стены рубились в основном из самого распространенного в Сибири строительного дерева – сосны, нижние венцы – из лиственницы. После неизбежной усадки сруба, через год, стены основательно конопатились. Снаружи здания обшивались тесом (калевой доской) и оформлялись наличниками, декоративными пилястрами, тягами (профилированными поясками), кронштейнами. Деревянная обшивка и металлическая кровля покрывались предохраняющими от атмосферного воздействия олифой и масляными красками на натуральной основе. Цветовое решение фасадов было единым для Транссиба: плоскости стен – темный сурик, наличники окон, декоративные детали – сочная охра. Во второй период зашивались вертикальной доской только углы и широкая карнизная часть стен, бревенчатые же срубы оставались открытыми, не красились, также как и «польские» потолки⁽⁴⁾. Внутренние поверхности стен либо штукатурились известковым раствором, либо обмазывались глиной. Оштукатуренные потолки и печи окрашивались мелом на клею, а стены – известковыми, клеевыми, масляными красками или клеивались обоями.

Все станционные, жилые, линейные здания имели «дворовое место», на котором располагались обязательные хозяйственные строения (надворные службы), необходимые для работы и жизни железнодорожников в местных условиях: сараи и кладовые, коровники и скотники, в том числе, с сеновалами во втором уровне, ледники, отхожие места, помойные ямы. Дворы ограждались «...решетчатыми деревян-

ными заборами или плетневыми изгородями, с ...воротами и калитками, с железными при них приборами» (жиковины, засовы и пр.). Бани ставились общие на группу зданий или одна на поселок.

Лишь отдельные здания на станциях выложены из местного природного камня в комбинации с кирпичом: мастерские, депо и некоторые другие производственные. И как бы в противовес всем деревянным постройкам Кругобайкалки, на главной, самой крупной станции – Слюдянке – было поставлено каменное монументальное пассажирское здание, облицованное знаменитым слюдянским мрамором «белого и розоватого цвета».

Два строительных периода отразились на общем облике ансамбля КБЖД, здесь хорошо прослеживается мода на архитектуру того времени. Если первый период известен своей аскетичностью, здания выполнены в т.н. «классицистическом» стиле и схожи с объектами других участков Транссиба, то второй период отличается большей выразительностью построек. Это связано с влиянием утвердившегося и популярного в то время в Европе и России стиля модерн. Не минуло увлечение этим модным художественным течением и создателей Кругобайкалки – все без исключения здания второго пути (и станционные, и жилые, и путевые) имеют объемное решение, декоративное оформление как фасадов, так и интерьеров, характерные для Art Nouveau.

Тогда же, наряду с типовыми проектами, больше чем в первый период, применялись индивидуальные. На западном участке дороги по ним были построены здания блокпоста Лиственничного, пассажирское на станции Шарыжагай, жилые дома (по одному) в поселках при станциях Хвойной, Маритуй и Слюдянке, железнодорожное училище в Маритуйе и ряд других. Они существенно разнообразили комплексы ОП и поселков, являлись их архитектурно-композиционными

акцентами. По типовому проекту в модерне, но применительно единственный раз (а потому не имеющему аналогов), было исполнено здание б/п Пономаревка (5), сложное в плане и объеме, с выступающей частью основного служебного помещения со стороны путей в виде полуосьмигранника.

В итоге, на западном участке КБЖД за оба периода освоения в начале прошлого столетия появилось порядка 250 капитальных (отопливаемых) архитектурных построек – станционных, служебных, производственных, жилых и линейных. В среднем на километр пути их приходилось по три, а с учетом жизненно необходимых многочисленных надворных служб, в несколько раз больше – до одной тысячи.

Дерево всегда было и остается в Сибири универсальным, во многом незаменимым строительным материалом, из него строили и будут строить всевозможные объекты. На Кругобайкальской дороге дерево, даже в большем объеме, нежели в гражданских постройках, применяли в качестве строительных крепей, лесов при пробивке тоннелей и возведении мостов, виадуков, опорных стенок. Некоторые пролеты малых мостов (правда, короткое время, до замены на металлические) также выполнялись из дерева. Деревянными были шпалы и железнодорожные платформы, телеграфные, верстовые, пикетные столбы и многое другое.

Остановочные пункты

К началу строительства Кругобайкальской дороги, у истока Ангары уже существовала станция Байкал, являвшаяся конечным пунктом ветки Иркутск-Байкал Забайкальской железной дороги. Отсюда в 1900-1905 годы обеспечивалась паромная и ледовая переправа железнодорожных составов, грузов и пассажиров через озеро. После передвижки и реконструкции эта станция стала начальной на кругобайкальской линии.

В первый период освоения на западной части дороги, кроме названной станции, было организовано 11 остановочных пунктов. Из них четыре станции – Хвойная, Маритуй (примерно посередине этого отрезка), Шарыжалгай и Слюдянка. Остальные – разъезды, которые устраивались между станциями в качестве дополнительных, не предусмотренных проектом на постройку КБЖД, в 1905 г., в срочном порядке, для увеличения пропускной способности дороги с 7 до 15 пар поездов в сутки с целью обеспечения переброски войск и воинских грузов к «театру военных действий с Японией». Шесть разъездов были постоянными (Лиственичный, Толстый, Пономаревка, Бакланый, Хабартуй и Култук (последний позже превращен в станцию) и один временный, при воинском продовольственном пункте – Култук-2, недалеко от разъезда Култук, который был ликвидирован уже в начале XX века. В 1905 г. строились также не предусмотренные проектом, но необходимые дополнительные станционные, служебные, жилые и путевые здания. При прокладке второго пути укрупняются станции, некоторые реконструируются, разъезды преобразовываются в блокпосты (б). В итоге, после окончательного строительства дороги здесь действовало 10 остановочных пунктов – пять станций и столько же блокпостов. Все станции западного участка КБЖД были V класса, где как главные, так и вспомогательные здания строились в основном по типовым проектам из дерева. Исключением стали станции Слюдянка – III класса и Байкал – IV класса.

Стандартный набор построек на станциях V класса: пассажирское здание (главное станционное строение), водогрейка, пакагауз, пожарный сарай, керосиновый погреб, ледник, теплое отхожее место «при пассажирской платформе» (уборная с печным отоплением в холодное время года), один или несколько жилых домов с надворными службами, две стрелочных будки у входных стрелок и комплекс сооружений автономного водоснабжения станции. Комплекс водоснабжения по технологической цепочке: водоприемный колодец (забор воды из Байкала) с будкой над ним, водоподъемное здание (ВПЗ) с каменной или железной трубой и пристроенным домом для машиниста (при механизмах ВПЗ),

водоёмный каменный бак (резервуар) и здание над ним, два путевых чугунных гидравлических крана для заправки паровозов водой, пожарный и «пожарно-водоразборные» краны. Между ними прокладывались в скальном грунте водопроводные трубы, от одной системы заправлялись паровозы и снабжались водой основные постройки станции. Из всех станционных зданий лишь водоподъемные делались каменными, остальные были деревянные.

Станции и разъезды (блокпосты) предгорного, западного участка дороги, в соответствии с типовыми планировочными схемами и детальными проектами, из-за отсутствия естественных и достаточных для их размещения береговых площадок, строились на специально уширенных полках ж/дорожного полотна с озерной стороны, имели вытянутую однорядную планировку. Нарушали эту строчную схему лишь водоёмные здания, которые устанавливались на противоположной стороне путей, выше полотна на косогорах, в вырубленных полках. Станции Култук и Слюдянка находятся на открытых долинных территориях, что позволило располагать здания с обеих сторон от путей.

В отличие от станций, разъезды состояли из минимально-

Пассажирское здание станции Култук. 156/157 км

«Нетиповое» здание блокпоста Лиственичного. 80 км

го набора построек: пассажирское здание или здание разъезда, совмещенное с жилыми помещениями, т.н. «жилой дом-разъезд», один или два жилых дома с надворными службами, водогрейка, теплое отхожее место, стрелочные будки. Заменявшие их блокпосты выглядели еще скромнее – фактически одно здание самого блокпоста с квартирами и служебными комнатами (аппаратными), иногда жилой дом и надворные строения. Помещения для пассажиров в них не выделялись, так как плановые остановки поездов на блокпостах, после запуска второго пути, не предусматривались, поэтому стрелочные будки, а также водогрейка и уборные для пассажиров не требовались.

В 1904 году на станции Байкал по индивидуальному проекту было построено пассажирское здание, богато декорированное, с высокими шатрами – самая крупная, площадью 496 кв. м, деревянная постройка на КБЖД. Несколько лет назад этот интереснейший архитектурный памятник был совершенно необоснованно демонтирован, хотя находился вполне в удовлетворительном техническом состоянии, якобы с целью реставрации. На самом деле – безжалостно растащен на дрова местными жителями, и сегодня производится его, так сказать, «восстановление», но почему-то не из круглого леса, а из обыкновенного бруса и по проекту, не отражающему первоначальный облик. То есть нарушаются главные реставрационные принципы – подлинность материала и сохранение ценных исторических параметров. Это было второе, новое пассажирское здание уже кругобайкальской линии. Первое было поставлено в конце 1890-х по проекту, разработанному для Забайкальской дороги(7). Во время гражданской войны в июле 1918 года оно полностью разрушено от взрыва вагонов с динамитом, находившихся рядом(8).

Станция Слюдянка является конечной (или начальной, что зависит от выбранного маршрута) заповедного участка. Все ее основные объекты построены в начале XX столетия по специальным проектам. Наиболее значительные архитектурные памятники выполнены из природного камня и кирпича: пассажирское, водоемное и паровозное здания, мастерские. Наряду с ними, большой интерес представляют деревянные постройки – здание пристанционной православной Николаевской церкви, служебные, административные здания и многочисленные жилые дома. Станция Слюдянка с развитым поселком железнодорожников дала толчок для возникновения города, сегодня это административный центр Слюдянского района.

Прижелезнодорожные поселки

Из-за отсутствия достаточных площадок для обеспечения жилыми квартирами служащих дороги непосредственно на остановочных пунктах, практически при всех распадках еще

в начале XX века возникли жилые поселки. Специально, в качестве поселков, они не проектировались, а организовывались либо в составе ОП, либо как самостоятельные жилые группы рядом с ними. Как правило, это были небольшие комплексы, всего из 2-3-х, максимум из 5-ти зданий при малых станциях и разъездах-блокпостах (далее, МЖП – малый железнодорожный поселок). В основном они формировались типовыми линейными постройками и несли, в том числе, функцию обслуживания и охраны ближайших инженерных сооружений.

Относительно крупные поселки образовались при развитых станциях – Байкал, Маритуй и Слюдянка, которые застраивались типовыми жилыми домами, реже индивидуальными. Всего в первый период для Кругобайкальской дороги было разработано 22 типа жилых домов для разъездов и станций, руководящего состава и разных служб (от 1 до 16 квартир и площадью от 110 до 325 кв. метров(9)). Кроме того, на КБЖД использовались проекты, разработанные для Забайкальской (и Средне-Сибирской?) железной дороги. Во второй строительный период типовые проекты жилых домов специально для КБЖД не выполнялись, зато было построено два роскошных больших дома по специальным проектам для начальства в стиле модерн в поселках при станции Хвойной (пл. 181 кв. м) и Маритуй (пл. 348 кв. м), оба утрачены. Маритуйский дом был самым крупным из жилых и, пожалуй, наиболее характерным представителем модерна из всех объектов Кругобайкалки(10). Он выгодно выделялся в поселке расположением на возвышенном месте в долине, монументальностью, сложной объемной композицией, лаконичным и притом оригинальным декором фасадов.

Самый большой и разнообразный жилой комплекс был построен и сохранился на станции Слюдянка. Здесь в начале XX века насчитывалось более 50 жилых домов в пять линий (сегодня улицы), до пятнадцати различных типов. На западном участке КБЖД также существуют небольшие поселки строителей, возникшие как временные в 1900-1910-е гг. и позже оставленные для эксплуатации дороги (Шумиха, Половинный, Ангасолка и др.), где изначально преобладали бараки и временные жилые дома. В советское время в таких

Деталь фасада путевой постройки 1-го пути. Чердачное окно сторожевого дома на 154 км (утрачен в 2004 году)

Путевая постройка – полуказарма 2-го пути. 106 км

поселках обветшавшие строения заменялись на новые, также барачного типа, а в 1960-1980-е гг. сюда переносились линейные здания с других мест этого же участка дороги.

Путевые (линейные) постройки

Западный участок Кругобайкальской дороги построен в предгорной, чрезвычайно пересеченной местности, в особых скально-опасных условиях, поэтому здесь появилось огромное количество инженерных сооружений. Это сделало его сложным в эксплуатации, что, в свою очередь, потребовало размещения значительного служебного персонала. В связи с чем, за оба строительных периода между остановочными пунктами для путевых обходчиков, дорожных мастеров и рабочих, охраны было возведено около ста путевых (линейных) построек. То есть, на один километр пути их приходилось по 1-2(11). Это существенно больше, чем на других участках Транссиба.

Линейные постройки размещались: а) большая часть на уширенных специально для этого полках ж/д полотна, чаще с озерной стороны, реже с нагорной, в скальных углублениях выемки; б) некоторые на вырубленных полках в косогорах выше полотна и в) многие в устьях долин рек, ручьев и распадках, на вырубленных или насыпных полках. В последних ситуациях, как правило, это была не одна, а группа построек, которые и рассматриваются нами сегодня как МЖП. Распределяли их около всех тоннелей и галерей и значительных мостов, то есть у стратегически важных, а поэтому требующих охраны объектов. По сути, это жилые, условно гостинично-квартирного характера, небольшие здания – одиночные и двойные сторожевые дома или будки (площадью 27-70 кв. м), более крупные – полуказармы и казармы (90-130 кв. м), из которых две трети построено в первый период, в 1903-1905 гг.

Устанавливали путевые постройки с надворными службами по разработанным специально для КБЖД, исключительно типовым проектам. Во второй период рационально использовали, перестраивали временные сооружения, появившиеся в начальный строительный период. Например, существовали

«...сторожевые дома типа постройки 1-го пути... возводимые из срубов типовых барачков»(12). Лишь одно линейное здание на заповедной дороге хотя и было построено по типовому проекту, но в одном экземпляре – казарма 2-го пути на 115 км. В этом плане оно являлось уникальным, кроме того, было самым большим из всех линейных (пл. 152 кв. м, утрачено). Благодаря универсальной функции путевых зданий (сторожевой-жилой дом), удобной планировке и компактности, их нередко включали в комплексы станций, разъездов-блокпостов и поселков.

Несмотря на ограниченный набор объектов (всего четыре типа – казарма, полуказарма, двойной и одиночный сторожевые дома), строители Кругобайкальской дороги добились эффекта разнообразия, линейные постройки не были «на одно лицо». Достигнуто это простыми средствами. Во-первых, различным расположением зданий по отношению к путям (поэтому, наверняка, все их фасады спроектированы равнозначные, главные). Во-вторых, из-за постоянно меняющихся ландшафтов, которые служат им естественными и разнохарактерными «декорациями». И в-третьих, благодаря частичному, незначительному изменению фасадов, например, в некоторых зданиях 2-го пути практиковалась сдвижка крыльца.

Сталинская эпоха

В период активной эксплуатации, в 1930-1940-е гг., с целью размещения отдельных гарнизонов НКВД, направленных для усиленной охраны Кругобайкальской дороги, на ж/д полотне, остановочных пунктах, в поселках и в долинах, распадках строится несколько десятков жилых воинских домов (т.н. казармы НКВД). Это были обычные деревянные постройки барачного типа, крупных размеров, вытянутые в плане, скорее всего стандартные, по типовым проектам. Архитектурной ценности не представляют. Качество исполнения многих из них явно уступало «царским» строениям КБЖД. Сохранились единицы: в поселках Байкал, Бакланий, Крутая Губа и Ангасолка.

Тогда же, в целях защиты основания полотна от разрушающего воздействия волн Байкала, на берегу появилась целая серия деревянных ряжей. Распространенная конструкция гидротехнических сооружений, в том числе не раз примененная при строительстве КБЖД (берегоукрепление, «ряжи-волноломы», пристани, пирсы), несложная в исполнении – деревянный сруб, заполненный камнем – легко адаптирована в береговой ландшафт. Ряжи являются органичным дополнением ансамбля Кругобайкалки, многие из них сохранились, эффективно «работают» по сей день, т.е. несут важную берегозащитную функцию. Поэтому будет целесообразным, при необходимости, устанавливать и в дальнейшем такие сооружения, наравне с другими традиционными предо-

Фрагмент фасада типового жилого дома в Слюдянке (ул. Тонконога, 23)

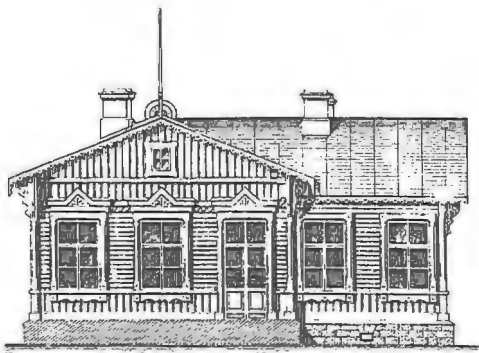
Жилой дом, тип №8 на станции Култук. 157 км

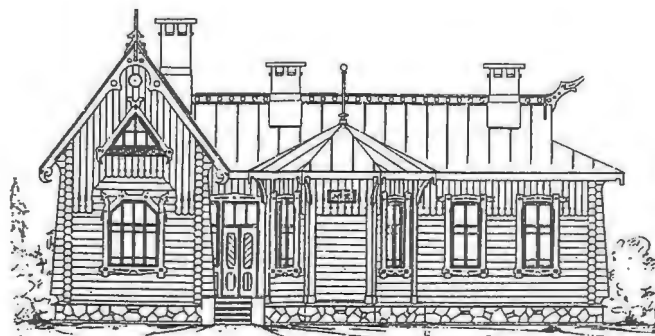
Типовые и специальные (индивидуальные) проекты гражданских построек КБЖД(1)

Здания первого периода строительства 1902-1905 гг.

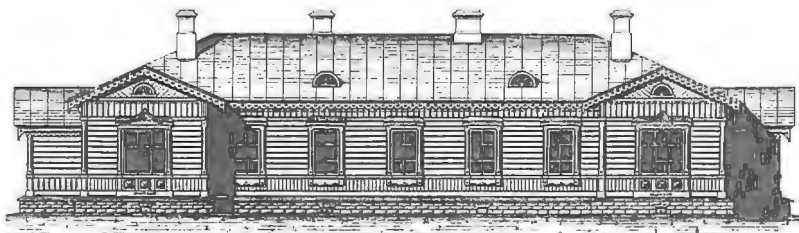
Здания второго периода строительства 1911-1915 гг.

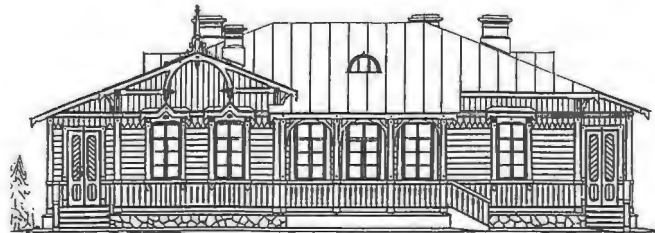
1

2

3

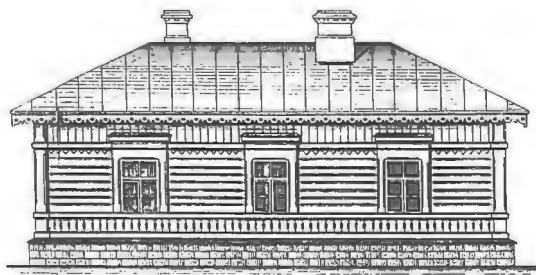

4

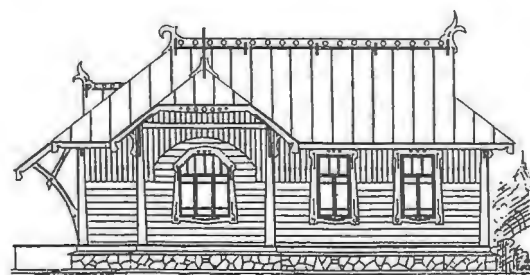
Типовые линейные постройки первого периода

Типовые линейные постройки второго периода

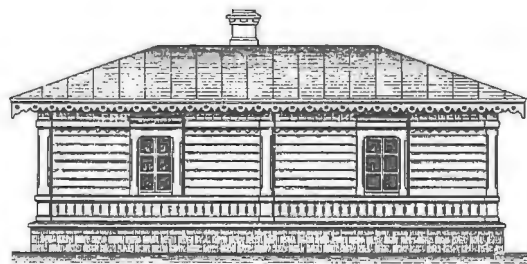
- 1. Типовое пассажирское здание станции V класса
- 2. Типовое здание блокпоста
- 3. Типовой жилой дом
- 4. Жилой дом по специальному проекту в поселке при ст. Хвойной
- 5-6. Полуказарма
- 7-8. Двойной сторожевой дом
- 9-12. Одиночный сторожевой дом (будка)

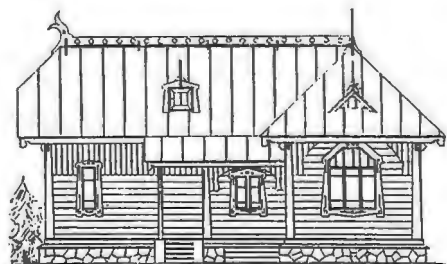
5

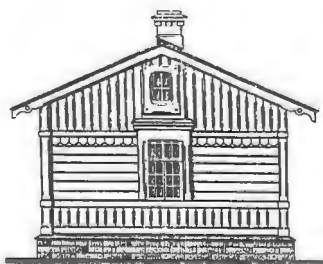
6

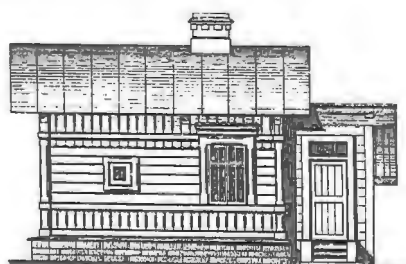
7

8

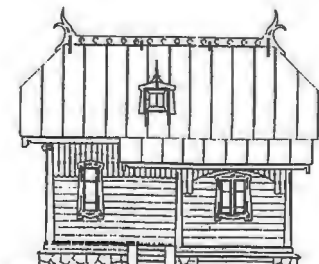
9

10

11

12

ранительными стенками, каменными набросками на проблемных участках.

Период деградации. Утраты в архитектурном комплексе КБЖД

После того, как западный участок КБЖД от станции Байкал до Култука в 1956 году стал тупиковым и был выведен из транзитного движения, были ликвидированы и полностью утрачены: одна станция Хвойная (Уланово) и четыре разъезда-блокпоста – Лиственичный, Толстый, Пономаревка и Хабартуй, а также многие малые поселки и практически все школы, детсады, магазины, медпункты, клубы. Ее законным пользователем, Восточно-Сибирской железной дорогой (ВСЖД), по приказу МПС производилась плановая перевозка зданий с ликвидированных ОП, большинства путевых построек на другие, действующие участки дороги. Переносимыми объектами, в том числе, укрупнились, формировались некоторые поселки непосредственно на западном участке, в частности, Шумиха, Половинный, Ангасолка и станционные комплексы. Во время переноса здания претерпели неприятные искажения исторического облика, сегодня в них трудно узнать образцовые кругобайкальские постройки. Другие растаскивались и продолжают воровски разбираться местными жителями на дрова, попросту безжалостно уничтожаясь.

До настоящего времени сохранилось примерно 60 зданий на ОП, в поселках и 27 линейных. В итоге, за период 1960-2000-х годов ансамбль Кругобайкалки понес громадные утраты среди деревянных архитектурных объектов – исчезло две трети от всех, построенных в начале XX столетия. На месте исчезнувших зданий можно обнаружить фундаменты, заросшие травой, кустарником и деревьями. Особенно больно воспринимаются утраты построек эпохи «модерн-МПС». Большинство из них уже нет. Сегодня архитектурные шедевры, выполненные из дерева в модерне по индивидуальным проектам, представлены лишь тремя. Это здание б/п Лиственичного (воссоздано в 1990-х), пассажирское здание в Шарыжалгае (его фасады изуродованы последним ремонтом) и жилой дом в Слюдянке. Все остальные подобные памятники архитектуры, самые интересные, они же и самые крупные – по недомыслию, халатности «хозяев» и при явном попустительстве инспекционных, контролирующих органов, совершенно бездарно пошли на утилитарные хозяйственные постройки и сожжены в печах местного населения. А ведь они могли и должны были стать основой будущего музейно-туристического комплекса Кругобайкалки.

Буквально этой осенью уничтожена еще одна постройка – сторожевой дом 1-го пути на 154 км. Как и предыдущие, раскаты на дрова аборигенами. В этой убийственной очереди стоят следующие жертвы халатности и безнаказанности – здание больницы в поселке Маритуй и полуказарма 2-го пути на 159 км. Давно не используются, изнутри полностью разорены. Так качественно строить из дерева, как сделаны «гражданские сооружения» КБЖД, мы разучились. Ума и усердия хватает лишь на разборку добротных срубов, как правило, находящихся в хорошем состоянии.

Из порядка 40 архитектурных комплексов западного участка КБЖД (остановочных и населенных пунктов, включая МЖП), появившихся сто лет назад, до нашего времени сохранилась половина:

1. Станция Байкал с причалом (вилкой) для ледоколов, ныне порт Байкал, 72 км;
2. Поселок Байкал при этой станции, изначально, в 1900-х, в пади М. Баранчик была резиденция 1-го строительного участка, сегодня крупный, во многом дачный поселок, раскинувшийся по четырем падам, 71-74 км;
3. Поселок* (13) при блокпосте (разъезде) Лиственичном в пади Б. Баранчик, в большей части восстановлен в 1990-х под б/о, 80 км;
4. Поселок Шумиха, частично реконструирован и расширен в 1990-х под б/о, 102 км;
5. Поселок Ивановка, частично научная база РАН, 106 км;

6. Поселок при блокпосте (разъезде) Пономаревка, 107 км;
7. Поселок Половинный, 110 км;
8. Станция Маритуй, 119 км;
9. Поселок при этой станции в долине реки Маритуй, изначально резиденция 2-го строительного участка, 120 км;
10. Разъезд Бакланий, позже блокпост, ныне поселок, 129 км;
11. Поселок* в пади Шарыжалгай-2, 134/135 км;
12. Поселок* в пади Шарыжалгай-3, реконструирован в 1990-ые под спец. б/о ВСЖД, 137 км;
13. Станция Шарыжалгай, ныне детский спортлагерь ВСЖД, 138 км;
14. Поселок* при этой станции в пади М. Крутая Губа, 139 км;
15. Поселок Ангасолка (старая), ныне частично альпинистская база, 149 км;
16. Поселок* на 154 км;
17. Станция Култук, 156-157 км;
18. Поселок железнодорожников при этой станции (юго-вост. окраина Култука), 157-158 км;
19. Станция Слюдянка в комплексе с поселком железнодорожников, ныне пристанционная часть города, 166-167 (5311) км.

Наиболее пострадал отрезок дороги 75-101 км, где в «тупиковый» период исчезли одна станция, три блокпоста, все поселки и путевые постройки. Другими словами, целую третью часть по протяженности (26 км) «Золотой пряжки» Транссиба полностью освободили от «архитектурных излишеств». Правда, в 1990-е упомянутое уже здание б/п Лиственичного и поселок в пади Б. Баранчик восстановлены под базы отдыха с применением старых чертежей. В эти же годы попытались реабилитировать комплекс станции Хвойной (Уланово), также под базу отдыха. Но делалось это самовольно, без надлежащей проектной документации, что не позволило восстановить пассажирское здание, жилой дом (14) и казарму 1-го пути в первоначальном виде. Выглядят они недоделанными копиями стильных кругобайкальских построек, а поэтому являются досадной дезинформацией для посетителей. При этом были варварски выломаны тесные каменные блоки с единственного сохранившегося здания-памятника этой станции – водоподъемного, с целью использования для фундаментов под строения б/о. Тем самым обезображен его фасад с озерной стороны. «Созида» сомнительное новое, разрушаем доброе старое. Прямо как в большевистской песне: «...насилыно мы разрушим до основания, а затем...». А затем... «хотели как лучше, а получились...».

Ложка дегтя... и не одна от наследников Кругобайкалки

Какой будет Кругобайкалка в музейно-туристическом отношении, покажет будущее. Но как нельзя обращаться с за-

Жилой дом, выполненный по индивидуальному проекту во второй период стили модерн в Маритуйе. Утрачен в 1990-х

поведанным нам культурно-природным феноменом, постоянно демонстрируют сами железнодорожники, то есть его прямые наследники по ведомственной линии. Так ВСЖД позволила сама себе (самовольно, без требуемых согласований) строительство в 1990-х одной из своих баз отдыха в устье долины реки Шарыжалгай-3 на 137 км, т.н. «Дачи Комарова». В результате, к одному из сохранившихся здесь памятников архитектуры – двойному сторожевому дому – примыкает пристройка гостиницы, так сказать, в стиле «а ля КБЖД», гнетущая его своими массивными габаритами, выполненная, правда, из дерева. Мало того, по каким-то изувекским соображениям было решено «композиционно организовать» осваиваемую долину «современной доминантой». Поэтому обманутый таким образом посетитель вынужден видеть сегодня не идеальную картину исконного ландшафта с комплексом путевых построек железной дороги начала XX столетия, а «импозантную» базу отдыха с нахально торчащей башней. Функциональное назначение башни остается загадкой. Как смотровая, дозорная, она здесь, по меньшей мере, неуместна, так как кругом есть возможность с удовольствием «возвыситься» над окрестностями, что и делается тут же – на горных склонах, над самой базой разумно организовано несколько смотровых площадок с симпатичными беседками. И это еще не все. По проекту (или, скорее всего, без такового) «современным ландшафтным планированием» долина реки просто убита – русло горной речки пересыпали ангасольским щебнем, загнав ее под землю, а безумным бетонным благоустройством пологий природный рельеф террасировали под спортивные и другие площадки для утех выскопоставленных гостей.

Железобетонное мышление отпечаталось не только «на лице» 137 км, оно распространяется на всю заповедную дорогу. Современные железобетонные конструкции настырно, беспощадно вытесняют старые деревянные. С 1990-х на всем протяжении ее «украшает» часток кол стандартных железобетонных опор ЛЭП, зато ликвидированы деревянные телеграфные столбы. Уходящий год также «талантливо» отмечен «внедрением передовых технологий» на музейной, по сути, железной дороге. На отрезке 153 км-Култук и на 142 км, взамен традиционных и «проблемных» в эксплуатации деревянных шпал, уложены железобетонные «вечные», похоже планируется так «наложить» новые шпалы по всей заповедной. В связи с этим непонятно, как относиться к высказываниям начальника ВСЖД, когда тот цитирует академика В.Н. Образцова: «Тоннельный участок Кругобайкальского обвода – это музей инженерного железнодорожного искусства, его нужно сохранить на века!»(15). Там же многообещающий призыв: «И мы обязаны бережно и разумно подойти к использованию и сбережению Кругобайкальской дороги как памятника мастерству тех, кто участвовал в ее строительстве».

Лучше бы не подходили. Если это «Музей железнодорожного искусства» и если «...бережно и разумно...», тогда почему принимаются решения, наносящие ущерб этому музею самими железнодорожниками? Почему продолжают сноситься и искажаться памятники архитектуры? Почему при ремонте зданий их крыши кроются не металлом с покраской, как положено, если это памятники архитектуры, а «ослепительным» алюминием? Почему совсем недавно, в 2000-е гг., при очередном «ремонте» родная обшивка и декоративное оформление фасадов всех зданий бывшей станции Шарыжалгай заменены на бездарную «вагонку»? Почему на всей Кругобайкалке «забыта» родная цветовая гамма – сурик и охра, и здания красятся по принципу «кто во что горазд»? Так пассажирские здания станций Маритуй и Култук, ряд других объектов размалеваны в чуждые кругобайкальским постройкам яркие попугайские цвета в «оригинальном» сочетании – синий, желтый, зеленый, коричневый. И т.д. и т.п.

Пишется это не для принятия мер «соответствующими органами» и не для нагнетания ужаса на посетителей музейной дороги. Просто накопело. Невыносимо больно смотреть на все это и понимать, что, к сожалению и скорее всего, это

не последние порции дегтя, выплеснутые на «Золотую пряхку» ее «благодарными и бережливыми» наследниками. Зная, что ВСЖД в ближайшем будущем планирует и дальше «мастерски сохранять» в таком же духе свой ведомственный музей (например, построить новые турбазы, в частности, в одной из самых живописных долин – Большой Крутой Губе на 141 км), хочется надеяться, что предыдущие, явные и болезненные «проколы» послужат уроками. Есть одна местная притча советской эпохи, связанная, кстати, с КБЖД, восточным ее участком: комиссия на берегу Байкала выбирает площадку для строительства завода, председатель восторженно выдыхает: «Красота-то какая! Вот тут мы и построим БЦБК!». Может хватит железобетонной поступью по живому, по красоте? Исковеркать культурное достояние и природный ландшафт легко, много ума не надо, были бы лихие головы да дурные деньги. Чего-чего, а этого в России всегда было с избытком. А дальше?

Вместо заключения. Некоторые субъективные соображения «консерватора» о музейном и туристическом освоении КБЖД

Но даже несмотря на чудовищные, бессмысленные утраты и искажения в архитектурном комплексе заповедной дороги, он продолжает оставаться ценным, важным ее составляющим. Памятники архитектуры КБЖД стоят особняком в ряду архитектурного наследия не только среди других железных дорог, но и всего российского.

Снятие военизированной охраны после 1956 года с западного участка дало возможность для его посещения туристами. Кругобайкалку открывают и пропагандируют как культурную и природную национальную достопримечательность краеведы, натуралисты. С 1970-х начинается самостоятельное туристическое освоение Старой дороги, а в 1990-х здесь появляются первые стационарные базы отдыха и турбазы, сегодня эта тенденция продолжает развиваться. Музейное и туристическое освоение КБЖД напрямую связано с архитектурными, а значит деревянными (их подавляющее большинство) объектами. Логичным и бесспорным является размещение музеев, гостиниц, турбаз, учебных, научных и творческих центров в существующих зданиях-памятниках.

Потенциальные музейные объекты на Старой дороге, где возможно в полной мере развернуть историко-архитектурные экспозиции, пока еще есть. Это сохранившиеся комплексы станций: Байкал с пристанью для ледоколов и бывшим поселком строителей при ней, Маритуй с поселком на берегу озера и в долине, Шарыжалгай, Култук и Слюдянка; разъезд Бакланий, а также малые поселки и отдельные линейные постройки на 102, 106, 107, 110, 134/135, 139, 149 и 154 км. Станция Маритуй, в силу своего центрального расположения и удивительной сохранности практически всего комплекса построек, должна быть музифицирована в первую очередь. Она может стать центральной административно-музейной усадьбой, сохраняя функцию действующей станции, где после реставрации памятников истории и культуры, поезда и пассажиров-туристов будет встречать и провожать, как в былые добрые времена, станционный смотритель, как и положено, колоколом и в «настоящей» железнодорожной форме.

Кругобайкальская железная дорога, западная часть, помимо присвоенного ей в 1982 году статуса «заповедное место» областного уровня, в 1995 объявлена объектом культурного наследия общероссийского (федерального) значения в разделе «памятники архитектуры и градостроительства». А полоса отвода дороги (50 сажень = 106 м от оси ж/д полотна и поселков) является территорией этого памятника-заповедника, то есть особо охраняемой. Поэтому, в соответствии с законодательством, здесь запрещается новое строительство. Но если даже и возникнет обоснованная необходимость в размещении новых объектов вне полосы отвода, естественно, предпочтение должно быть отдано традиционному для архитектурных объектов Кругобайкалки, Сибири

строительному материалу – дереву.

Для осуществления программы дальнейшего и неизбежного для КБЖД туристического освоения, единственно методически верным, не наносящим вреда столь ценному и раннему природно-культурному ансамблю, будет восстановление утраченных построек на своих фундаментах, по старым проектам. Таким образом, малые турбазы, приюты, гостиницы могут быть рассредоточены по всей линии дороги, как раньше путевые постройки, которые по первоначальному назначению использовать нет необходимости, так как управление движением на дороге сегодня автоматизировано и осуществляется из Слюдянки. Это позволит, в том числе, равномерно распределить и минимизировать антропогенные нагрузки на экосистемы побережья озера. Только существующие и восстановленные линейные постройки дадут более шести тысяч кв. м площадей для размещения малых тургррупп (оптимальный состав 5-15 человек).

Появление туристических объектов большей вместимости возможно в комплексах станций, разъездов-блокпостов и поселков, где имеющиеся и утраченные площади строений значительно превышают линейные здания и где будет нетрудно и полезно совместить гостиничные и музейные функции. Размещение на КБЖД больших турбаз и баз отдыха нецелесообразно, недопустимо по многим причинам, в первую очередь, дабы избежать чрезмерного антропогенного воздействия на территорию и ради сохранения исторического образа Кругобайкалки. Гостиницы на колесах, водных судах станут весомой компенсацией недостающего фонда наземной недвижимости, популярным и экологически безопасным дополнением в туристическом использовании заповедной, Кругобайкальской.

Примечания, литература:

1. Альбомы типовых и исполнительных чертежей Кругобайкальской железной дороги 1900-1905 и 1911-1915 гг. // СПб., 1907 и 1915.- 70 л. и 116 л.
2. Имеются в виду здания, запланированные как постоянные для обслуживания в дальнейшем дороги. Временные постройки, связанные со строительством дороги (баракы, жилые дома, склады и пр.) ставились с 1902, года начала ее сооружения, и даже раньше, с 1901 – во время подготовительных работ.
3. Сооружение КБЖД. Технические условия на постройку гражданских сооружений // Иркутск, 1901.
4. Потолок простильный «по-польски» (или польский) – дощатый потолок, настилаемый по балкам вразбежку, т.е. с перекрытием по длинной стороне нижних досок краями верхних, не штукатурился и не красился. В интерьере выглядит эффектно, на КБЖД применяли во всех линейных и водоемных зданиях.
5. Альбом... КБЖД 1911-1915 // л.93.
6. Один блокпост Пономаревка был организован на новом месте, на 108 км. Здание разъезда на 106 км не переносилось и в дальнейшем использовалось под жилье.
7. Альбом исполнительных чертежей Забайкальской железной дороги 1895-1901 гг. // СПб., 1901.- л.101.
8. Новиков П.А. Боевые действия на южном берегу Байкала // Иркутск, журнал «Земля Иркутская», № 2-3 (22-23)/ 2003.- с.37.
9. Альбом... КБЖД 1900-1905 // л.57-58.
10. Альбом... КБЖД 1911-1915 // л.92.
11. Без учета территорий, занятых остановочными пунктами и крупными поселками, что составляет примерно 76 км.
12. Альбом... КБЖД 1911-1915 // л.83.
13. Звездочкой отмечены совсем небольшие поселки (МЖП), состоящие из 2-4-х путевых построек.
14. За основу необоснованно взят проект дома в поселке Култук.
15. Касьянов А.И. Вступительное приветствие в специальном выпуске журнала «Земля Иркутская», посвященном 100-летию КБЖД // № 2-3 (22-23)/ 2003.- с.2 обл.

Здание над водоемным баком на станции Маритуй. 119 км

Здание пристанционного православного храма во имя святителей Николы Мирликийского и Иннокентия Иркутского в Слюдянке (колокольня утрачена)

Бревенчатый сруб одной из построек Кругобайкалки

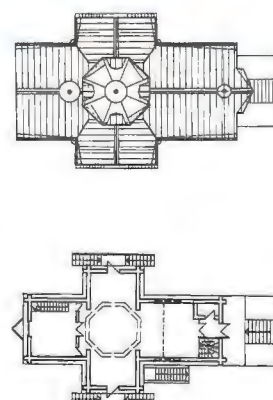
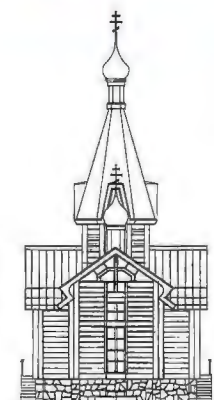
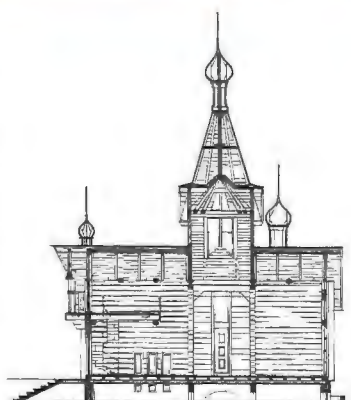
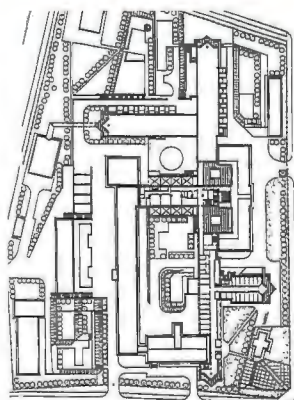
Сокращения:

КБЖД – Кругобайкальская железная дорога
 ВСЖД – Восточно-Сибирская железная дорога
 МПС – Министерство путей сообщения
 РАН – Российская академия наук
 БЦБК – Байкальский целлюлозно-бумажный комбинат
 МЖП – малый железнодорожный поселок
 ОП – остановочный пункт на железной дороге
 б/п – блокпост на железной дороге
 б/о – база отдыха
 ж/д – железнодорожный

Церковь Святой Ксении Петербургской в Иркутске

Генплан
Разрез 1-1
Фасад в осях 4-1
План кровли
План на отм. 0.000

За оградой Ивано-Матренинской детской больницы, так называлась Иркутская детская больница на улице Советской раньше, возвышается шатер небольшого деревянного храма.

Новый храм, входящий в комплекс больничных зданий, посвящен Святой Ксении Петербургской и построен на средства Общественного фонда по созданию храма.

Освящение состоялось 12 октября 2003 года.

Объемно-планировочное решение новой церкви типично и традиционно для небольшой деревянной церкви – два сруба образуют крестообразный в плане объем, поставленный на высококаменном цоколе. Восточная часть продольного сруба служит апсидой. Над средокрестьем основного объема

возвышается восьмерик, увенчанный двусветным шатром с небольшой маковкой. Оба сруба, продольный и поперечный, перекрыты двускатными кровлями с характерным «ступенчатым» свесом над стенами.

Главный вход в храм устроен на западном фасаде. Высокое крыльцо ведет на площадку под навесом с ликом Иисуса Христа и ликами Святых Иоанна Кронштадского и Ксении Петербургской. Затем, через широкую арочную двусторчатую дверь – в помещение храма.

В уровне кровли торец фасада переходит в террасу-звонницу, огороженную балюстрадой. Форма кровли над звонницей – безусловная находка архитекторов и деталь, уверенно обогащая пластику всего здания.

Часть двускатной кровли над террасой-звонницей поднята более чем на метр относительно основной кровли. Это позволило сделать террасу-звонницу более просторной.

Апсида храма и звонница увенчаны небольшими маковками с золочеными крестами.

Форма кровли над звонницей придает особый характер облику церкви. При взгляде на объем церкви с юго-запада возникают ассоциации с Илимскими деревянными церквями XVII века, изображения которых дошли до нас только на фотографиях И.И. Серебрянникова.

«Уютная», «светлая», «домашняя» – вот слова, которыми прихожане характеризуют церковь Ксении Петербургской.

Органичной частью ин-

терьера стал иконостас, выполненный художником Иркутской Епархии Михаилом Лутаенко.

Иконостас, росписи стен, детали наполняют смыслом архитектурное пространство, формируют духовную атмосферу храма.

В конструкции храма Ксении Петербургской использованы также некоторые узлы и детали, исходящие из возможностей современных материалов. Оригинальна конструкция «неба» в главном куполе. Архитекторы отделили верх шатра от внутреннего пространства синим стеклом. Подсвеченная из окон второго яруса шатра, подобная конструкция создает эффект «светящегося неба».

Андрей Ляпин

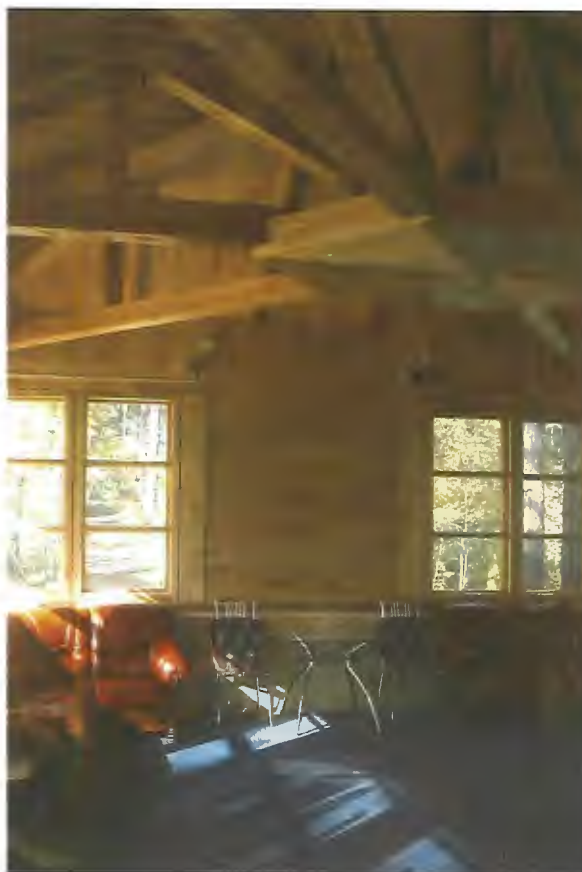
архитекторы
В. Стегайло
О. Бадула

фото
Олег Бадула

Две постройки

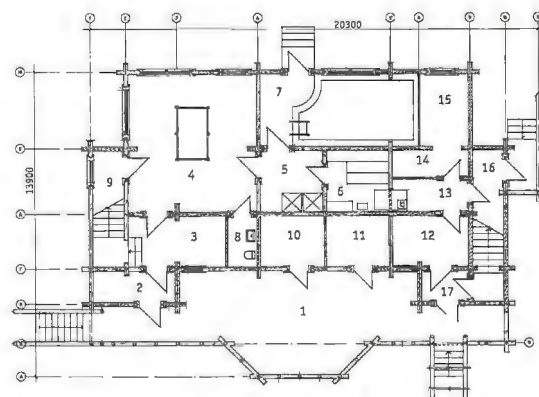
Оздоровительный комплекс
ФСО «Локомотив»

Фасад в осях «1-9»

План 1-го этажа

Экспликация помещений

1. Открытая веранда
2. Тамбур
3. Раздевалка
4. Комната отдыха
5. Душевая
6. Сауна
7. Бассейн
8. С/у
9. Подсобное помещение
10. Электрощитовая
11. Электробойлерная
12. Комната обслуживающего персонала
13. Топочная
14. КИП
15. Оборудование бассейна
16. Тамбур
17. Тамбур

Недавно исполнилось 16 лет творческому союзу двух архитекторов – Красильникова А.Г. и Горбенко В.Ю. Результатом их совместного проектирования стала богатая палитра работ. Особая статья их интереса – деревянное зодчество. Стоит ли объяснять, почему авторы обращаются к этому сибирскому ма-

териалу? В «деревянной» копилке есть проекты от оригинальных дачных домиков до планировочных работ. Две постройки особо отмечены наградами Международных фестивалей «Зодчество-2003» и «Зодчество-2004»: оздоровительный комплекс ФСО «Локомотив» – дипломом, гостиница «Зо-

лотая Сова» – Серебряным дипломом.

Постройки, благодаря использованию натурального материала, словно растворяются в природе. Приемы объемного членения фасадов, больших вылетов кровли, крупных деталей стали авторским почерком.

В отличие от оздорови-

тельного комплекса, который привязывался к уже существующему фундаменту, живая динамичная планировка гостиницы нарушает представление об ортогональности сибирского деревянного дома. В попытке соединить современные и традиционные приемы появилась динамичная пластика и архитек-

архитекторы

А. Красильников
В. Горбенко

ГИП

Ю. Глебов

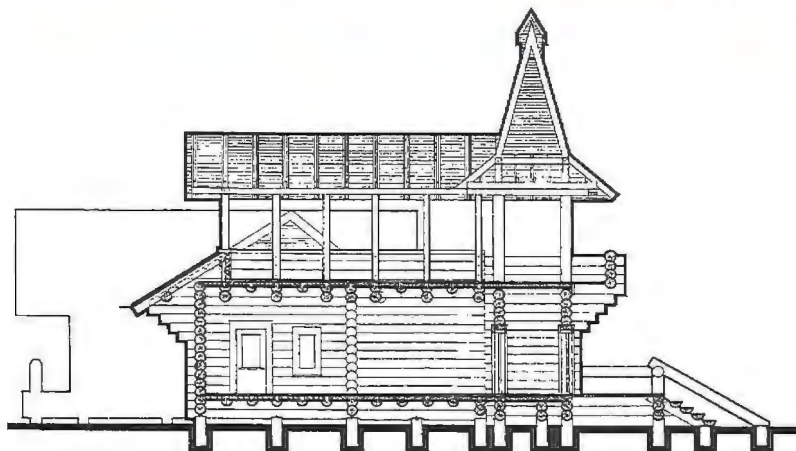
конструктор

А. Житкевич

заказчик

ФСО «Локомотив»

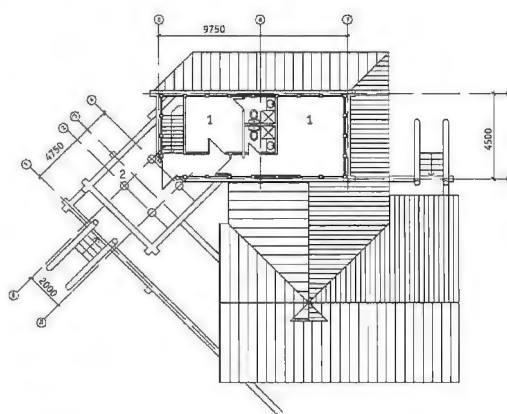
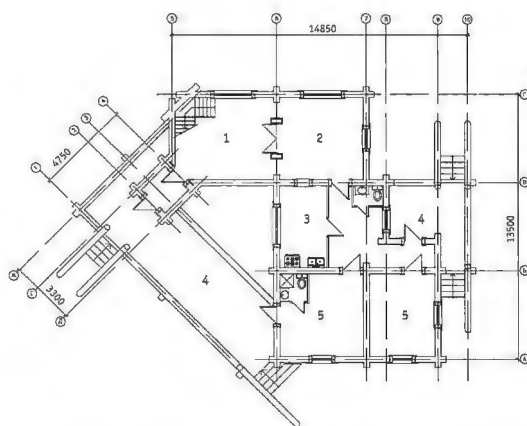

Гостиница «Золотая Сова»

Разрез I-I

План 1-го этажа
 Экспликация помещений
 1. Холл
 2. Столовая
 3. Кухня
 4. Веранда
 5. Жилая комната

План 2-го этажа
 Экспликация помещений
 1. Жилая комната
 2. Балкон

тура бревенчатой стены, играющая главную роль в проекте гостиницы как внутри, так и снаружи. Кровля словно повторяет абрис окружающего горного ландшафта. Она дополняется «современным» сибирским острожным шатром – акцентом. Совершенно другой выглядит кровля оздоровительного

комплекса. Благодаря своей массивности и активным мансардным окнам, она здесь самый важный элемент, которому соподчинены стены и все остальные элементы.

То ли климат в Сибири заметно потеплел в последнее время, то ли возросло стремление выглядеть престижно,

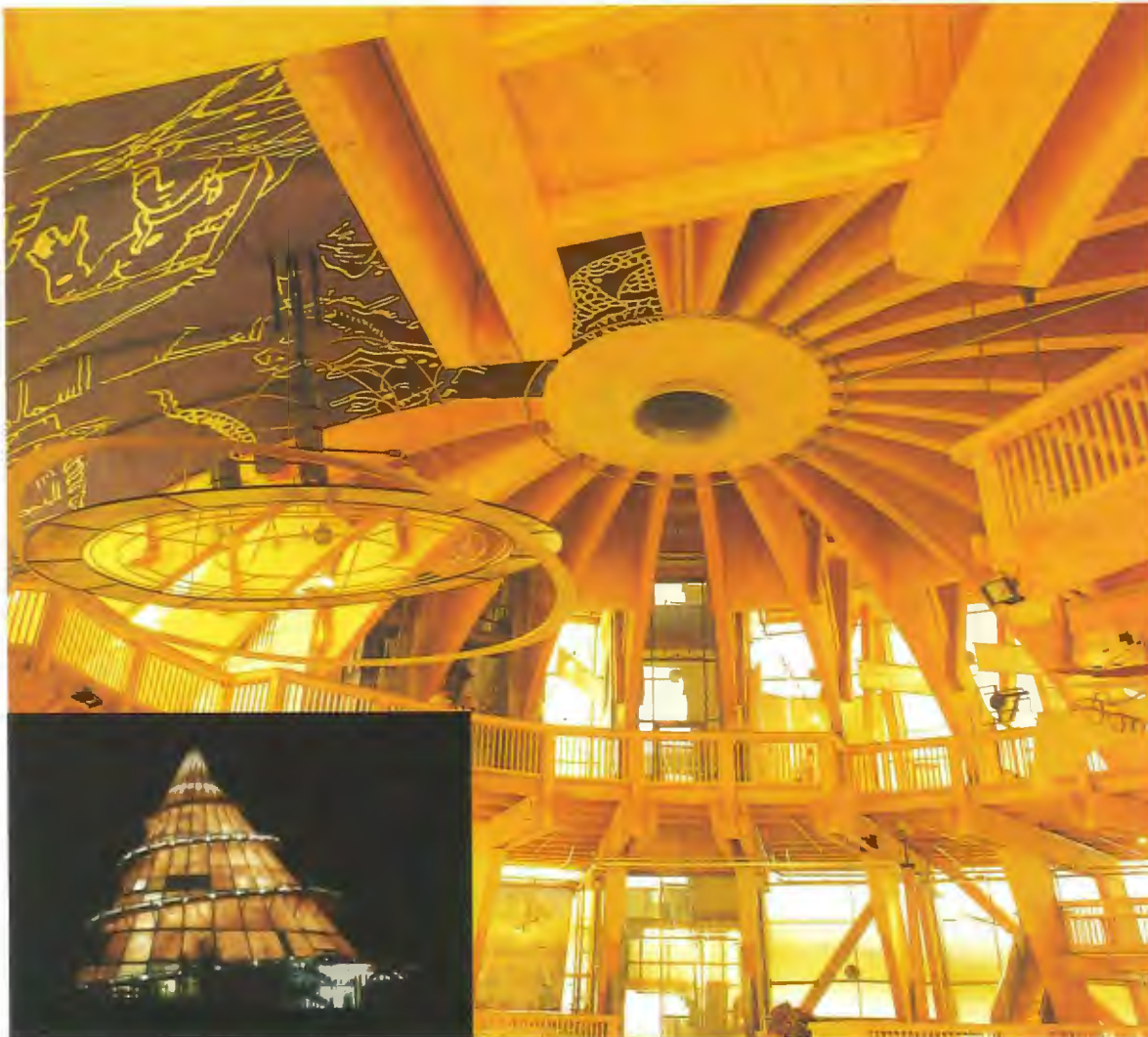
однако благоустройство играет теперь далеко не последнюю роль. Обеспеченные сибиряки все чаще стали применять исторический опыт сибирской усадьбы, используя покрытое деревянным настилом дворовое пространство. Только теперь это открытые летние террасы. Кстати, кроме того, что

это красиво, это еще и очень комфортно. Не явились исключением турбаза и гостиница. Умелое применение такого элемента придает зданию изящество и цельность.

Инна Дружинина

архитекторы
 А. Красильников
 В. Горбенко
интерьеры
 Е. Жижченко
компьютерный дизайн
 И. Сивушкова
подрядчик
 ИП Мельников Е.В.
заказчик
 ЧП Ищенко

«Башня тысячелетий» в Магдебурге

60

Она не такая большая, как Эйфелева башня, еще не такая известная, как Вавилонская, но уже такая же «падающая», как Пизанская башня. Так описывается «Башня тысячелетий» в Магдебурге. Почему в наше время появляются кривые башни? Сразу надо оговорить тот факт, что это произошло не в результате ошибок в статических расчетах и не из-за проблем с грунтом в основании. Каждые два года в Германии проводятся огромные выставки, представляющие новые тренды в садово-парковой архитектуре. 25-ую юбилейную выставку-шоу решено было проводить в Магдебурге – городе, имеющем более чем 1200-летнюю историю. Для этого мероприятия было

выделено 90 гектаров земли, где и предполагалось разбить новый парк. Наряду с садовыми, игровыми и спортивными площадками требовалось создать и достопримечательность для выставки и парка.

Идея

Первые идеи по созданию «Башен тысячелетий» возникли в 1991 году в Цюрихе. Там к 700-летию юбилею Швейцарской конфедерации было создано подобное сооружение (правда, несколько меньших размеров), простоявшее всего одно лето и затем демонтированное.

Концепцию и образ этого сооружения разработал Цюрихский форум – международный институт, созданный в 1968 году. С 1984 года Цюри-

хский форум под руководством др. Георга Мюллера специализируется на разработке концепций и проведении научных выставок. К крупнейшим их достижениям можно отнести EXPO, выставку PHAENOMENA, проводимую в Швейцарии, Германии, Голландии и Южной Африке, а также национальную исследовательскую выставку Neureka.

Для города Магдебурга Цюрихский форум разработал концепцию «Башни тысячелетий» и размещенную в ней выставку «Так изменялся мир». А швейцарский художник и скульптор Йоханнес Петер Штауб создал художественную часть проекта для данного сооружения – музея особого вида, где было бы отражено развитие истории че-

ловечества в области науки и техники на протяжении 6 000 лет, начиная от ранних культур и до XXI века включительно.

Проектирование

При воплощении идеи в жизнь все принимавшие в этом участие архитекторы, инженеры и строители столкнулись с полностью неизвестной проблемой: до сих пор не существовало никаких норм и правил, как же проектировать и строить такие «кривые» башни.

Благодаря участию в проекте Магдебургского университета им. Отто фон Гуерике, а также института моделирования и графики, в 1996 году архитектурные студии приступили к компьютерной визуализации этого уникального объекта.

Строительную часть проекта и генплан в начале 1997 года приняли в разработку два архитектурных бюро города Магдебурга: архитектурная контора АСМ и Энкоплан.

Несущие конструкции с июня 1997 разработывало инженерное бюро КГС Хильдесхайм.

Подготовку к производству с июня 1998 года взяла на себя фирма АРГЕ Хольцбау, также активно были задействованы три крупнейшие в деревянном строительстве немецкие фирмы: фирма Антона Хесса, фирма Кристиана Бурбахера и фирма Хольцбау Аманн.

Из-за сложной пространственной структуры необходимо было уже на стадии проектирования несущих конструкций применять трехмерное моделирование. Изготовлению каждой части уделялось повышенное внимание и предъявлялись жесткие требования соответствия всех размеров. В общей сложности было изготовлено 84 000 конструкций и их отдельных частей, причем 95 % изготавливалось в единичном экземпляре. Для производства конструкций было разработано 3 635 чертежей. Монтаж каждой части конструкции предварительно проверялся на стройплощадке при помощи трехмерной модели.

Конструкция

Итак, деревянная башня имеет форму асимметричного, 60-метровой высоты конуса с изменяющимся углом наклона граней, величина которого находится в пределах от 66,6 до 50,5 градусов, а угол наклона центральной оси составляет 7,4 градуса. При этом одна половина конуса имеет в плане абрис полукруга, а вторая половина – полуэллипса. Размеры плана – 70 метров в длину и 50 метров в ширину. Общая полезная площадь здания составляет около 10 000 кв.м, строительный объем ра-

вен 61 000 кубометрам.

Основа конструкции этого уникального сооружения состоит из 26 несущих деревянных клееных ферм, каждая из которых является ребром конуса. В интерьере эти арочные фермы, образующие купол, соединяются на высоте 21 метра плоским кольцом, внутренний диаметр которого равен 1,7 метра и высота которого составляет 2 метра.

Купольное пространство перекрывает площадь 3600 кв.м. Длина этих арочных ферм лежит между 12,7 и 20,6 м, ширина варьируется от 25 до 32 см, высота до 2,0 м.

Между ребрами находятся ветровые раскосы и поперечные балки, образующие с арочными фермами остов сооружения, на который натянута оболочка-мембрана из 1,5 мм прочной, слоистой стекловолоконистой ткани, на 20 % пропускающей свет и трудновоспламеняемой. С помощью алюминиевых профилей ткань была укреплена на внутренней поверхности конструкций и натянута до сохранения стабильной формы. Было использовано 4 560 кв.м этого покрытия.

Общее внутренне сложное пространство сооружения включает в себя 7 главных и несколько промежуточных уровней, связанных в единую структуру лестницами и пандусами. В первый этаж дополнительно встроено одноэтажное здание площадью 1 000 кв.м, где расположены входная зона, ресторан, выставка земли Саксония-Анхальт, VIP-помещения, а также пульт пожарной охраны. В четвертый уровень (отметка 21 м) интегрирован лекционный зал. Высота внутренних помещений меняется от 5 до 20 метров. По центрально расположенной винтовой лестнице посетители попадают через символическое «окно в будущее» на смотровую платформу, расположенную на отметке 42,89 м.

Снаружи башню опоясывает 450-метровой длины четырехвитковая спиралеобразная rampa, смонтированная на деревянных кронштейнах. Ее

ширина изменяется в зависимости от высоты расположения и колеблется в пределах от 4,8 до 2,0 метров. По этой rampe посетители после осмотра выставки спускаются вниз. Но по ней также можно и подняться на смотровую площадку, минуя выставку.

В общей сложности, при сооружении этого архитектурного объекта было использовано 5 500 кубометров еловой древесины, из которых 3 500 кубометров было переработано в виде клееных конструкций. Вся используемая древесина была предварительно просушена в камерах. 50% древесины привезли из Швеции и Финляндии, 30% – из Австрии, 20 % – из Германии. Все конструкции были обработаны бесцветным защитным средством на растворимой основе.

Кроме того, при монтаже башни было использовано 30 000 нагелей и болтов, которые и скрепляют конструкцию.

Строительство

Башня была воздвигнута на слое строительного мусора, толщина которого доходила в иных местах до 8 метров, и стоит на свайных фундаментах. Сечение железобетонных свай, забиваемых на глубину до 16 метров, 35/35 и 40/40 см. Сваи были связаны железобетонной плитой, толщина которой 1 метр. В этой плите были смонтированы закладные детали для несущих ребер основной конструкции. На сооружение основания ушло 180 тонн стальной арматуры и 1 900 кубометров бетона.

Строительство башни было разделено на три высотных участка: от нулевой до тридцатиметровой отметки, затем от тридцатиметровой до сорокпятиметровой и, наконец, вершина конуса, достигавшая шестидесятиметровой отметки.

Благодаря высокой степени готовности несущих конструкций, выполненных на заводах с лазерной точностью, где расхождение в размерах составляет лишь ты-

сячные доли миллиметров, непосредственный монтаж деталей башни на площадке был осуществлен в очень короткие сроки – с начала октября 1998 до конца апреля 1999 года. При этом до февраля 1999 года на строительной площадке монтажными работами было занято лишь 10 плотников. И только при выполнении работ по устройству рампы, покрытий и лестниц было одновременно задействовано 40 специалистов.

Вершина башни, общим весом 55 тонн, была предварительно смонтирована на земле и в конце февраля 1999 года установлена на место с помощью 800-тонного крана. Предварительно в вершину конуса была вмонтирована установка автоматического дымоудаления с пятью вентиляторами. Кроме того, все сооружение оснащено установкой автоматического пожаротушения, включающей в себя 2 100 спринклеров мощностью 5 литров в минуту на 1 кв.м площади. Дополнительно лестничные клетки и винтовые лестницы оборудованы системой вентиляции с применением избыточного давления. На каждом ребре конструкции установлена молниезащита и заземление.

Предел огнестойкости конструкций относится к группе (классу) 60. Время эвакуации для максимального числа посетителей в 2 313 человек равно 13 минутам.

Расходы на строительство составили 16 миллионов евро, 6 миллионов евро истрачено на обустройство самой выставки.

Выставка

На выставке у посетителей есть уникальная возможность совершить путешествие во времени и пережить 6 000 лет истории человечества с различными открытиями и достижениями разных культур. Путь ведет от Месопотамии через античный Рим, Европу раннего Возрождения и так до сегодняшних дней.

На 8 030 кв.м выставочных

площадей представлено около 400 объектов и сцен. Но здесь возможно не только пассивное созерцание. В 168 видеозкспериментальных установках можно самому принять участие в различных действиях.

Достоинны внимания история человечества в период до нашей эры, на территории выставки можно также удивляться первым техническим достижениям, таким как система подъема блоков, водяное колесо или поршневой насос. Здесь же можно «встретиться» с великими личностями, такими как да Винчи, Коперник, Ньютон...

Чем выше поднимаешься, тем ближе становятся экспонаты. Мимо экспериментов в области медицины, оптики и физики, проводимых на раннем этапе развития точных наук, путь ведет к экспонатам, посвященным рентгеновским лучам, астрономии и генной инженерии. Через 2-3 часа пребывания внутри башни достигаешь, наконец, смотровой платформы, откуда можно наслаждаться великолепными видами на Магдебург и парковые ландшафты выставки, на Эльбу и ее прекрасные окрестности.

Насколько известно, в мире сегодня не существует никакого другого деревянного сооружения, которое можно было бы сравнить по высоте и охватываемому пространству с «Башней тысячелетий» в Магдебурге, о чем и было засвидетельствовано в книге рекордов Гиннеса. Кроме того, рекордно и количество посетивших ее зрителей, которое только за первые шесть месяцев работы выставки составило 1.6 миллиона человек.

Но и сегодня, по прошествии нескольких лет, башня привлекает огромное количество местных жителей и туристов и открыта для осмотра с мая по октябрь. Будем надеяться, что интерес к ней не уменьшится с годами, и хотя башня и выставка рассчитаны всего на десятилетнее использование, но кто знает...

Айке Граберт
(перевод Светланы Середенкиной)

Шевченковский Гай

1

1. Дом с соломенной крышей

2. Церковь 1763 года из села Кривки Турковского района Львовской области

3. План Балленберга

4. Церковь Владимира и Ольги. Построена энтузиастами в 1991-1992 гг. на спонсорские средства украинцев из Канады и Америки. Восстановлена из нового материала по образцу типового лемковского храма 1831 г., находящегося в селе Котань Кросненского воеводства (Польша)

5. Так называемый «длинный дом» 1909 г. из села Шандровца Турковского района Львовской области

3

Здравствуйте, дорогие читатели!

Меня зовут Ольга Бурова, а живу я на Украине, в исключительном во многих отношениях городе Львове. Думаю, что этот уникальный архитектурный и исторический памятник известен практически всем (он включен в мировое наследие ЮНЕСКО) и нет нужды расписывать достопримечательности, которые вызывают интерес у гостей города, а особенно у архитекторов. Но есть в нашем городе одно местечко (если так можно назвать 50 гектаров прекрасного лесного массива), которое, возможно, известно не столь широко. Оно называется «Шевченковский Гай». При австрийском правлении этот живописный лесопарк назывался

2

«Кайзервальд», и сам австрийский кесарь любил приезжать сюда на отдых. Именно здесь в 1971 году был создан первый на Украине музей под открытым небом, в котором собрана большая коллекция сельских построек. Здесь имеются удивительные образцы деревенского зодчества, срубленные умельцами одним только топором и без единого гвоздя.

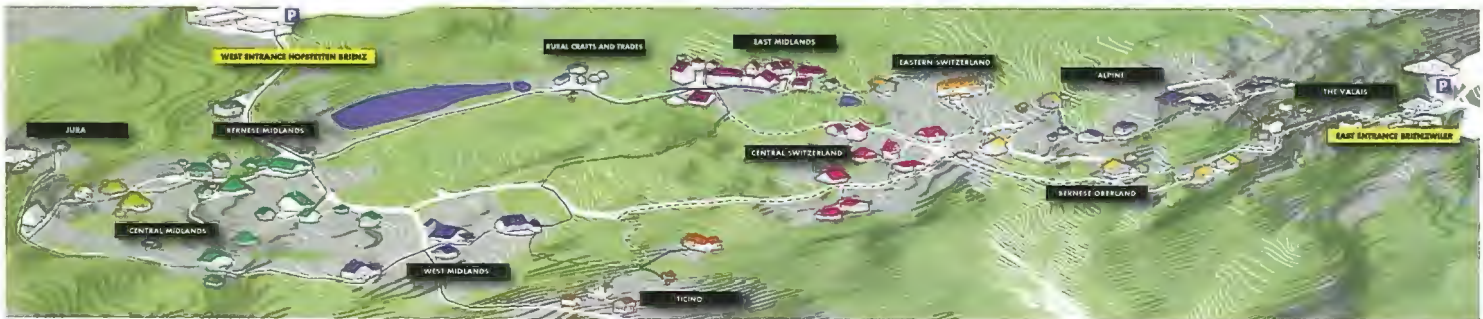
Сегодня в музее можно осмотреть 120 памятников народной архитектуры из западных областей Украины (Бойкивщина, Лемкивщина, Львовщина, Гуцульщина, Подолье, Буковина). Кроме того, в действующих экспозициях и в фондах насчитывается более 20 тысяч предметов быта, произведений народного искусства.

Музейная экспозиция организована по этнографическому принципу. Здесь создан ряд микросел, состоящих из 15-20 архитектурных объектов. В жилищных и хозяйственных постройках представлены предметы домашнего обихода, одежда, инструменты, сельскохозяйственные орудия, транспортные средства. В церквях, колокольнях и часовнях устроены соответствующие интерьеры.

Осмотр экспозиции начинается с сектора «Бойкивщина». Этнографическая область «Бойкивщина» славится своими традициями народной архитектуры, она охватывает территорию Украинских Карпат от рек Уж и Сян на западе до реки Лимница на востоке. Наименее старейшим памятником деревенно-

го зодчества в этом секторе является «Хата 1749 г.» из села Либохор Сколевского района Львовской области. В постройке много архаизмов: «гряды» (своеобразные полки под потолком с трех сторон), глиняный пол, курная печь, маленькие девятифорточные оконца, которые при необходимости открываются в сторону, по «волоковому» принципу. К ценным экспонатам относятся «Хата 1910 г.» из села Тухолька Сколевского района. У нее есть интересные фигурные кронштейны, украшенные резьбой столбы. Вход на полузакрытую галерею сделан в виде арки, украшенной плоской резьбой.

В экспозиции есть две деревянные церкви: из села Кривки (1763) Турковского

района и села Тисовец (1863) Сколевского района Львовской области. Они отличаются оригинальностью архитектурных форм и конструкций, своеобразием отдельных деталей.

Церковь из села Кривки принадлежит к шедеврам народной архитектуры общеевропейского значения. Важное место в экспозиции занимают хозяйственно-производственные сооружения: водяная мельница, кузница, сукновальня.

Из сектора «Бойкивщина» можно перейти на лемковскую усадьбу начала XX века из села Зарычево Великоберезнянского района Закарпатской области. «Лемкивщина» охватывает территорию Западных Карпат до реки Попряд (часть ее находится в Польше) и отдельные села в Закарпатской области. Главным сооружением усадьбы из Зарычево является «длинная хата». Она состоит из однокомнатного жилья, сеней, кладовки, хлева и «клуни». Недалеко от хаты – «секес» (строение для сена), курятник и колодец. В 1992 г. экспозиция обогатилась новым объектом – «Церковью Св. Владимира и Ольги», восста-

новленной из нового материала по образцу типового лемковского храма 1831 г., находящегося в селе Котань Кросненского воеводства (Польша).

В секторе «Равнинное Закарпатье» экспонируются две усадьбы с множеством построек. Из села Брид Иршавского района перевезена усадьба начала XX столетия. Она состоит из избы, клуни, кладовки, оборога, «пчельника» (помещения для ульев), летней печи. Все строения расположены по периметру вокруг двора.

На наиболее холмистой части территории музея расположена «Гуцульщина». Гуцулы проживают в Карпатах, в пределах Ивано-Франковской области, некоторых районов Черновицкой и Закарпатской областей. Издавна местные мастера занимались художественными промыслами – резьбой по дереву, керамикой, вышивкой, художественной ковкой металла, изготовлением ковров, художественной росписью яиц.

Интерьеры гуцульских домов многоцветны. Стол, сундук, шкаф для посуды – все

украшено резьбой, большая печь блестит изразцами. В давние времена жилища гуцулов были разбросаны в горах далеко друг от друга, поэтому каждая усадьба напоминает своеобразную крепость. Избу с пристройками и двор обносили рубленой стеной, создавалось замкнутое пространство – «гражда». Такая усадьба привезена в музей из села Криворивня Ивано-Франковской области.

Карпатскую группу завершает сектор «Буковина». Экспонируется усадьба из села Бережонки Вижницкого района. Она состоит из хаты, сарая и «курника» (помещения для свиньи). Хата построена в конце IX (?) века из ели. В центре Буковинского микросела расположена Троицкая церковь 1773 г. из предместья Черновцов – Ключки. Из хозяйственных сооружений здесь выделяется шестикрылая мельница из села Щиривци Хотинского района.

В секторе «Львовщина» экспонируются две усадьбы и церковь. Из села Оглядив Радеховского района привезена хата 1859 г. Это одно из наивысших деревянных со-

оружий в равнинной части Львовщины.

В секторе «Подолье» восстановлена церковь 1773 г. из села Соколов Буцацкого района Тернопольской области и колокольня из села Мононастирска той же области.

В фондах музея есть ценные коллекции народной одежды и тканей, гуцульского кафеля, а также комплектов печей, музыкальных народных инструментов.

На территории музея организовываются различные мероприятия, празднования, выступления фольклорно-этнографических ансамблей.

Ольга Бурова

4

5

Балленберг

Единственный в Швейцарии архитектурно-этнографический музей под открытым небом открылся в Балленберге в 1978 году. Тогда в нем было 16 объектов, два года спустя – 25, в 1985 году – 61, а к началу нынешнего века их было уже около 90.

Музей в Балленберге – это важный культурный и исследовательский центр, являющийся интересным и привлекательным туристическим объектом. В нем трудятся более 200 человек. Каждый год музей посещает около 250000 туристов.

Балленберг – один из самых больших музеев Швейцарии, его площадь равна 66

гектарам. Понадобится не менее получаса, чтобы по кратчайшему пути пройти от одного входа до другого. Между музейными постройками проложено несколько километров пешеходных дорожек. Территория музея разделена на отдельные площадки, каждая из которых представляет собой отдельный регион Швейцарии. Всего их 13 (см. карту).

Посетители музея знакомятся здесь с буднями и праздниками старинных швейцарских деревень, с историей самих зданий, с географическими и историческими условиями их создания. Экспозиция позволяет срав-

нить архитектурные особенности зданий, представить себе их обитателей, узнать, как они жили и работали. В Балленберге можно увидеть, какие архитектурные стили были присущи отдельным местностям сельской Швейцарии, каково влияние религиозных взглядов на оформление домов и интерьеров, какие строительные материалы использовались в те времена и многое другое.

Каждый дом в музее имеет собственную историю. Характерные приемы работы, климатические условия, общественные взаимоотношения накладывали отпечаток на здание и определяли его

стиль. Таким образом, соломенные крыши построек характерны для кантона Аргау, жители которого выращивали зерновые культуры, а в дождливом и снежном кантоне Аппенцель крыши домов пок-

1

1. Фермерский домик из Адельбодена, 1698 г.
2. Дом из Мальвагии, 1515/1564 гг.
3. Дом виноградаря из Рихтерсвилля, около 1780 г.

2

рывали дранкой. В музее можно увидеть и величественные дома землевладельцев, и убогие альпийские хижины дровосеков. Жилые дома окружены хозяйственными постройками, среди которых имеются сараи, стойла,

прачечные, сушильни, копильни, сыроварни и т.д. Значительную площадь в музее занимают сады, поля, луга, пастбища. Они окружают усадьбы так же, как это было столетия назад.

В Балленберге представлено около 30 традиционных аграрных ремесел. Каждый день здесь демонстрируется не менее десяти из них. Любый желающий может освоить какое-нибудь ремесло, позанимавшись в течение нескольких дней на семинарах в музейном учебном центре (Heimatwerk Course Centre).

Множество людей, интересующихся сельской флорой и фауной, специально приезжают в музей, чтобы посмотреть на домашних животных, птиц и растительность. В Швейцарии только в Балленберге можно увидеть 250 видов домашних животных, среди которых куры, утки, гуси,

3

козы, коровы, овцы, лошади и множество других. Огромным разнообразием отличается коллекция деревьев, цветов, овощей, зерновых культур и лечебных трав.

На территории музея в Балленберге работают мно-

гочисленные тематические выставки по архитектуре, ремеслам, растениеводству, животноводству, сельским обычаям и традициям.

Ольга Бурова

Музей под открытым небом «Weald & Downland» в Англии

64

1. Насос с ветряным двигателем из Пивенси, Сассекс
2. Средневековый коттедж из Хенглтона

1

В музее представлено более 45 старинных зданий, начиная от средних веков и заканчивая Викторианской эпохой. Все они расположены на 40 акрах земли на территории, называемой Уилд, в которую входят части

графств Кент, Суссекс, Суррей, Гемпшир. Музей экспонирует образцы построек, характерных для этих графств.

Ландшафт, окружающий музей, в основном представляет собой равнину с известковыми холмами, известными всем как Южный Даунс (South Downs), которые тянутся почти до самого юго-восточного побережья.

В музее собраны традиционные дома сельских жителей и рабочие постройки, которые были спасены от разрушения, разобраны, доставлены в музей и с огромным трудом собраны снова на музейной площадке.

Своей целью музей считает спасение и сохранение исторически ценных зданий, которые демонстрируются посетителям, чтобы они смогли оценить богатое наследие этих мест, исторические строительные традиции юго-востока Англии, ремесла, присущие этому региону, технику, жизнь старинного

2

английского села и пейзажи.

Музей был основан в 1967 году как благотворительный трест. Это один из ведущих независимых музеев Англии, который формирует свой доход от посещений туристов, волонтерской помощи, спонсорской помощи и поддержки группы «друзей».

Большое внимание здесь уделяется образовательным программам. За год музей посещают около 30 000 школьников, которые проходят здесь разные курсы обу-

чения (например, по истории, при изучении таких тем, как «Времена Тюдоров» или «Викторианская эпоха») в соответствии со школьной программой.

Музей получил от правительства статус «выдающегося» и был признан ведущим музеем исторических зданий в Англии. Он получает много наград разного рода. В 1997 и 2002 годах музей получил награды за отличную работу от Сендфордского образовательного треста по изучению наследия.

Ольга Бурова

Деятельность музеев под открытым небом в настоящее время

Развлекательный аспект

Появившись во многих странах Европы как места сохранения архитектурного наследия села, скансены продвинулись очень далеко вперед. Теперь это огромные комплексы, где можно не только посмотреть на образцы прошлого, но и заняться более практическим и глубоким изучением истории, культуры, народных традиций. Это места активного отдыха и проведения различных мероприятий: от научных семинаров до крестин и свадеб.

Если вы заглянете на сайты этих музеев в Интернете, то увидите, насколько разнообразны их программы по работе с посетителями.

Там можно отпраздновать свой день рождения, послушать концерты фольклорных групп, посетить различные тематические выставки, поучиться какому-нибудь ремеслу на курсах, поучаствовать в настоящих праздниках прошлых веков, потолкаться, как в старину, на веселых ярмарках.

В «Шевченковском Гае», например, есть специальное «Поющее поле», где постоянно бывают концерты и на котором поют все: и ансамбли, и зрители, и взрослые, и дети. В конце лета там проводится День пасечника: на лужайках стоят ульи, народ гуляет, участвует в развлечениях, пробует и покупает мед.

В «Уилде и Даунленде» есть возможность нарядить деревня, поработать вычуром, в здании мельницы можно купить хлеб местной выпечки или муку, смолотую на этой мельнице, чтобы печь дома, а вместе с ними книгу старинных кулинарных рецептов. Там устраиваются специальные ужины времен Тюдоров, готовится еда, какую ели в те времена, исполняются старинные музыкальные произведения, ставятся спектакли.

Образовательный аспект

Современные школы прилагают все больше усилий к тому, чтобы обучение как можно больше приближалось к жизни. Сюда входит и так называемое «полевое» обучение, когда занятия проводятся, например, в таких местах, как музеи. Музеи под открытым небом как раз входят в эту категорию. В Балленберге проводятся занятия, связанные с экономическими, социальными, историческими и культурными темами. Дети «на своей шкуре» могут ощутить все «прелести» деревенской жизни минувших веков. Они пекут хлеб, куют гвозди, обжигают кирпичи, смешивают травяные лекарственные сборы. Они учатся правильно соединять между собой бревна при постройке домов, проверяют, удобно ли сидеть на сделанных ими стульях, ужасаются тому, в каких условиях приходилось учить азбуку в сельских школах прошлых веков.

Музей идет еще дальше, и в образовательные программы включают взрослых, пенсионеры, инвалиды. Всем интересны индивидуальные образовательные прогулки, когда можно получить ответы на самые разнообразные вопросы. Над входами домов написаны имена их владельцев: кто, когда и в связи с чем построил эти дома. Дети расшифровывают надписи на домах и ищут специальные «охранные» знаки. Любители природы могут узнать многое о знакомых и незнакомых растениях, о том, насколько важен лес и как он влияет на людей, живущих в нем, на методы строительства, на интерьеры домов, на домашних животных, и как, в

свою очередь, люди влияют на него, на его рост и развитие.

В музее рассказывают и показывают, как делалась соломенная крыша, как мололи зерно и пекли хлеб, как выщипывали табак, делали часы, подковывали лошадей, лепили горшки, плели кружева и вырезали по дереву и, конечно же, как делали сыр.

В основном музеи появились в 60-70-е годы прошлого столетия, когда возникло множество новых организаций, течений, музыкальных групп и т.д. Видимо, это было хорошее время для разных нововведений. Они хорошо прижились и функционируют и, как вы могли заметить, существуют вполне самостоятельно и прекрасно справляются со всеми своими проблемами. Этого, конечно, нельзя сказать про украинские скансены, которых на Украине насчитывается 6 штук. Разница, прежде всего, состоит в том, что на Украине музеи «принадлежат народу», т.е. никому. Народ их очень любит, туристы тоже, но занимается ими местная (даже не государственная) администрация. Ну скажите, можно ли чего-нибудь ждать от местных властей в то время, когда им приходится решать гораздо «более насущные» вопросы.

Зато все заграничные музеи самокупаемы. Если вы обратили внимание, они являются или фондами, или трестами, или еще какими-то учреждениями, которые являются самостоятельными. Если за неполный год (он работает только в теплое время года) музей в Балленберге посещают около 250 тысяч людей, то даже при стоимости билета 1 евро, это будет 250 тысяч евро. А сувениры, рестораны, выставки, книги, обучающие курсы ...

Даже этой краткой информации о нынешнем состоянии дел в музеях под открытым небом достаточно, чтобы сделать определенные выводы, а именно: музеи под открытым небом себя еще не изжили и не собираются сдавать своих позиций. И это радует.

Пока что никто всерьез не высказался о них отрицательно. Когда музеи создавались, то мнения, конечно, были разными. В большинстве своем спорили профессионалы. Суть спора заключалась в том, что историки и борцы за сохранение исторического наследия считали, что здания нужно оставлять на месте их возникновения, а желающие могут приехать и посмотреть (это, безусловно, возможно в Швейцарии, но никак не на Украине). Но с точки зрения спасения, сохранения, правильного постоянного ухода, просвещения и воспитания подрастающего поколения, такие музеи, несомненно, наилучший выход из положения.

Помимо этого, в их пользу говорят пешеходные прогулки на свежем воздухе, пополнение и подкрепление школьных знаний, а также воспитание действительной любви к родине, к земле, природе, которых сейчас очень не хватает. Все это закладывается в молодом возрасте, а большинство посетителей таких музеев – школьники. И англичане, и швейцарцы, и французы, и немцы исключительно патристичны, причем не напоказ. Это просто состояние сознания. Первое, что делают мои знакомые швейцарцы, приезжая на свою так называемую «дачу», – поднимают над домом швейцарский флаг. И просто, и красиво, и что-то трогает в душе.

текст
Ольга Бурова

Опыт сохранения исторического наследия в Германии

текст
Айке Граберт
Светлана
Середенкина

фото и чертежи
Айке Граберт

Удивительная страна Германия. Вся такая чистая, аккуратная и ухоженная... странно это как-то. Все-то у них не так, и даже памятники архитектуры сохраняют они по-своему.

Конечно, в стране есть государственная программа сохранения исторического наследия. Причем сохраняются памятники архитектуры тщательно и бережно, ведь после Второй мировой войны их осталось в стране не так уж много, так как в результате тотальных бомбардировок многие здания, да и целые города, были просто полностью уничтожены. Не будем вдаваться в подробности истории человечества, известные всем. А вот о некоторых особенностях сохранения архитектурных памятников поговорим.

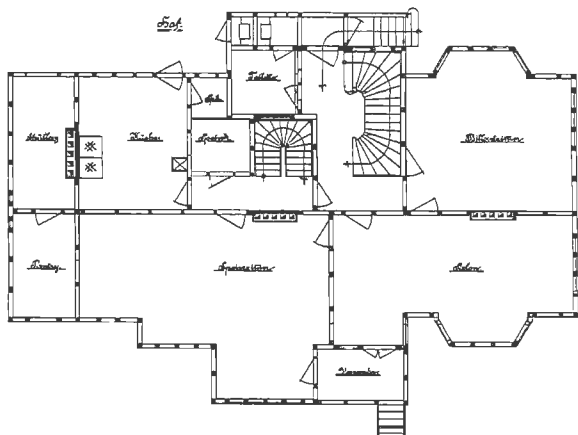
Здесь, как и во всем мире, есть музеи деревянного зодчества под открытым небом. В прошлом 2003 году я была в одном из них, в Баварии. Почти все как у нас, но как всегда есть одно «но». Часть музея отдана «в жизнь». Здесь живет семья фермеров, они держат маленьких свинок, немного овец, тут же рядом с курицами ходят павлины с роскошными сине-зелеными хвостами. Довършает картину ветряная мельница, дающая семье электричество, и земельной надел, на котором пасется скот и что-то выращивается. Наряду с современными бытовыми приборами, машинами и механизмами в хозяйстве активно используется различная утварь и сельскохозяйственные инструменты прошлых лет. Ощущение истории веков весьма наглядное и очень живое.

Но сегодня речь пойдет о жилой среде в исторических городах, а именно о многочисленных фахверковых домах, которыми издревле славится Германия и которые, безусловно, придают ей особый колорит. Многие дома насчитыва-

ют не одно столетие и там до сих пор живут люди из поколения в поколение или купившие эти дома и отреставрировавшие их. Да-да, именно так все и происходит. Вы можете купить памятник архитектуры и воссоздать его. При этом вам придется пройти ряд согласований на право проведения санации, которое выдает управление по защите и охране памятников архитектуры. Причем для каждого отдельного помещения требуется свой чертеж-формуляр, где детально фиксируются малейшие изменения в размерах, дополнительно к этому выдается предписание по цвету, материалу и т.д., которые могут быть использованы при реконструкции. Если вы намерены перепрофилировать помещения, находящиеся внутри вашего приобретения, то тогда тоже нужно получить соответствующее согласование. Все это потребует от вас дополнительных затрат, временных и материальных, но при этом вы не получите ни малейшей финансовой поддержки со стороны государства! Тем не менее, энтузиастов, готовых встать на этот сложный путь, в Германии насчитывается немало.

Именно так поступил и наш немецкий коллега, купивший в 1999 году на аукционе, проводимом в Берлине, фахверковый дом в Магдебурге, находившийся под охраной государства в качестве памятника архитектуры конца 19 века. А вот что из этого получилось, мы узнаем благодаря сегодняшнему хозяину, передавшему нам в редакцию чертежи и подробный рассказ. Впрочем, начнем по порядку. История же этого дома такова.

В 1889 году англичанин Гарретт Смит приобрел земельный участок по адресу Хельмхольцштрассе, 1а. На этом

участке располагалось здание Зуденбургской мостостроительной конторы и 150-метровый фабричный цех. Вокруг было лишь поле, а в фабричном цехе находился котельный завод.

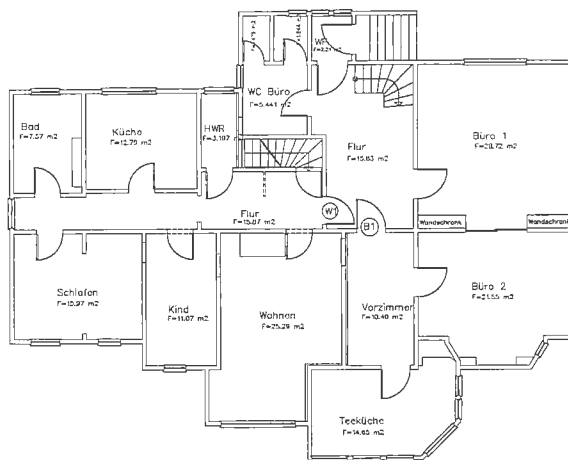
В том же году господин Смит решил построить на этом участке виллу и заказал проект, который был выполнен Йоханном Аугустом Дувинье и Альбертом Фаврье под патронажем Магдебургского Строительного и Кредитного банка.

К тому времени Магдебург относился еще к прусским крепостям, и местность, непосредственно примыкавшая к крепостным сооружениям, была поделена на три района, в каждом из которых, вплоть до 1892 года, неукоснительно действовали строжайшие правила строительства. Согласно этим правилам, все дома должны были сооружаться только фахверковым способом с заполнением полей между раскосами и стойками из кирпича. В случае войны было предусмотрено, что все дома будут сровнены с землей, чтобы перед крепостными пушками было лишь ровное поле и ничто не мешало бы отражению атак противника. По этой же причине перекрытия подвалов должны были выполняться только по деревянным балкам так, чтобы все обломки дома можно было бы сбросить в подвал.

Из огромного количества домов, построенных в то время, сегодня существуют лишь единичные экземпляры.

По своему виду дом ориентировочно относится к позднеготическому стилю Тюдоров, для которого типичны врезающиеся друг в друга скатные крыши и сооружение массивного первого этажа, который здесь, правда, из-за определенного прогресса в строительстве скомбинирован с фахверком. Относительно близко стоящие друг к другу раскосы фахверка на верхнем этаже точно так же напоминают о староанглийском стиле.

При строительстве дома были выполнены некоторые изменения проектных планов. Хотя ничего подобного в прак-

План 1 этажа, проект, архивный чертеж

План 1 этажа после санации

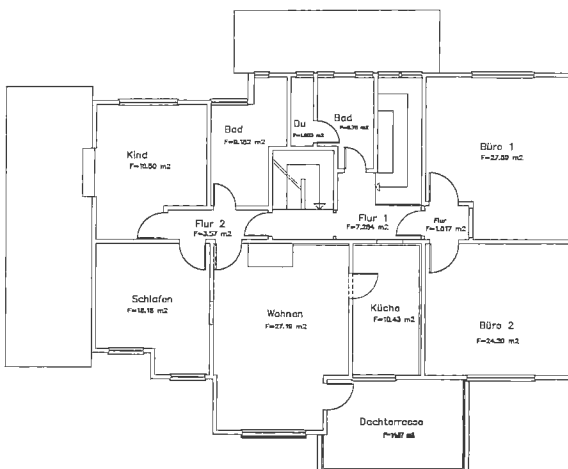
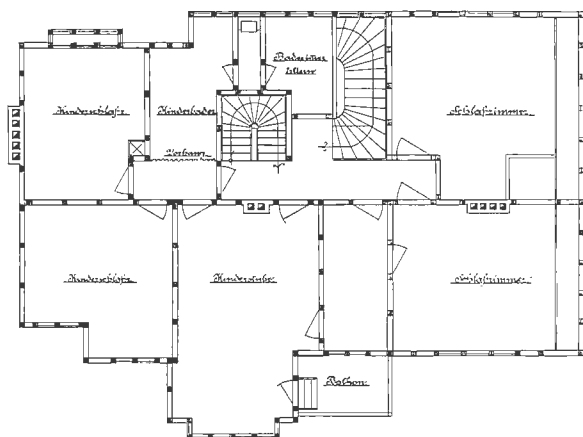
тике тех лет не было, чтобы можно было так свободно интерпретировать строительные чертежи, глядя на них и сравнивая их с тем, что существовало в реальности, утверждаю, что главные изменения коснулись все-таки представительских помещений.

Так исчезла каминная труба между бильярдной и салоном, на месте которой появилась двустворчатая раздвижная дверь с витражными стеклами, при этом каминная труба в столовой была значительно увеличена в размерах.

С одной стороны двери возник встроенный шкаф, с другой стороны – встроенный радиатор. Открытая веранда с южной стороны была позднее полностью застеклена. Когда-то запланированный эркер на северной стороне просто выпал из внимания строителей, а может того пожелал хозяин виллы. Сейчас трудно строить догадки, что же произошло тогда и почему возникли эти расхождения с проектом, но факт остается фактом: уже в те времена при строительстве отходили от проекта!

После Второй мировой войны дом перешел к свободным немецким профсоюзам и использовался только в качестве офисного здания. После объединения Германии офисы остались только в двух помещениях первого этажа дома, который к моменту покупки уже в течение нескольких лет стоял совершенно необитаемым.

Конструктивно внешние стены дома представляют собой деревянный фахверк с заполнением из огнестойкого клинкера, на верхнем этаже заполнение из кирпича со штукатуркой, за ними воздушная прослойка, частично заполненная шлаком, затем деревянная обшивка с соломой в качестве основы для штукатурки и известковая штукатурка. Многие участки стен пришлось заново оштукатурить, частично обновить клинкер, полностью заполнить новой массой швы и все окрасить. Красно-коричневая краска по цвету соответствует найденным остаткам краски для того, чтобы дом

План 2 этажа, проект, архивный чертеж

План 2 этажа после санации

*Zeichnung**zu einer, auf dem am Kleindamm in Berlin belegenen Grundstück
des Herrn Garrett Smith zu erbauenden Villa.**Carlus Lutz
W-8*

выглядел как ранее.

В процессе санации возникли проблемы с балками перекрытия в столовой, длина которых была 6,5 метров. И не только потому, что кое-где с течением времени образовался их провис, который по сегодняшним нормам уже вызывал опасения, но и потому, что увеличенная в размерах каминная труба как раз передавала общую нагрузку на две соседние деревянные балки. Пришлось установить в подвале дополнительную, стальную раму.

В верхнем этаже находится массивная фахверковая стена между детскими спальнями и детской игровой. Так как столовая на первом этаже была разделена, в подвале также была сделана еще одна стальная рама. При более детальном исследовании, правда, выяснилось, что стена первого этажа выполнена из гипсовых плит, которые просто крепятся к паркету. Итак, она тоже была полностью заменена.

Кроме того, и крыша, и некоторые стропила нуждались в новых материалах. В качестве кровельного покрытия использовалась ленточно-пазовая черепица соответствующего тона, идентичного нескольким сохранившимся старым черепичкам. Были обновлены все ветровые доски, а также надставлены новые головы балок, которые внешне соответствовали оригинальным деталям.

Потолок веранды также полностью требовал замены. Работа для неустрашимых, там гнездились осы!

Полностью были заменены все окна, естественно, что и новые выполнены из дерева, с детальным воспроизведением утраченных. Окна имели разные размеры и были изготовлены по специальному заказу в маленькой столярной мастерской. Вся работа выполнялась вручную. Окна бюро и жилой комнаты первого этажа сохранили исторические рольставни, которые подверглись тщательной реставрации.

Все имеющиеся внутренние двери были обработаны вручную и остались оригинальными. Для бюро и квартиры второго этажа были заказаны новые двери, изготовленные в стиле старых.

На первом этаже, в старой бильярдной, салоне, столовой и входном коридоре лежал массивный дубовый паркет, ко времени санации частично уже разрушенный и из-за усадки ставший кривым и косым. Было ясно, что придется менять и полы. Паркет был снят, под него было сделано новое ровное основание. Из-за необходимости уменьшения веса конструкции был выбран «сухой тип» пола из плит, со слоем звукоизоляции между ними. В результате проведенных работ дом внутри «подрос», по меньшей мере, на 10 см. Затем паркет уложили заново и отшлифовали. Специально были изготовлены и недостающие планки паркета.

Было построено четыре новые ваннные комнаты, одна ванная была частично оставлена. Многие радиаторы перемещены и поменяны. Часть старой отопительной установки с распределительными вентилями, размеры которых, правда, больше напоминают теплоэлектростанцию, можно до сих пор любоваться в подвале.

Итак, положено много-много сил и средств, тем не менее, хозяин пока недоволен результатом. Сейчас, по прошествии времени, он говорит, что есть детали, которыми можно гордиться и которые удачно получились в ходе реконструкции, но есть некоторые места, где реконструкция еще не завершена или проведена лишь поверхностно, главным образом из-за прозаической нехватки средств. И все же проведенные работы дают абсолютную уверенность в том, что сегодняшняя санация дома обеспечит ему дальнейшее будущее, а мелкие реставрационные работы по наведению красоты можно выполнить и позже. Если бы дом до сих пор стоял пустой и без проведенных работ, было бы уже весьма проблематичным его сохранить и, вероятно, его пришлось бы снести, чего, к счастью, не случилось.

Кроме того, нужно учесть, что 100 лет – это детский возраст для фахверкового дома. Настоящие дома насчитывают 300-400 лет, и если они будут правильно санированы, то простоят еще столько же.

Бионика Дорнаха

текст
Инна Дружинина

фото 1
О. Риетманн

1

Сельская деревянная архитектура Швейцарии вполне могла бы иметь свое собственное название как стиль, если бы не ее многоликость. Местоположение и политическое устройство горной страны оказали влияние на развитие архитектуры этого и других европейских государств, в том числе и на Россию. Например, появившиеся на Русском Севере фахверковые конструкции, полувальмовые и гонтовые кровли пришли через Норвегию из Швейцарии. В то же время, страна, расположенная на перекрестке европейских путей, испытала влияние различных архитектурных традиций. При взгляде на удивительный ландшафт со сказочными домиками, словно одетыми в изящную сетку деревянного каркаса и украшенными красной геранью, узнаешь дух соседней Германии. На территории итальянской Швейцарии ощущается раскрепощенность в линиях сложившейся застройки. В то же время, религиозные представления протестантизма, а затем католицизма повлияли на темперамент архитектуры и стилистику этих мест. Уютные особнячки, типичные для провинциальной Франции, гармонично вписываются в природное окружение.

Избалованная архитектурными изысками Европа в начале XX века увлеклась бионикой. Шедевры знаменитого испанского архитектора XIX века Антонио Гауди вдохнули новые идеи в творчество зодчих. В 1915 году в Дорнахе (близ Базеля, Швейцария) началось строительство скульптурно-органического сооружения – Гётеанума (Goetheanum). Созданное по проекту немецкого философа Рудольфа Штайнера, пробующего себя в качестве архитектора, оно было призвано служить центром антропософского общества и по этой причине мало известно среди широкой общественнос-

ти. Философия Р. Штайнера о человеке в природе и природе человека при создании Гётеанума подтолкнула его к органической архитектуре, имеющей социально-функциональную организацию архитектурных форм. К тому же, неожиданное направление в архитектуре имело много общего с новой философией. На строительстве этого сооружения, в период первой мировой войны, работали представители восемнадцати народов Европы.¹ «Институт спиритуальных наук» был практически построен к 1921 году, но деревянное здание сгорело дотла 31 декабря 1922 года.

Невозможно однозначно высказать свои ощущения, глядя на Гётеанум. Но не вызывает сомнений ошеломляющее впечатление и неординарность архитектуры. В полной мере осознаешь мощь и силу воздействия Архитектуры на человека!

Изучая ее на этом примере, приходишь к выводу, что перед нами культовое сооружение. Во-первых, размещение объема на повышенных отметках рельефа. Во-вторых, неблагодарными были бы усилия по описанию архитектуры самого объекта, ограничимся основными параметрами. Высота двухэтажного здания составляла 34 м, а его габариты – 83 x 75 м. Обратите внимание, что высота второго, построенного позже на том же месте Гётеанума в 5 этажей – 37 м. В-третьих, обращение автора к купольной системе. «Чешуйчатая» деревянная крыша перекрывала два цилиндрических объема разного диаметра, образуя взаимопроникающие, взаимосвязанные разновеликие купола строгой, математически правильной формы.

Дерево как строительный материал впервые использовалось здесь как массив скульптурной пластики. Обращение к

1 В том числе художница Ася Тургенева со своим мужем – поэтом-символистом Андреем Белым. Среди тех, кто увлекся идеями Р. Штайнера, были поэт Максимилиан Волошин, художник Василий Кандинский, актер Михаил Чехов и др.

1. Историческое фото Гётеанума
2. Гласхаус

2

нему автора означало, с одной стороны, сложности в устройстве круглых поверхностей наружных стен, с другой стороны, подлинно «ручную» работу, превратившую здание в объект исключительный. Очевидно, упрощенный первого и мощный декор второго этажей имеют свою философскую основу и придают неповторимый силуэт зданию.

Если А. Гауди использовал в своих произведениях приемы романтизма и модерна при создании «живого» дома, то Р. Штайнер воплощал в органической архитектурной форме морально-эстетические и духовные основы мироощущения человека, обращаясь к духовным и естественно-научным идеям И.В. Гёте. Открытия Гёте имели огромное влияние на формирование идеи органической архитектуры. Позже на его работы ссылались Л. Салливан, Ф.Л. Райт, Ле Корбюзье.

Теория цвета и света Гёте нашла яркое применение в неповторимых цветных витражах холлов и большого зала Гётеанума. На цветное стекло толщиной 2 см при помощи пескоструйного аппарата наносился рисунок спиритического характера. Изготовление такого витража требовало умения, терпения и филигранной точности исполнения техно-

логического процесса. Кстати, для изготовления этих витражей в 1914 году была построена специальная мастерская неподалеку от места будущего Гётеанума, являющая собой не менее интересное деревянное сооружение – Гласхаус (Glashaus). Построенное, как и первый Гётеанум, из дерева без единого гвоздя, оно состоит из двух одинаковых цилиндрических объемов, перекрытых двумя равнозначными куполами. Словно триптих, трехчастные витражи, ориентированные по сторонам света, имели общую структуру с витражами первого Гётеанума. Гласхаус и Гётеанум составляли единый ансамбль и служили ярким примером «метаморфозы» теории Гёте, положившим основу развития стиля.

Гласхаус сохранился до наших дней и продолжает удивлять туристов своими формами.

Несмотря на недолгое существование, появление Гётеанума Р. Штайнера – воплощение органической архитектуры, помогло оформиться новому стилю – бионике. В свою очередь, бионика, объединившись с антропософией, увлекла зодчих многих стран и подарила особое направление в архитектуре, развивающееся и в наши дни.

Семантика деревянной архитектуры

текст
Марк Меерович

Вальдорфская школа в Ставангере, Норвегия
Арх. мастерская ХУС
(Э. Таральдсен, О.Р. Нигард,
С.Э. Тойен, С.О. Воксен)

Концепция органической архитектурной формы, практически реализованная в начале прошлого века в ходе строительства Гётеанума, нашла свое продолжение во все более расширяющейся практике архитекторов антропософ-

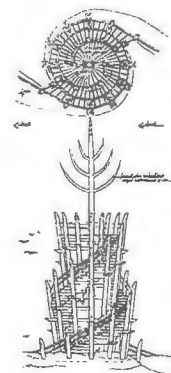
ской ориентации.

Одно из мощных современных направлений – венгерская школа органической архитектуры, вдохновителями и создателями которой являются два выдающихся архитек-

тора – Имре Маковец (Imre Makovecz) и Джьержи Цете (Georgy Csete). Она дала целую плеяду мастеров, составивших славу современной венгерской национальной архитектуры.

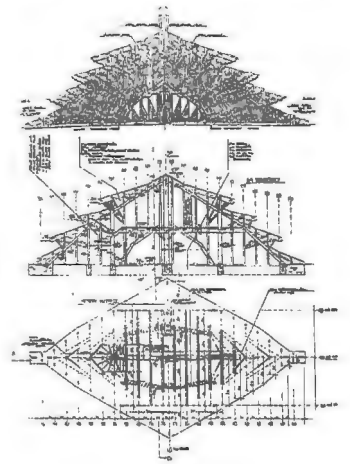
- «Архитектура, вырастающая из ландшафта, как и из корней народной культуры».
- «Пространство, способствующее формированию общностей людей»
- «Дух, живущий в здании и ощущаемый всеми».
- «Архитектурная форма, возникающая как отражение осознания человеческой душой своих самых высоких мыслей, чувств, побуждений».

Это не просто лозунги, это реальная философская основа творческого замысла тех произведений венгерских архитекторов, чьи работы представлены здесь.

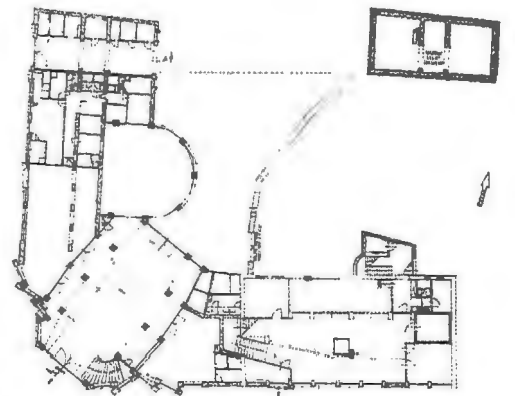

Смотровая башня в Надиккало-Харангот, Венгрия
Арх. Д. Эклер

Танцевальный зал в
Надиккало-Харангот,
Венгрия
Арх. Д. Эклер

Народный дом в Зеренце,
Венгрия
Арх. Ф. Саломи

«Земля Иркутская, деревянная...»

Ополовников А.В.,
Ополовникова Е.А.
Земля иркутская, деревянная...
— М.: ОПОЛО, 2004. — 536 с.:
илл. 867.

Важным событием в культурной жизни России 2004 г. стала презентация книги А. В. Ополовникова и Е. А. Ополовниковой «Земля Иркутская, деревянная...», которая посвящена традициям деревянного зодчества Приангарья. Это третий том серии книг «Древнерусское деревянное зодчество». Первые два тома — «Древний Обдорск и заполярные города-легенды», «Избная литургия. Книга о русской избе» — получили признание и удостоены золотой медали Российской академии художеств и других наград.

«Земля Иркутская, деревянная...» — монументальное иллюстрированное издание, созданное по инициативе губернатора Иркутской области Бориса Александровича Говорина, по заказу администрации и Центра по сохранению историко-культурного наследия Иркутской области.

Авторы: ученый-подвижник, крупнейший специалист в области реставрации памятников древнерусского деревянного зодчества, академик архитектуры Александр Викторович Ополовников и его дочь — продолжатель идей и дела отца, профессор архитектуры Елена Александровна Ополовникова.

Предисловие к книге написал широко известный русский писатель Валентин Григорьевич Распутин. Оно

начинается словами: «Русь деревянная» — сколь многие до сих пор слышат в этих словах вместе с материалом «пошива» древней нашей Родины еще и ее приземленность, низкорослость, духовную ограниченность. Но, во-первых, мы не выбирали, в каких стенах жить и мужать Руси, а выбрал для нас эту землю, поросшую лесами, Господь; а во-вторых, нам ли страдать от того, что давно и неизбежно сделалось нашей судьбой? В этой «рубашке», теплой, прочной и уютной, податливой солнцу и небу, мы родились, надышались ее духом, приняли ее плоть; благодаря родным деревянным стенам мы получили свое, чуть иное, чем у других, зрение на мир и иную душевную чувствительность.

У авторов этой книги, среди их трудов о русском деревянном зодчестве, есть и «Избная литургия», названная словами Сергея Есенина. Как это точно: изба для русского человека — целый соразмерный ему мир, его космос и вера, многое в едином. Почти вся Русь вышла из избы. Сколько пропето ей благодарных песен, сколько печальных вздохов вослед уходящей деревне рассеяно над нагретой ею землей! Найдите еще и теперь, на исходе его деревянной судьбы, русского человека, который бы где-нибудь на луговине возле речки не прислонился нежно к красавице березке и который бы не погладил трепетно, вдыхая смоляной дух, свежераспиленную сосновую доску. В нас эта любовь и это напряжение навечно, до последнего человека. Объявить «неперспективной» деревню значило начать поход за «неперспективностью» России.

Основа книги «Деревянное зодчество Иркутской земли» подготовлена А. В. Ополовниковым в 1980-х годах по экспедиционным материалам. Эти материалы в основном по Приангарью: Братский р-н, Усть-Илимский острог, есть детальное обследование Приангарских деревень, которые впоследствии были затоплены, и

многое другое.

Книга состоит из трех глав, последовательно раскрывающих все грани традиционного деревянного зодчества Иркутской земли. Первая глава — «Из глубины веков» — рассказывает об изначальной жизни края, о древних народах на ее территории, их жизненном укладе и культуре.

Вторая глава — «Твердыня отечества» — посвящена периоду освоения русскими Приангарья и дальнейшему их продвижению на северо-восток Сибири. Здесь читатель знакомится с былыми градостроительными ансамблями — деревянными крепостями, от которых, к счастью, хоть что-то осталось: Илимским, Братским, Бельским... Не обойден стороной и Иркутск. В этой же главе представлены старинные деревянные церкви.

Третья глава — «Крестьянская Атлантида» — повествует о старинных селениях, традиционных крестьянских усадьбах и разнообразных хозяйственных и прочих постройках, стоявших некогда на берегах Ангары и ее притоках, а ныне, в большинстве своем, погубленные из-за строительства гидроэлектростанций или из-за не уважения народа к своей старине. Здесь же читатель ознакомится с традиционными усадьбами некоторых других районов Иркутской земли, во многом схожими с приангарскими.

О людях, которые воссоздают памятники старины, об их отношении к вверенной им работе — заключительная часть книги «Годы идут..»

Книга выпущена в альбомном подарочном варианте, на мелованной бумаге, в твердом переплете, с цветными и черно-белыми иллюстрациями.

Ирина Горбунова

Опоры-ряжи старого моста через Куленгу. 2002 г.

Охотничья изба на реке Закике. 1976 г.

Баня на берегу Илги. 2002 г.

В избе: предметы быта. Музей «Ангарская деревня». 2002 г.

Деревянная архитектура в строительных программах Финляндии

текст
Андрей Ляпин

Архитектурная школа небольшой Финляндии выделяется своей самобытностью и оригинальностью на протяжении всего XX века.

Серьезное отношение к архитектуре как важнейшему элементу национальной культуры, заложенное идеологами становления независимой Финляндии на рубеже XIX-XX веков, продолжалось во все исторические периоды Финского государства и продолжается в настоящее время.

Уже на ранних этапах становления финской архитектуры в конце XIX века сформировались некоторые особенности финской архитектурной школы, которые отличали её от других национальных архитектурных школ и выделяют её и сегодня как самобытное и жизнеспособное явление в общей панораме мирового архитектурного процесса.

Рационализм, внимательное отношение к природному и городскому окружению, точно выбранные соразмерные человеку пропорции, безупречные функциональные решения, использование местных строительных материалов – вот некоторые особенности финской архитектуры, которые были присущи ей на протяжении всего XX века.

В число важнейших особенностей входит также признавание важной роли архитектуры в обществе и постоянное внимание к вопросам архитектуры со стороны государства.

В декабре 1998 года Финское Правительство приняло новую **Программу Государственной архитектурной политики**. В предисловии к Программе премьер-министр страны Пааво Липпонен пишет:

«Нашими важнейшими целями архитектурной политики являются:

- Поднять качество строительства общественных зданий и управление недвижимостью на более высокий уровень и таким образом создать пример для всей отрасли строительства в нашей стране.
- Повысить использование методов, которые будут

продвигать хорошую архитектуру и высокое качество строительства.

– Усилить внедрение инноваций через профессиональное архитектурное обучение и через исследовательскую работу.

– Усилить процесс сохранения нашего архитектурного наследия и развивать окружающую среду как часть культурной истории и архитектуры».

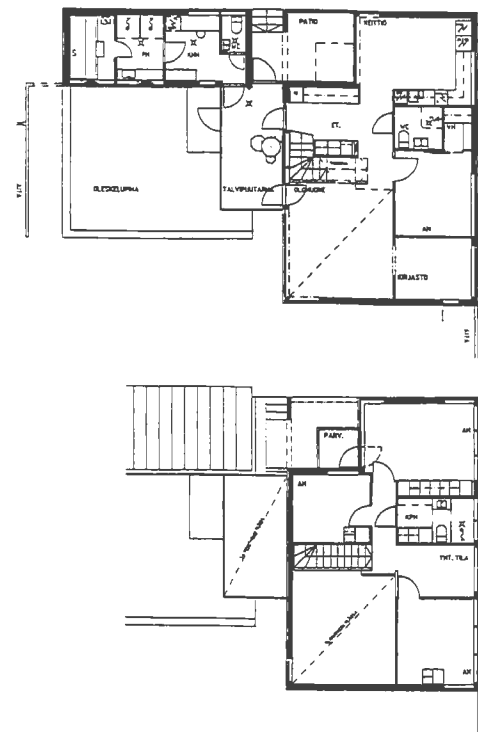
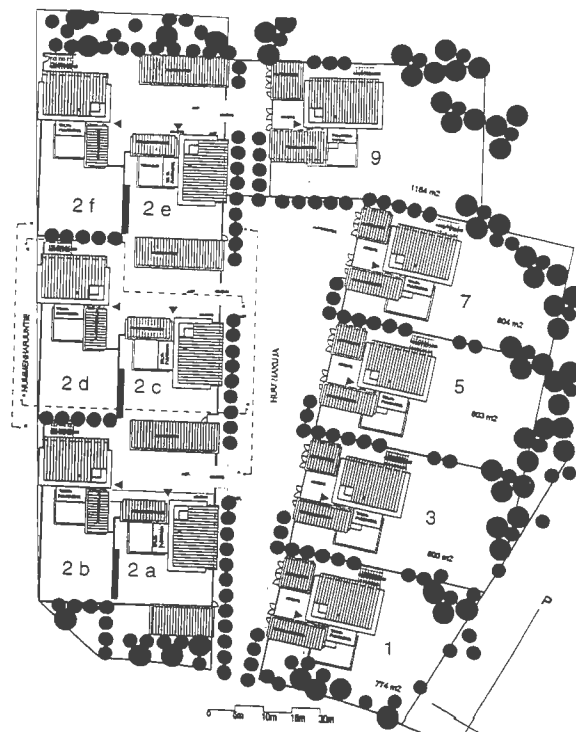
Чтобы подчеркнуть важность традиции в архитектуре и успехи финской архитектуры в прошлом, премьер-министр отметил: «Финляндия знаменита многими международно признанными архитекторами. Поэтому особенно приятно, что Правительственная Программа архитектурной политики принимается в очень важный год, когда мы празднуем 100-летнюю годовщину со дня рождения нашего величайшего и хорошо известного архитектора Алвара Аалто».

В разработке Государственной Программы участвовали Министерство образования, Министерство окружающей среды и Совет по искусству Финляндии.

Одобренная Правительством 17 декабря 1998 года Программа была опубликована в средствах массовой информации, а затем была выпущена в форме красочного буклета на финском, шведском, английском и французском языках. Публикация Государственной Программы на иностранных языках в эпоху Единой Европы – это практическое решение, содействующее усилению международного сотрудничества в сфере архитектуры.

Вслед за Государственной Программой архитектурной политики были приняты еще несколько строительных программ, подготовленных отдельными министерствами, муниципалитетами и союзами предпринимателей.

Так как нас интересует использование дерева в современной строительной практике Финляндии, рассмотрим три строительные программы, в которых сделан акцент на ис-

Проект под девизом
«Каппа»

Генеральный план квартала

Планы жилых домов

пользовании деревянных конструкций и продукции лесной промышленности.

Первая программа – «Финская Правительственная программа экологически устойчивого строительства», разработанная Министерством окружающей среды в 1999 году.

Вторая – Программа «Деревянные жилые кварталы», подготовленная объединенными усилиями Министерства сельского хозяйства и лесной промышленности, Министерства окружающей среды, Финской Корпорацией жилищных ярмарок и Финским Центром развития технологий. Проработка этой программы началась еще в 1997 году, а начало её реализации пришлось на 2000 год.

Третья Программа – муниципальная. Это Программа «Экологического городского жилища Викки», разработанная муниципалитетом города Хельсинки весной 1999 года.

«Финская Правительственная программа экологически устойчивого строительства». Вопрос отношения архитектуры с природой всегда был одним из центральных вопросов финской архитектурной практики.

Известный финский архитектор и теоретик архитектуры Кайе Петаяя пишет о значении природы: «...нам пришлось жить здесь, в северных районах, на краю земли, в условиях, которые постоянно сами напоминают о себе. Даже для того, чтобы в здании были созданы нормальные условия для работы, учебы, отдыха – для любой деятельности человека, приходится выдержать борьбу с природой. А в условиях нашей природы эта борьба часто приобретает остро драматический характер, и ни архитектор, ни инженер не должны забывать этого.

Однако, проектируя новое, мы не можем воспринимать природу исключительно как противника. Одновременно с этим она – и наш друг, наш учитель. Мы не можем убежать от нее, отгородиться в искусственном, герметически замкнутом мире. Мы стремимся расставить «декорации» на окружающей нас «естественной сцене» так, чтобы можно было следить за большим спектаклем, разворачивающимся на её подмостках, и участвовать в нем, каждому в своей собственной роли» (Петаяя К., 1978, с.94).

В условиях обострения экологических проблем традиционное для финской архитектуры внимание к природе приобретает особую важность. Повсеместно идут поиски в сфере взаимодействия архитектуры с экологией. Быстро складывается новый сектор архитектурного проектирования – экологическая архитектура. Финляндия является одним из мировых лидеров экологической архитектуры, наряду с другими скандинавскими странами, Германией и США.

Особая «Программа экологически устойчивого строительства» правительства Финляндии задает ориентиры но-

вых экологических стандартов в строительстве. И разумеется, что значительная роль в этой Программе отведена деревянной архитектуре.

В Программе отмечено, что дерево является одним из самых эффективных в экологическом отношении материалов и имеет следующие преимущества как строительный материал:

- Дерево – это возобновляемый природный ресурс.
- Производство деревянных конструкций отличается малым расходом энергии.
- Дерево отличается легкой доступностью. Дерево как строительный материал можно получить во многих регионах.
- Дерево отличается высокой способностью соединения в конструкции с помощью склеивания, врубок, гвоздевых соединений.
- Дерево хорошо сочетается с другими видами строительных материалов.
- Использование местных пород дерева в строительстве снижает расходы на транспорт и расходы топлива при транспортировке.

При этом, по своим экологическим и гигиеническим характеристикам, по совмещению с организмом человека, дерево не имеет себе равных среди других строительных материалов. Подход к использованию строительных материалов, заложенный в «Программе экологически устойчивого строительства» позволяет рассматривать дерево как самый экологичный строительный материал, вполне современный и имеющий большие экономические перспективы.

«Программа экологически устойчивого строительства» призывает широко использовать дерево во всех видах строительства – в жилой архитектуре, в промышленном строительстве, при возведении общественных зданий.

Программа «Деревянные жилые кварталы» была сделана для того, чтобы продвинуть строительство городской жилой застройки. Основную часть финансирования для этой Программы предоставил Финский Центр развития технологий. Фактически Программа опиралась на многолетние усилия Центра развития технологий по использованию и продвижению на рынок строительства продукции лесоперерабатывающей промышленности.

Программа «Деревянные жилые кварталы» придала форму разрозненным усилиям по продвижению конструкций из дерева. Нужно строить деревянное жилье – таков лозунг Программы. Тогда закономерно все новейшие разработки по технологии переработки древесины, передовые высокоэффективные конструктивные элементы из дерева, все достоинства легкого производства, доставки и монтажа

Проект под девизом «Каппа»

«Деревянные жилые кварталы» в г. Туусула. Общий вид

Деревянная застройка в г. Туусула

деревянных конструкций приобретают смысл и экономическую перспективу.

Всего в рамках Программы планируется построить 150000 м² жилья в нескольких городах Финляндии. Для каждого города разрабатывались свои условия и определялась площадка под строительство. Много внимания уделялось планировке будущих жилых поселков. Задача состояла не только в том, чтобы построить много жилых домов.

Айла Корпиваара, главный архитектор Министерства окружающей среды Финляндии, была одним из главных создателей Программы «Деревянные жилые кварталы». Она пишет: «Целью Программы «Современный деревянный город» является продолжение финской традиции старых деревянных городов и создание новой городской окружающей среды, в которой новые технологии объединяются с традиционными деревянными конструкциями и городскими структурами. Программа использует изучение вопросов зонирования, квартальную планировку, решение паркингов и условия безопасности (противопожарные требования) в жилых кварталах. Другая цель Программы – развивать гибкость, функциональность и приспособляемость домов из деревянных конструкций так же, как экономное использование энергии» (Korpivaara A. 2000).

Первая серия жилых кварталов в рамках этой Программы возводится в городе Туусула. Это финансово самостоятельный коммерческий проект, хотя и использующий государственные субсидии для разработки проектной документации и проведения архитектурного конкурса.

В городе Туусула была организована Финская жилищная выставка 2000 года – периодическое мероприятие, проводимое для развития строительного комплекса страны.

К сожалению, в России нет практики проведения подобных выставок. Идея же подобной выставки практична и серьезно оживляет региональную строительную активность, позволяет наметить ориентиры и стандарты нового строительства.

К какому-то определенному сроку, к началу выставки, строительные фирмы строят небольшой жилой поселок в соответствии с условиями выставки и заранее намеченным

планом. Каждая строительная фирма – участник выставки – получает участок и задание на разработку и строительство либо одного здания, либо комплекса зданий.

К началу жилищной выставки такой выставочный поселок открывается для посещения и ознакомления. Строительные фирмы разворачивают свои экспозиции и рекламные стенды. Представляются новые технологии, новые материалы, передовые достижения строительной промышленности и архитектуры. Выставка работает несколько дней, а возведенные здания сами являются экспонатами и образцами работы строительных фирм.

С окончанием работы Жилищной выставки фирмы сворачивают свои экспозиции и рекламные стенды. Те здания, которые имеют заказчиков, передаются им, те здания, которые еще не имеют хозяев, выставляются на продажу. Город, в котором проводилась Жилищная выставка, получает квартал новейшей и самой передовой по технологии застройки.

Выставка в городе Туусула проводилась в рамках Программы «Деревянные жилые кварталы». Для этой выставки были выбраны 4 главные темы:

- Экологическая архитектура
- Восстановление окружающей среды после нанесения экологического ущерба
- Защита от подземных вод
- Деревянное строительство

Перед выставкой был проведен архитектурный конкурс, в котором приняли участие 27 проектных команд. В составе каждой проектной команды были не только архитекторы. Обязательными участниками проекта были специалисты по строительным конструкциям, водоснабжению, электричеству, технологии строительства.

Из представленных работ жюри выбрало 5 проектов для реализации на Жилищной выставке 2000 года. Первый приз конкурса получил архитектор Микко Кайра и его команда, сформированная строительной фирмой «Сканска-Суоми», конкурсный девиз «Каппа».

Подобная организация конкурса является особенностью Жилищных выставок. Каждая архитектурная команда выс-

тупает вместе со строительной фирмой. В случае успеха в конкурсе, строительная фирма получает возможность представить свою продукцию на выставке, а также подряд на возведение выставочных зданий. Архитектурное бюро Микко Кайра выступило вместе с фирмой «Сканска-Суоми», архитектурная фирма «Нурмела, Райморанта и Тассэ Архитекторы» объединили усилия со строительной фирмой «Асунтасатио».

Все пять проектов-победителей архитектурного конкурса «Деревянные жилые кварталы в Туусула» были реализованы на Жилищной выставке 2000 года.

Каждая команда-победитель получила свой участок на территории выставки и возвела здания по своему проекту.

Программа «Экологическое городское жилище Вики» муниципалитета города Хельсинки. Ряд городов в последнее десятилетие начал собственные программы экологического строительства. И вполне закономерно, что жилища застройки из дерева составляет значительную часть строительства по этим программам. В финансировании муниципальных программ экологического строительства используются все возможные источники – средства центрального Правительства, муниципальные субсидии, частное финансирование, гранты от Европейского Сообщества.

Хорошим примером муниципальной программы экологического строительства служит создание экологического поселка в университетском районе Вики в Хельсинки. Новый жилой район, спланированный в соответствии с экологическими принципами, имеет большую долю современной деревянной застройки.

Создаваемый новый район ориентирован на получение доходов от жилья. Организация этого экспериментального, во многом показательного района продумана таким образом, чтобы создаваемое жилье соответствовало условиям и конъюнктуре рынка жилья. Новый район сформирован кварталами, которые включают многоэтажные и малоэтажные жилые дома, квартиры, предназначенные для аренды, односемейные жилые дома, школу, детский сад, спортивные сооружения. Новый район ориентирован на эффективный и доходный риэлторский бизнес.

В застройке района Вики принимают участие 8 организаций-застройщиков. Это большие строительные фирмы («Сканска», «ВВО Ракеннутая Оу», «ЮАЙТи Корпорейшн»; жилищные кооперативы и ассоциации (Региональная жилищная ассоциация Хельсинки «Хелас», Южный финский кооператив застройщиков); государственное учреждение (Жилищное бюро города Хельсинки). Часть застройщиков ведет строительство объектов на собственные средства, другая часть использует субсидии муниципалитета Хель-

синки и центрального Правительства. Три здания для муниципального жилья возводятся Жилищным бюро города Хельсинки на средства Европейского проекта «Новое солнечное городское жилище» и спонсируются Советом Европы.

Муниципалитет координирует усилия всех участников Проекта застройки и следит за выполнением всех требований Программы Проекта.

Примером современной деревянной архитектуры в районе Вики являются деревянные жилые дома, возводимые Региональной жилищной ассоциацией Хельсинки «Хелас». Ассоциация возводит 3 деревянных дома, каждый из которых включает 8 квартир. Квартиры рассчитаны на жителя со средним уровнем дохода. Приблизительная площадь одной квартиры – 80 м². Каждая квартира имеет балкон или террасу на южной стороне здания. Архитекторы, выполнявшие проект («Ахто Олликайнен Оу»), постарались использовать традиции старой деревянной архитектуры, что организуется открытыми деревянными балками потолка, проработкой фактуры деталей, характерными пропорциями кровли и проемов.

В целом, деревянная архитектура выдвигается сегодня на передовые позиции в современной архитектуре Финляндии. Сочетание высоких экологических качеств дерева, современных технологий производства и монтажа деревянных конструкций, невысокой стоимости деревянных зданий, растущий интерес к экологической и деревянной архитектуре среди заказчиков – все это обеспечивает деревянной архитектуре стабильное положение на строительном рынке как в Финляндии, так и в других европейских странах.

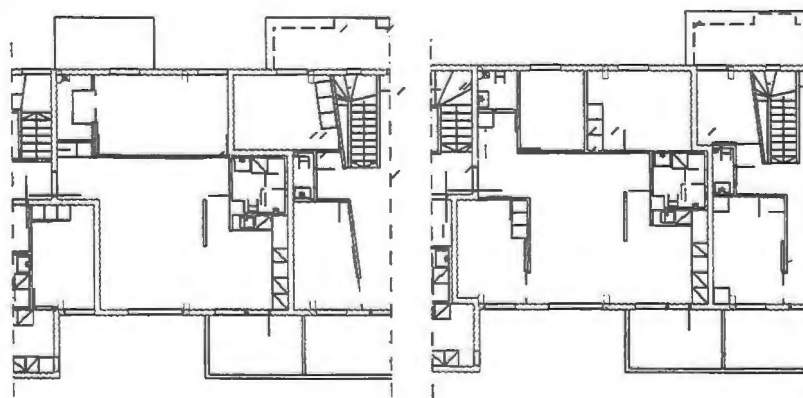
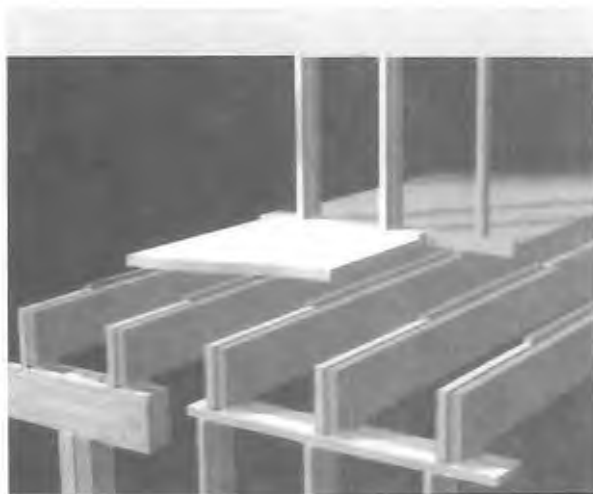
Литература:

1. К.Петяя. О проблемах современной архитектуры Финляндии. Зодчество 2, Стройиздат, 1978.
2. Wooden Housing Quarters. Tuusula Municipality, office of the Housing Fair. Tuusula, 2000.
3. The Finnish architectural policy. Arts Council of Finland and Ministry of Education. Helsinki, 1999.
4. Finnish Government Programme for Ecologically Sustainable Construction. Ministry of the environment, Helsinki, 1999.
5. Ecological Urban Living Viikki. City of Helsinki. City Planning Department, Helsinki, 2000.
6. Aila Korpivaara. Taking wooden towns as an example. Wooden Housing Quarters. Tuusula Municipality, Office of the Housing Fair. Tuusula, 2000.

Региональная жилищная ассоциация Хельсинки «Хелас»

Независимая конструкция основания пола из бруса

Планы жилых домов

Summary

Page 4 WOOD BURNS DOWN

To relax the local authorities and to receive the guests of high rank «with no tie» the so-called «Fisherman's House» was built at the source of Angara-river, near Lake Baikal. Vladimir Ivanov, a young architect, was noticed by his skillful performance of exclusive orders and became the author of this house. At the time of ferroconcrete boom the proposal to build a wooden guest house turned out to be unexpectedly to the point and was graciously approved. The economic department was entrusted to select the men good for carpenter's work, and the forestry department was entrusted to provide thick round timber. And the work started. But, as it usually happens, the workers did not take the trouble and made the first eight rims of the current timber with an inappropriate diameter. And when Pavlov insisted on demolishing the construction and replacing the logs by the logs with the necessary diameter, the building work obeyed to his will and was finished successfully.

The architecture of the house is not the derived action of the saw and the fret-saw. It is a technology of the axe. It is natural, convincing and original. It is no use to look for the local sources in it. It grew up in the area of timber and cold winter. And this clear and efficient action kept the construction from the annoying vulgarity and provided Siberian exotics easily penetrating into one's soul, refined as it may be.

One of the eminent guests said with admiration: «Even if Pavlov had

created nothing more, he would have justified his professional choice with this single house.» Why not to say it as a good toast. However, this is a suitable case to add: style is an absence of style. It is a taste.

After the Fisherman's House Irkutsk architects were attracted by wood. They followed the strictness in wood and, as much as they could, created a couple of successful remakes, until the cylinder logs and...new Russian architects appeared. With their own aesthetics.

After Pavlov had left Irkutsk, near his house appeared another one, it was not a loghouse, and its style was glaringly unfriendly. And soon the Fisherman's House burnt down. Not with vexation, but naturally, with smoke and fire. The author of the building next door considers the rebuilding of the lost house unpractical.

Vladimir Bukh

Page 32 EXPERIENCE OF THE HISTORICAL HERITAGE PRESERVATION IN GERMANY

Preservation of historical buildings is a very important town-planning task. Every old building has its own interesting history. It is necessary to preserve the historical building funds, but at the same time to create the present-day housing standard to guarantee the serviceability of houses in the future as well. The half-timbered house in Magdeburg, Germany, can be given as an example of present-day restoration.

**Eike Grabert
Svetlana Seredenkina**

Page 50 WOODEN ARCHITECTURE OF THE CONSERVATION AREA OF THE LAKE BAIKAL CIRCULAR RAILWAY

The rural and taiga character of the Siberian constructions on the shore of Lake Baikal could not influence on the style and the look of the road under construction, because it had been fully designed by the capital engineers, first in St. Petersburg and Irkutsk, then directly on the site of the road: in the Maritui and Baikal villages, where the first special design bureaus were organized. That is why the Lake Baikal Circular Railway is an example of the European construction culture, with its peculiar departmental style worked out by the Ministry of Communications (the so-called «style of Ministry of Communications»). The only thing that was «borrowed» from the Siberian and Russian experience in general is a technology of wooden and at the same time urban house-building. Making walls of round timber, binding corners without remainders, panelling frameworks with planks, strict decorations of fronts – these are the attributes of the architectural constructions of the Lake Baikal circular area and other areas of Transsib.

Aleksey Chertilov

Page 66 THE MILLENIUM TOWER IN MAGDEBURG

The Millenium Tower in Magdeburg, Germany, was built in 1999. It is possibly the biggest wooden tower of the world. The dissymmetric «slanting» tower is 60 meters high, the foundation is 70 meters by 50 meters, and the size is 61000 cubic meters. The panelling is

made of glass fabric. On the whole 5500 cubic meters of timber was used.

On its 8030 square meters the tower houses a big exhibition about the history of mankind and scientific development.

**Eike Grabert
Svetlana Seredenkina**

Page 69 BIONIKA DORNAHA

Wood, this building material, was firstly used as sculptural plastic. The author decided to use it, on the one hand, because of the difficulties in fixing the round surfaces of outside walls, and on the other hand, it was a real «hand-work», which turned the building into the exclusive object. Obviously, the simple decor of the first floor and the great decor of the second floor have a philosophical basis and give a unique silhouette to the building.

While A.Gaudi used in his creations the touch of romanticism and modern to design a «living» house, R. Schteiner realized moral, aesthetic and spiritual basis of the human's attitude in the organic architectural form and turned to I.W.Goethe's spiritual, natural and scientific ideas. Goethe's discoveries had a great influence on the forming of the idea of organic architecture. Later L.Salliven, F.L.Right, Le Carbusier referred to his works.

Inna Druzhinina

А К Ц И О Н Е Р Н О Е О Б Щ Е С Т В О
ИРКУТСКГРАЖДАНПРОЕКТ

664025, г. Иркутск, ул. Степана Разина, 27, т.: (3952) 34-23-06, ф.: 20-23-15, e-mail: irgp@irgp.ru

Усадьба Сукачева
г. Иркутск

4 0 л е т с в а м и

Институт свою цель определяет в решении ряда задач:

- продвижении новых конструктивных и инженерных систем и решений
- оптимизации архитектурно-планировочных решений
- улучшении потребительских свойств проектной продукции
- принятии правил на конкурсное проведение проектирования для градостроительно значимых объектов
- культивировании понимания необходимости и первоочередности градостроительных решений

Основной стратегией института является рост и развитие:

- сферы и объема проектных услуг
- качества принимаемых проектных решений
- уровня автоматизации системы управления и создания проектной продукции
- информационной базы

DEMETRA[®]
ГРУППА КОМПАНИЙ

www.demetra.ru

ОКНА ПВХ

ДВЕРИ

ВИТРАЖИ

ПЕРЕГОРОДКИ

ЛОДЖИИ

ЖАЛЮЗИ

AL